

Александр Тракх



ПАНОПТИКУМ

КНИГА ПЕРВАЯ

КРАХ

18+

Александр Гракх

Паноптикум. Книга первая. Крах

«Accent Graphics communications»

2015

Гракс А.

Паноптикум. Книга первая. Крах / А. Гракс — «Accent Graphics communications», 2015

Казалось бы, что нового и поразительного можно еще придумать в жанре фантастики. Соединить уникальную идею, древние империи, первобытные племена с техногенной цивилизацией и той странной чертовщинкой, без которой нет интересной книги. Читатель вступает в Паноптикум еще размеренными шагами, встречается с первыми действующими лицами и не подозревает, что сюжет, герои, фабула объединятся в невообразимом и захватывающем действе. Роман разворачивается как широкоформатный детектив, увлекательный многосерийный фильм, соединяя настоящую научную фантастику с реально вдохновляющими технологиями и триллер, пронизанный нитями страстей. Паноптикум пал. Эра благоденствия и процветания человеческой цивилизации закончилась в октябре 2218 года, когда Земля столкнулась с колоссальным астероидом, прилетевшем из холодных глубин космоса. Программа «Ковчег», созданная в недрах мирового правительства, дала человечеству возможность пережить последствия планетарной катастрофы. Изменение климата, мутации биологических видов, дефицит ресурсов и прочие напасти нового времени, столкнули различные очаги цивилизации, стихийно возникавшие на руинах Паноптикума, в непримиримой борьбе за выживание. Многоплановое произведение охватывает панораму событий, происходящих в будущем Земли, спустя несколько сотен лет после падения «Анубиса», изменившего облик планеты. Основные события разворачиваются на североамериканском континенте, на территории Китая, но сейчас это уже совсем другая география и история. На этой, теперь уже неузнаваемой Земле поселения людей оказались на разных уровнях культуры, технологического развития и материального благополучия. Пружина спирали, которая закрутилась в Акритской империи, затронет все окружающие пространства. Новейшие фантастические технологии и полудикие племена сосуществуют рядом, также, как и необыкновенные приключения соседствуют с социальными, философскими, научно-техническими достижениями, помыслами,

размышлениями, трагическими или странными жребиями героев. Но самое замечательное, что никто не догадывается, кто и что является двигателем прогресса и судеб. Через бесконечные годы, проведенные в подземных убежищах, через страдания, тюрьмы и революции, через жуткий животный, растительный и человеческий мир – к Марсу и далее, к галактикам, к осуществлению безумных и великих идей. К истине.

© Гракх А., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть I. Имперский Пакт	10
Глава 1. Снежный буран	10
Глава 2. Пастырь	16
Глава 3. Исход	24
Глава 4. Акрит	34
Глава 5. Эрик Злой и Квинт Мудрый	56
Глава 6. Притаившийся во тьме	62
Глава 7. Анна и Кати	85
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Александр Грах

Паноптикум. Книга первая. Крах

Пролог

Начало 22 века ознаменовалось переходом ряда государств от капиталистического строя к новой общественной формации. Появление поколений, воспитанных в подлинном понимании своих гражданских прав и обязанностей, изменило самосознание людей, заложив предпосылки к трансформации капиталистического строя в более справедливый общественный строй, названный впоследствии «Паноптикум».

Фундаментом возникновения Паноптикума стали технологии предшествующего века, объединившие людей в социальные сети на принципах открытости информации. Огромные базы данных, дешевые средства доступа к ним позволили широким массам получать образование на различных проектах, поддерживаемых научными кругами. Развитие интернета и социальных сетей привело к тому, что узкие группы лиц, находящиеся у власти, потеряли монополию на контроль за общественным мнением. Правительства ряда государств, для которых был характерен авторитарный стиль управления, пытались использовать обильную пропаганду, абсурдные запреты и науку геополитических интриг в качестве рычагов контроля над информацией, тщательно дозируемой населению. Но там, где информатизация достигла определенного уровня, там, где широкополосные сети давно стали необходимым элементом, участвующим в производстве конечного продукта, сдерживать предпосылки возникновения нового общества было уже практически невозможно.

Начало новому мировому порядку было положено в конце 21 столетия нашей эры. К этому времени мировой капитал, воплотивший в себя транснациональные черты, послужил причиной размытия границ существующих государств. Эпоха глобализации привела к возникновению мирового правительства, чьим предшественником являлась ООН – Организация Объединенных Наций. Народы посредством волеизъявления в Единой Мировой Сети – преемницы Интернета, делегировали своих представителей в главный орган мирового правительства – Унию, которая, в свою очередь, выбирала главу из своего состава – Демократора.

В возникновении мирового правительства в первую очередь был заинтересован мировой капитал, который стремился избавиться себя от региональных политических рисков. Но к середине 22 века произошло событие, названное историками «Революцией социальных сетей». Демократор Ван Линг, избранный на этот пост в 2154 году, заручившись поддержкой масс, внес в Конституцию Унии категоричные изменения, повлиявшие на весь дальнейший ход мировой истории.

Помимо трех независимых ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной, в Конституции Унии закреплялось понятие «четвертой независимой власти» – средств массовой информации. Средства массовой информации стали обязаны функционировать на средства некоммерческого фонда, чей капитал пополнялся за счет налоговых отчислений. Такой подход избавил масс-медиа от влияния частного капитала, который манипулировал общественным мнением в прежние времена.

Но монополию капитала на власть разрушила ещё более категоричная поправка, названная впоследствии «Код Адама». Адам Блум – гениальный программист, хотя и не без признаков аутистического расстройства, создал безумно сложный и запутанный программный код, позволивший полностью автоматизировать банковскую систему, исключив тем самым человеческое влияние на сферу денежного обращения. Благодаря этой поправке, финансисты, как социальная группа, утратили своё былое влияние в обществе, а вместе с ними канула в лету

пресловутая «банковская тайна», обнажив многие нелицеприятные стороны весьма порядочных лиц, которые всегда любили подчёркивать эту порядочность на обязательных публичных политических дебатах.

Человек, реформируя общественные институты, создал новый порядок, в котором его пороки контролировались с помощью технологий самим обществом. Личность каждого из двенадцати миллиардов человек, населяющих планету в эпоху «Паноптикума», была как на ладони. По информационным базам Единой Мировой Сети можно было прочесть жизнь каждого индивида – начиная от любых упоминаний в хрониках, заканчивая всей его финансовой бухгалтерией. В мире полностью безналичного денежного оборота за сухими цифрами доходов и расходов стояла целая статистика. Индивид становился полностью открытым и зависимым от общества в обмен на безопасность и справедливую долю общественных благ.

Само слово «Паноптикум» происходило из древнегреческого языка, $\pi\alpha\nu$ – всё и $\delta\lambda\tau\iota\kappa\acute{o}\varsigma$ – зрительный, или дословно – «всё вижу». Управленческие структуры нового общественного устройства чутко и своевременно реагировали на любую несправедливость, вынесенную в общественное пространство посредством Единой Мировой Сети. Последующие поколения, выросшие и воспитанные в традициях нового общества, оставили за бортом истории многие пороки прежней системы, в которой ложь была узаконенным инструментом влияния на собственных граждан.

Синергетический эффект нового порядка выразился в расцвете человеческой культуры. Новые технологии позволили эффективно решать проблемы прежнего общества. К 2181 году человечество смогло основать автономные колонии на Луне и Марсе. Открытие и внедрение термоядерного синтеза позволило людям управлять плазмой, дающей дешёвую и экологически чистую энергию.

Исследовательские проекты распространялись на все сферы жизни человека – были окончательно побеждены многие ранее неизлечимые болезни, а средняя продолжительность жизни увеличилась до 100 лет. Поменялась и система ценностей – причисление к Пантеону Славы Унии стало для гражданина высшей наградой, которая приносила подлинное бессмертие в памяти человечества.

Неодемократия времен Паноптикума стала основой той политической системы, в которой властью были сами граждане. Прошли те времена, когда народы делегировали свои права «демократично» избранным правителям, чьи интересы часто не совпадали с интересами самого народа. Это было ещё не идеальное общество – некоторые проблемы остались, но уже были не столь значимы, как в прошлом...

* * *

2218 год стал черной датой в памяти человечества. 20 августа Астрономический центр Канады обнаружил космический объект диаметром около 30 километров. Расчеты показали, что траектория движения объекта, названного «Анубис», пересекала орбиту Земли и грозила столкновением с вероятностью 99 процентов.

До эпохального события оставалось 56 дней. За ужасной новостью пришло понимание того, что время не на стороне людей – предпринимать какие-либо действия по уничтожению астероида было уже поздно. Уния приняла решение о создании программы, названной «Ковчег». Суть программы состояла в следующем: в бункера, штольни, военные базы, находящиеся под землей, помещались образцы ДНК флоры и фауны, а также данные на твердых носителях об истории, технологиях, культуре. Там же создавалась инфраструктура для обеспечения длительного выживания избранных, которых отбирали по ряду критериев: наличие необходимых навыков, психическая устойчивость, репродуктивность кандидата.

15 октября «Анубис» вошел в атмосферу Земли, расколовшись на две большие части и множество мелких осколков. Одна крупная часть астероида упала на территорию центральной Европы, в то время как вторая часть упала на Ближний Восток. Вспышка света, подобная Солнцу, озарила горизонты, неся за собой смерть и ужас. Ударная волна, вызванная столкновением, и последующие пожары рушили привычный для людей мир, выжигая все на своем пути. Из образовавшихся при ударе кратеров в воздух взмыли раздробленные горные породы. Но это было лишь начало конца.

Столкновение с космическим объектом пробудило тектонические силы планеты. Жар лавы раскалил уголь, что привело к выходу из земли метана и других газов с высоким содержанием серы, которые несли с собой токсичный радиоактивный пепел – угольный смог. Загрязнение атмосферы резко дестабилизировало климат Земли. Пары серной кислоты не пропускали солнечный свет, и планета погрузилась во тьму, вследствие чего температура по всей Земле упало до минусовой. Метан частично уничтожил в стратосфере озоновый слой, служивший естественной защитой от космических ультрафиолетовых лучей. Вдобавок ко всему, на планете сложились благоприятные условия для размножения бактерий, выделяющих ядовитый газ – сероводород.

В течение первой сотни лет после столкновения огромные объёмы углекислого газа, вырывающегося из вулканических разломов, постепенно накапливались в воздухе, что привело к глобальному потеплению. Перепады температуры, пожары, кислотные дожди и повышение радиоактивного фона привели к вымиранию более половины всех видов флоры и фауны, уцелевших после удара.

Спустя ещё сотню лет, люди из уцелевших ковчегов постепенно стали выходить на поверхность. Но там они столкнулись с более коварным врагом – себе подобными, многие из которых боролись за ресурсы, воду и пищу. Каждый выживал как мог. Понятие морали осталось уделом немногих. Теперь биологическая эволюция взяла вверх над эволюцией разума, породив парадигму силы и выживания.

* * *

Смутное время, наступившее после падения астероида, продлилось пять сотен лет. На руинах Паноптикума возникали и распадались различные военные союзы. Государства в привычном понимании этого слова перестали существовать – на смену им пришли города-государства, управляемые преимущественно автократией. Главной ценностью стала не человеческая жизнь, а технологии и ресурсы, дававшие преимущество в выживании. Отдельные группы человеческой популяции смогли не только частично воссоздать прежние производственные циклы на технологической основе Паноптикума, но и передать эти знания последующим поколениям. Другие же группы откровенно деградировали, скатываясь в примитивное существование, при котором каннибализм был вполне традиционной нормой. Научные знания и технологии стали уделом избранных, которые не стремились делиться ими с окружающим миром.

Климат претерпел различные изменения – Великая зима сменилась резким потеплением, вызвав частичное таяние ледников Арктики и Антарктики. Подъем уровня мирового океана вызвал подтопление некоторых территорий, а неблагоприятная среда и радиация, ускорившая случайные мутации, привели к увеличению скорости видообразования. Освободившиеся биологические ниши стали заселять существа и растения, которые ранее не встречались на Земле.

* * *

К началу 2700 года на планете образовались две крупные влиятельные агломерации с централизованным управлением. Первая располагалась на севере американского континента и называлась Акритская метрополия – по имени столицы Акрит, где были сосредоточены все властные структуры. Вторая агломерация – Кайпианский союз, раскинулась вдоль юго-восточного побережья Азии. Управляемый Верховным Советом из гигантского подземного города Хуанди Кайпианский союз конкурировал с Акритской метрополией, создавая локальные конфликты в различных регионах мира, где еще оставались богатые залежи полезных ископаемых. Борьба за богатства Антарктики, территория которой частично освободилась от ледяного покрова, усилила их противостояние. Остальные очаги цивилизации, различные кочующие и оседлые племена, возникшие на развалинах Паноптикума, были слабы и предпочитали сохранять нейтралитет, поддерживая лишь дипломатические и торговые отношения с гегемонами. Хаос, порожденный «Анубисом» привел к падению Паноптикума...



Часть I. Имперский Пакт

Глава 1. Снежный буран

Гектор Джонс сидел в кресле капитана, задумчиво поглядывая на большой полупрозрачный экран, расположенный в центре управления тяжелым имперским крейсером «Гиперион Прайм» – гордостью военно – воздушных сил Акритской метрополии. Курс корабля пролегал вдоль восточного побережья Северной Америки в трех километрах над уровнем океана. Капитанский мостик был полон людей, сидевших на креслах с высокими дугообразными подголовниками. Одетые в темно – синюю военную форму, члены команды выполняли распоряжения капитана Джонса, отданные им ранее.

Повернув голову в сторону второго помощника, Гектор произнес:

– Мария, дай фокус камеры на пятый квадрат.

– Есть сэр, – последовал ответ молодой женщины, сидевшей слева от капитана.

На экране появилось изображение развалин старого города, подтопленного водной стихией. Остроконечные пики высоких многоэтажек, покрытых мхом и птичьим пометом, торчали из воды, словно зубы мифического чудовища. Солнечные лучи озаряли ржавую арматуру, коряво торчащую во все стороны из полуразрушенного бетона. Над этим мрачным памятником былой катастрофы кружились стаи больших черных птиц. Гектор знал название этого города из уроков истории, которую преподавали в кадетском корпусе Акрита. Это был Нью – Йорк – один из крупнейших городов разрушенной цивилизации. Ударная волна астероида, перепады температур и время превратили этот некогда величественный город в жалкое зрелище. Подтопленные водой развалины служили надёжным укрытием для многочисленных пиратов, терроризирующих прибрежные районы грабежами. Но сейчас следов какой – либо активности с их стороны замечено не было, что, впрочем, было и не удивительно, так как имперские войска незамедлительно карали смертью тех, кого жизненные обстоятельства поставили под флаг веселого Роджера.

– Сэр, главнокомандующий Вайс на связи, – голос из динамика оторвал Гектора от собственных размышлений, – передаю сигнал на защищенную линию.

Гектор прикоснулся ладонью к сканеру и прошел процедуру идентификации, после чего на капитанской панели возникло изображение сорокалетнего человека, сидящего за массивным столом в уютно обставленном кабинете. На заднем фоне кабинета красовалась эмблема Акритской метрополии – рука, сжатая в кулак, с расходящимися во все стороны лучами, расшитыми золотыми нитями. Багровые тона эмблемы контрастировали с бледноватым лицом главнокомандующего, чьи тонкие губы растянулись в улыбке, обнажив белые искусственные зубы.

– Доброе утро командор Джонс! – сказал человек на экране, перебирая документы на рабочем столе.

– Приветствую вас, главнокомандующий! – ответил Гектор, разглядывая интерьер кабинета своего начальника.

– Джонс, я здесь для того, чтобы ввести вас в курс дела, – произнес Вайс. – Ставка окончательно разработала детали тайной операции «Снежный буран» и получила одобрение Императора.

– Внимательно вас слушаю!

Вайс отложил документы и переключил своё внимание на планшет, лежавший перед ним на столе. Сделав несколько движений пальцами по поверхности гаджета, главнокомандующий промолвил:

– Двигайтесь согласно отмеченному курсу. В квадрате 7439 к вам присоединятся два штурмовых десантных корабля «Немезида» и «Фобос 2», на борту которых будут находиться наемники, чей лидер Карлос Гарсия перейдет под ваше непосредственное командование...

«Вот это новость», – подумал про себя Гектор. Братья Гарсия – Карлос, Артуро и Витор имели влияние на западном побережье Южной Америки и были давними торговыми партнерами Акритской метрополии, поставляя редкоземельные металлы, кокаин и опиум в обмен на оружие. Их военизированная структура беспощадно загоняла тамошних местных жителей на рудники, наживаясь тем самым на рабском труде. Закаленные в постоянных стычках, наемники, тем не менее, были плохо дисциплинированы и малопригодны для армейских операций. Но эти крамольные мысли Гектор решил не высказывать вслух, тем более что план операции был одобрен самим Императором.

– Разведка со спутников обнаружила активность в горах Уитмор, расположенных в центральной части западной Антарктиды, – продолжил главнокомандующий, поправив на голове модную прическу. – В этой точке были замечены два передвижных завода союзников, ведущие разработку залежей полезных ископаемых открытым способом. Наши шпионы сообщают о подготовке к переброске на азиатский материк крупной партии добытых ресурсов. Ваша главная задача – захват логистического центра транспортного терминала и обеспечение безопасности процесса погрузки добычи на грузовой корабль «Самсон», уже находящийся на острове Эстадос. Высылаю вам точные координаты операции и спутниковые голографические снимки. Джонс, у вас ко мне есть вопросы?

– Никак нет, сэр, – отчеканил Гектор.

– Отлично, капитан. Желаю удачи, и помните, Император держит операцию под личным контролем. Конец связи.

Изображение на экране пропало – остался лишь индикатор, показывающий процесс загрузки данных. Капитан вывел карту Антарктиды на голографический визуализатор и запустил процедуру наложения опорных точек через криптограф. Фронтальная линия была отмечена красной ломаной чертой, проходящей через континент. В час X мобильные армейские подразделения Акритской метрополии собирались нанести удар по укрепленной линии обороны союзников в целях создания отвлекающего маневра. Генштаб позаботился о том, чтобы эта информация была перехвачена кайпианскими зондами, дабы союзники подтянули свои силы к точке операции, оставив промышленные объекты менее защищенными. «Эти действия позволят выиграть столь необходимое время для захвата и погрузки контейнеров с добычей на борт «Самсона». С учетом наличия на борту грузового корабля гравитационного генератора, использующего эффект Чебышева – Перельмана, на погрузку уйдет около двух часов», – сделал выводы Гектор. Ознакомившись с полученной информацией, он обратился к своему первому помощнику Дейлу Родригезу, который сидел по правую сторону от Джонса.

– Родригез, оставляю вас за капитана. По достижении квадрата 7439 сообщите мне об этом, я буду в своей каюте...

* * *

Писк устройства связи вывел Гектора Джонса из состояния сна. Прикоснувшись к панели быстрого доступа, расположенного на левой руке, он произнес:

– Капитан слушает...

– Капитан, мы подходим к заданным координатам, – сообщил хриловатый голос первого помощника, – «Немезида» и «Фобос 2» уже видны на горизонте.

– Хорошо, Дэйл, снижайте скорость и отключите экранирование. Дистанция остановки 500 метров, маневр на снижение один километр. Выпустить зонды слежения, площадь охвата 100 квадратных километров.

– Есть, сэр!

Встав с кровати, Гектор прошел в уборную. Оглядев в зеркале свою лысую голову, капитан взял с полки электробритву и провел ею несколько раз по своему широкому подбородку. Умывшись, Гектор ощутил легкую вибрацию чуть ниже колена. Это был сигнал «Протектора» – устройства, обеспечивающего подачу в кровь малых доз антидота, который выводил радиацию из организма. Сигнал сообщал, что препарат закончился и следует провести замену. Открыв сейф, капитан достал небольшие железные ампулы и сменил их в «Протекторе». «Наконец-то профилактический курс подходит к концу», – подумал про себя Гектор, разглядывая оставшиеся ампулы. На последнем задании он получил приличную дозу радиации, неосмотрительно наступив в какую – то жижу.

Надев китель, украшенный большой золотистой звездой на левой стороне – отличительным знаком капитана, Гектор направился в центр управления. Слабый гул двигателей, работающих на вакуумных реакторах, постепенно затухал, что свидетельствовало о начале маневра торможения флагманского крейсера. Оказавшись на капитанском мостике, Гектор увидел на центральном экране изображение двух продолговатых десантных кораблей метрополии. Их темные силуэты неподвижно парили над джунглями на фоне заходящего солнца. Сев в кресло и пройдя процедуру идентификации, Гектор отдал приказ:

– Активизировать второй канал, перейти на несущую частоту ультракоротких волн.

После длительной паузы второй помощник объявил:

– Второй канал активирован, капитан, десантные штурмовики на связи.

– Внимание, говорит капитан Гектор Джонс. Это «Гиперион Прайм», всем кораблям проинформировать процедуру верификации.

Достав криптографический ключ из нагрудного кармана, Гектор вставил его в отверстие на командной панели. Спустя некоторое время, Мария сообщила об успешной синхронизации главных серверов, а на центральном экране капитанского мостика возникло изображение двух офицеров военно – воздушных сил Акритской метрополии. Гектор сразу узнал капитана «Немезиды» Марка Бейли. Еще со времен обучения в кадетском корпусе их связывала крепкая дружба. Восемь лет назад, во время первой атлантической компании именно Марк прикрыв отход подбитого дредноута, на котором Гектор служил первым помощником. Капитан второго штурмовика – Эдвард Чейз, был ему незнаком.

– Слава Императору! – поочередно выпалили капитаны.

– Да будет воля его нам Законом! – ответил Гектор стандартным приветствием. – Всем явиться на «Гиперион Прайм» для согласования дальнейших действий. И захватите с собой Карлоса Гарсия – хочу видеть его лично. Конец связи.

* * *

Перед большим круглым столом, на который был спроецирован голографический рельеф местности гор Уитмор, собралось одиннадцать человек. Из всех них выделялся Карлос Гарсия. Он был одет в одежды, характерные для наемников с юга, его рост был более двух метров, а левая сторона головы покрыта серо – зелеными грибовидными наростами, которые, видимо, и были причиной отсутствия левого глаза. Обладая мощным телосложением, Карлос походил на персонажа героических эпосов Старого мира. Кисти его рук были покрыты загадочными татуировками, а в левом ухе висел искусно сделанный череп, в глазницах которого сияли великолепные красные рубины. Единственный глаз Карлоса немигающим взором пристально изучал командный центр корабля. На протяжении всего обсуждения он хранил молчание и лишь изредка издавал какие – то пощелкивающие звуки. Согласовав план операции «Снежный буран», участники перешли к неформальной беседе друг с другом. Гектор предложил Марку Бейли пройти в кают – компанию и выпить по кружке отличного кофе.

– Конечно, мой друг, – согласился Марк, – с непременным удовольствием я приму твое приглашение.

Кают – компания «Гипериона Прайма» представляла собой небольшое помещение, предназначенное для отдыха офицерского состава. Сделав пару чашек кофе, друзья уселись за стол, на поверхности которого лежала шахматная доска с фигурками, вырезанными из кости. Добавив искусственный подсластитель в кофе, Гектор спросил:

– Марк, как поживает твоя семья?

– Спасибо, Гектор, все хорошо. Мы с Елизаветой ждем второго ребенка. Я слышал, ты тоже женился? Небось надоело быть одиноким армейским воякой? – на лице Марка появилась широкая улыбка.

– Да, – Гектор немного нахмурился, – только мы с Милой постоянно ссоримся из – за моей службы. Она не выносит длительных расставаний и постоянно пребывает в депрессии из – за того, что я очень мало бываю дома. После второй атлантической компании меня назначили капитаном сюда, на «Гиперион Прайм». Я и на Акрите не был уже более года. Кстати, как Император? Говорят, его здоровье сильно пошатнулось?

Марк отрицательно помотал головой.

– Не верь слухам, Гектор. Я видел Императора в добром здравии четыре месяца назад, когда присутствовал на казни Георга Кантора и его сподвижников по «Седьмой печати». Эти вольнодумцы из Эрители распространяли среди населения материалы, ставящие под сомнение власть Императора, – ответил Марк, сделав глоток из чашки. – Но надо отдать им должное, они приняли смерть достойно...

Гектор немного знал о «Седьмой печати». Это была запрещённая правительством метрополии организация экстремистского толка, чьё учение базировалось на легендах из Старого Мира, центральной темой которых был некий «Паноптикум». Что это такое, Гектор не имел ни малейшего представления, тем более что в базах данных, оставленных далекими предками, не было какого – либо упоминания об этом понятии. А интересоваться такими вещами было крайне неосмотрительно, так как только за одно это слово тайная полиция могла сразу же упечь любознательного гражданина в один из исправительных казематов, щедро раскиданных по окраинам метрополии. Нет, Джонс не был конформистом, но и свою любознательность держал в строгих рамках государственной идеологии.

– Что ты думаешь о Карлосе Гарсия, ему можно доверять? – спросил Гектор, немного помолчав.

Марк поднял брови и пожал плечами, выражая этим тот факт, что не очень хорошо знает этого получеловека.

– Ничего не могу сказать насчет доверия, Гектор, но то, что этот малый – сорвиголова, это я тебе могу сказать однозначно. Ты же знаешь, я еще со времен кадетства увлекался охотой. Так вот, когда я прибыл по заданию ставки в Манаис, где базируются основные силы братьев Гарсия, я обратился к Витору с вопросом: не мог ли бы он мне организовать охоту на достойный трофей, которыми славится эта область? Витор – довольно славный малый, постоянно отпускающий пошловатые шуточки, попросил Карлоса быть моим проводником.

Наш отряд, состоящий из девяти человек, отправился к карстовым пещерам Морада де ла Муэрте, что в переводе с наречия местных племен означает «обитель смерти». Добравшись до этого места, мы заняли позицию в двухстах метрах от входа в большой грот. Я расчехлил и приготовил свою любимицу – плазменную винтовку КО–309, которую производят военные заводы Нанта по специальному заказу.

Карлос, подойдя к входу в пещеру, кинул несколько дымовых шашек и вернулся в наше расположение. Минут через пятнадцать из пещеры показался трофей. Это была гигантская членистоногая особь, похожая на сороконожку. Гектор, артроподы, живущие в Великом Каньоне, показались бы тебе жалким подобием того, что увидел я! – возбужденно восклик-

нул Марк, лицо которого выражало крайнюю степень удивления. – Прицелившись, я выстрелил этому чудовищу прямо в голову. Плазменный заряд проделал огромную дыру в голове, усеянной мириадами черных бусинок. Но, к моему удивлению, это создание, извиваясь, стремительно двинулось на нас. Я растерялся, а мои спутники бросились врассыпную. Карлос же, напротив, сохраняя полное хладнокровие, вынул свой плазменный пистолет Брауна и двинулся на приближающуюся опасность. Время, казалось, остановило свой ход. Эта тварь, приблизившись, приподняла своё гигантское туловище, закрыв собою солнечный свет, и приготовилась к фатальной атаке на Карлоса.

Громкий выстрел вывел меня из состояния оцепенения, и я заметил дыру, образовавшуюся в брюхе этого монстра. На секунду застыв, чудовище грохнулось на бок, подняв клубы пыли над землёй. Взяв из поклажи электропилу, Карлос стал срезать отростки величиной с ногу взрослого человека. Как оказалось, для местных это был источник протеина, который они с удовольствием употребляли в пищу. Впоследствии я узнал, что то место под брюхом, куда выстрелил Карлос, было единственной уязвимой точкой этого монстра. Если бы все наши солдаты обладали таким хладнокровием, каким обладает Карлос, метрополия бы давно вернула потерянные территории и обрела истинное величие возрожденной Империи...

Марк замолчал, допивая остатки кофе.

– Еще чашечку? – спросил Гектор, нарушив тишину.

– Не откажусь, – ответил Марк, приятно улыбувшись.

Приготовив очередную порцию кофе, друзья погрузились в воспоминания о прошлом...

* * *

Спустя сутки, грузовой корабль «Самсон» присоединился к флотилии, возглавляемой Гектором Джонсом. Флагман «Гиперион Прайм» имел на своем борту генератор Хиггса – последнее достижение ученых метрополии, снижающее вероятность обнаружения противником до пределов прямой видимости. Проследовав до условной точки, флотилия остановилась в ожидании начала фазы наземной операции в Антарктике. Спустя два часа на связь вышел главнокомандующий Вайс:

– Командор Джонс, наземные силы начали атаку на оборонительные рубежи противника. Даю добро на начало операции «Снежный буран». Возлагаю на вас ответственность за результаты. Конец связи.

Совершив несколько манипуляций на приборной панели, Гектор громко объявил о начале операции. На главном экране появились изображения капитанов флотилии и Карлоса, возглавляющего десантную штурмовую бригаду.

– Выдвигаемся, – объявил Гектор, – курс на предгорья Уитмора. «Немезида» и «Фобос 2», занять фланговые позиции. Рядовому составу штурмовиков подготовить экзороботы к бою. «Самсон» занимает позицию позади «Гипериона Прайма», а при достижении отмеченной точки производит остановку и ждет дальнейших распоряжений. Всем удачи, Империя или Смерть!

– Империя или Смерть! – ответили капитаны.

Корабли, произведя маневрирование над проливом Ле – Мер, заняли определенные ранее позиции, после чего выдвинулись к намеченной цели. Достигнув моря Росса, Гектор объявил:

– Внимание, входим в красную зону, приготовить орудия к бою.

– Сэр, наши радары сообщают о всплеске электромагнитного излучения по периметру обороны, похоже, нас заметили, – внезапно сообщил Родригез.

Капитан мгновенно отреагировал.

– Отключить генератор Хиггса, перенаправить энергию на защитный экран, – скомандовал Гектор, – скорость на максимум. Марк, Эдвардс, маневр на снижение, держать дистанцию. Команда «Гипериона Прайма», приготовиться к атаке на оборонительные рубежи противника.

– Сэр, по нам выпущены ракеты, выпускаю перехватчики, – произнес первый помощник.

– Произвести захват целей, осуществить подавление противовоздушных сил системой «Цербер», – решительным тоном приказал Гектор Джонс.

– Есть, сэр!

Сотни вспышек, словно зловещий фейерверк, осветили отодвинувшиеся заслонки на поверхности «Гипериона Прайма», обнажив конструкцию, напоминающую соты. Из этих сот одна за другой взмывали вверх ракеты, каждая из которых несла три боевых заряда. Разделившись, заряды устремились к целям, которые определил центральный сервер «Гипериона Прайма», работающий на принципах нейронной сети.

Спустя некоторое время район гор осветился яркими вспышками.

– Сэр, оборонный рубеж противника подавлен, – резюмировал Дэйл Родригез, разглядывая на своём экране поднимающиеся над горизонтом столбы чёрного дыма.

– Отлично. Всем кораблям, включая «Самсона», срочно проследовать по проложенному коридору к месту назначения, – произнес Гектор.

На горизонте уже виднелись два передвижных завода, напоминающие надутых железных букашек, у которых вместо лап были гигантские гусеницы. Вся земля вокруг них была испещрена следами разработок грунта открытым способом.

– Приготовить главный калибр, – скомандовал Гектор. – Огонь по промышленным объектам противника.

Нарастающий гул сменился яркими белыми вспышками. Два гигантских плазменных шара устремились к своим целям. Достигнув объектов, шары, испарив металл, проделали в их корпусах сквозные отверстия, заставив колоссальные промышленные сооружения кайпианцев неподвижно застыть. Из оплавленных ран железных чудовищ повалил густой черный дым.

– «Немезида» и «Фобос 2», начинайте наземную операцию. Штурмовики, ваша задача занять периметр и обеспечить безопасность «Самсона» согласно утвержденному плану, – отдал распоряжение Гектор.

Штурмовые десантные корабли, набирая скорость, устремились к точке высадки, поливая крупнокалиберным свинцом охрану транспортного узла. Приблизившись к земле, боковые створки штурмовиков приоткрылись, после чего на землю высадились солдаты, облаченные в роботизированные экзоскафандры.

Сорок четыре экзоробота, вооруженные до зубов, приступили к подавлению последних очагов сопротивления, сея смерть и разрушения на земле, некогда скованной тысячами ледниками.

Глава 2. Пастырь

По раскаленной земле, под лучами нещадно палящего солнца брели два путника, одетые в серые балахоны. Один из них – тот, что был помоложе, тащил на себе старый рюкзак, наполненный вещами, необходимыми для долгого путешествия. К рюкзаку был привязан кожаный бурдюк для воды, который раскачивался в такт идущим. Второй путник был намного старше. Его высохшее лицо окаймляла седая короткая борода, а из – под капюшона пробивались длинные серебристые волосы. На плече старца висела холщовая сумка, расшитая замысловатым орнаментом, характерным для культуры кочевых племен, обитавших на севере Великой пустоши. Из сумки торчала большая книга в кожаном переплете. Губы старца, потрескавшиеся от раскаленного жаркого воздуха, что-то шептали, а руки медленно перебирали бусы на длинных четках, увенчанных крестом. Ноги путешественников, одетые в сандалии, ступали по трескавшейся земле, покрытой кристаллами соли. По преданиям, передающимся из уст в уста, до времен Апокалипсиса на этом месте находилось Великое Соленое озеро.

Внезапно старец остановился и стал пристально вглядываться вдаль. Там, где на горизонте проступал силуэт гор, он заметил клубы пыли, указывающие на то, что к ним кто – то приближается. Спустя некоторое время путников окружил отряд конных всадников, состоящий из пяти человек. Их загорелые тела, покрытые кожаными доспехами, украшали какие – то амулеты. За спиной каждого всадника находился колчан со стрелами, а на крупах лошадей висели луки и короткие мечи. Один из всадников, на поясе которого висели скальпы, медленно объехал вокруг путешественников, пристально изучая их. Натянув поводья, он сплюнул на землю и произнес:

– Кто вы и зачем пришли в земли Желтого Червя?

– Я проповедник Орокин, а это послушник Данбар, – ответил старец, указав на своего попутчика. – Мы мирные люди, несем Слово Божие, и по воле Его пришли в эти земли...

Всадник отвязал бурдюк и посмотрел в глаза Орокину, словно пытаясь понять, говорил ли тот правду или лгал. Наступила гнетущая тишина.

– Следуйте за нами, вождь решит, что с вами делать, – наконец произнес он, сделав перед этим глоток воды. – Идите вперед, да поживее. Я не хочу ночевать на территории соляных духов.

После этих слов всадник достал из кармана предмет, видимо, играющий роль оберега, и потер его, тщательно проговаривая малопонятные заклинания. Совершив ритуал, процессия тронулась в путь по направлению к горной гряде.

* * *

Последние лучи солнца падали на заснеженные вершины гор, когда Орокин и его сподвижник Данбар, сопровождаемые всадниками, прибыли на место стоянки кочевого племени. Кочевье располагалось на окраине какого – то старого города, чьи развалины лежали у подножия горной гряды. Несколько десятков костров освещали территорию, на которой были установлены шатры кочевников, обтянутые шкурами различных животных. Между кострами бегали босоногие дети, играли в какую – то игру и не обращали внимания на пришедших. В воздухе витал насыщенный запах жареного мяса, а полуголые женщины срезали с приготовленных туш огромные куски, которые разносили по шатрам. Табун лошадей и верблюдов, стоявший чуть поодаль от стоянки, был обнесен временным заграждением. Пьяная группа людей выясняла друг с другом отношения, но при виде приближающейся процессии затихла и с нескрываемым любопытством стала пристально изучать двух иноземцев. Всадники спешили и передали коней этим людям, которые, сразу же позабыв о предмете своего спора, начали

суетливо наполнять корыта водой из небольшой речушки. Всадник, который, судя по всему, был главным, жестом показал на самый большой шатер и приказал иноземцам следовать туда.

Откинув шкуру, которая закрывала вход в шатер, пригнувшись, Орокин и его спутник вошли внутрь. В нос ударил едкий запах немых потных тел, смешанный с запахом прогорклого жира, который горел в лампадах, освещающих помещение. Земляной пол был устлан грязными старыми коврами, а люди, находившиеся в шатре, сидели полукругом, наслаждаясь движениями танцовщицы. Её небольшая грудь была обнажена, а на бедрах висели полоски разноцветных тканей, усеянных колокольчиками. Танец сопровождался барабанным боем, который отбивал мутант с головой уродливой формы.

На возвышении, сложенном из засаленных подушек, сидел человек крепкого телосложения, чьё овальное лицо украшала большая иссиня – чёрная борода, в которой виднелись частички пищи. Его голова была гладко выбрита, а затылок украшала толстая коса черных смолянистых волос, в которую была вплетена желтая ленточка. Перед ним, что-то бубня, сидел сгорбленный карлик с непропорционально длинными руками, совершавшими загадочные движения над чашей, наполненной мутной жидкостью. Лицо карлика покрывала маска, изображающая какое – то чудовище.

Внезапно Данбар почувствовал толчок. Потеряв равновесие, он упал на землю, а чьи – то сильные руки грубо сдернули с его плеч рюкзак. Вождь поднял палец вверх и барабанный бой прекратился. Танцовщица немедленно выбежала из шатра, а карлик проворно юркнул к краю возвышения, на котором сидел бородатый. Человек со скальпами на поясе, подойдя к бородатому, поставил перед ним рюкзак и, преклонив колено, заговорил:

– О, великий вождь, благородный сын Великой пустоши и гроза навадийских племен! Наш патрульный отряд задержал этих серых скарабеев в землях соляных духов...

Вождь задрал подбородок и надменно посмотрел на иноземцев.

– Подойдите ближе, серые скарабеи, – сказал вождь, в то время как карлик проворно подтянул к себе рюкзак и, вывалив содержимое на землю, принялся с любопытством перебирать и разглядывать различные вещи.

Орокин и Данбар послушно сделали несколько шагов вперед. Поклонившись вождю, проповедник заговорил:

– О, великий вождь, да пребудет с тобой Благодать Господа нашего, да откроет он тебе Тайны свои. Я – проповедник Орокин, а это послушник Данбар. Семь лун назад явился мне Архангел, и было мне Откровение. И сказал мне Посланник Небес: иди, раб божий, на север, в земли великого вождя, ибо выбрал я его. Направь Желтого Червя на путь Истины, ибо грешит он предо мной поклонениями идолам всяким. Пусть уверует в Бога Истинного, да воздам я по заслугам его... И вот я здесь, дабы обратить вас в Веру Истинную и...

Внезапно карлик, занятый содержимым рюкзака, вскочил, начал выть и зловеще шептать:

– Смерть, смерть, черная смерть... Не слушай их, вождь, этими устами говорят демоны соляных земель. Убить их нужно, убить, а тела сжечь и развеять... Проклятия постигнут наш народ, прилетят железные птицы и испепелят род твой...

Убить, убить, – не унимался карлик.

При этих словах тело Данбара сковал страх, а он сам ощутил холодный пот, выступивший на его лбу. Однако проповедник Орокин был полностью спокоен. Презрительно посмотрев в сторону карлика, он обратил свой взор на вождя.

– Маленький дьявол, одержимый бесами, будет вам испытанием, сказал мне Архангел, – продолжил свою речь проповедник. – И по вашему приходу на следующий же день да узрят люди Силу Господа Саваофа, и будет это им предупреждением...

Вождь задумчиво сидел, пристально смотря в глаза проповедника Орокина. Этот странник говорил довольно уверенно, а злить богов, пусть даже и чужих, было опасно. Четыре засухи назад, он видел северных богов в гневе. Тогда он не послушал советов старейшин и вместе

с лучшими войнами племени предпринял попытку преодолеть долину Стервятников. Желание увидеть богатые северные города, о которых он знал из рассказов торговцев – коробейников, превысило страх, которым были пропитаны рассказы старейшин. Конечно, на это решение Желтого Червя толкнула не любознательность, а банальная жажда наживы. Помимо всего прочего, у него в племени появился потенциальный конкурент, который косвенно претендовал на должность вождя, но был очень хитер и не вступал с Желтым Червем в открытое противостояние.

Взяв соперника в поход, вождь лично поставил этого, как он считал, выскочку во главе разведывательного отряда, когда они, наконец, достигли входа в долину Стервятников. Когда разведывательный отряд всадников двинулся вперед, оставляя после себя клубы пыли, вождь со своей свитой остался на месте, внимательно наблюдая за своими войнами, пересекающими долину. Внезапно из – под земли выдвинулись довольно высокие столбы, на вершинах которых были установлены полупрозрачные светящиеся шары. Послышался неведомый гул, и пространство долины Стервятников озарилось вспышками от молний, исходящих от полупрозрачных сфер. Вождь невозмутимо, но с мистическим восхищением наблюдал, как члены его разведывательного отряда вспыхивали словно лучины.

Когда столбы опустились под землю, оставляя на поверхности черные обгоревшие тела людей и лошадей, вождь понял, что грабительский набег отменяется. Спрыгнув с коня, он протянул руки к небу и мысленно поблагодарил богов севера за смерть конкурента. Ещё он возторгался их силой и предложил служить им, однако, тогда боги не подали знак о том, что вождь был услышан...

Пока Жёлтый Червь вспоминал тот поход на север, карлик достал из кармана какой-то мешочек, стал неистово бегать вокруг пришедших и кидать в них щепотки красноватого вещества, бормоча при этом непонятные заклинания. Действия карлика почему-то разозлили вождя и он, нахмутив брови, рявкнул:

– Угомонись, жрец, убить мы их всегда успеем... Дайте им еды и посадите под охрану. Я обращаю свои молитвы к предкам, дабы они вразумили меня.

Орокин поклонился и вышел из шатра вслед за Данбаром, молодое бледное лицо которого выдавало в нем крайнюю степень волнения. Их отвели в небольшую палатку и поставили двух воинов перед входом в качестве охраны. Спустя какое – то время в палатку зашла старуха, которая принесла большой кусок жареного мяса, миску с сушеными крупными пауками и бурдюк с водой. Когда она вышла, Орокин назидательно обратился к послушнику:

– Спокойствие – важный фактор в нашей работе, Данбар. Помни наш девиз: слово сильнее любого оружия. Ешь и ложись спать, нам нужен хороший отдых после долгого пути...

* * *

Веселые крики ребятни снаружи шатра разбудили Желтого Червя. Всю ночь ему снились какие – то кошмары, в которых он постоянно убегал от теней, пытавшихся что-то ему сказать. Выпив глоток верблюжьего молока, вождь вышел из шатра навстречу утреннему солнцу, пребывая в пасмурном настроении. «Может, и был прав жрец, не стоило оставлять в живых этих иноземцев, – подумал вождь, неспешно направляясь к небольшому шатру, покрытому черными шкурами. – Хотя и сам жрец не смог ничего сделать с той хворью, которая забрала моего единственного наследника, да найдет его душа успокоение в загробном мире. Мне нужен совет старейшины племени, дабы принять разумное решение».

Подойдя к шатру, вождь откинул шкуру, закрывающую проход, и проник внутрь. В шатре сидел седой жилистый старик, который, покашливая, курил небольшую трубку в отдаленном углу. Клубы дыма от сон – травы витали в воздухе, наполняя шатер сладковатым запахом.

– Приветствую тебя, старейшина Ноши, – сказал вождь, присаживаясь возле него. – Ты долго живешь и много видел, мне нужен твой мудрый совет.

Ноши затянулся и, выпуская дым, снова закашлял.

– Пусть солнце всегда освещает твой путь, великий Желтый Червь, – пробормотал Ноши, передавая трубку вождю. – Мой сын Горный Орёл рассказал про иноземцев, которых они пленили вчера. Те называют себя посланниками богов и претендуют на место жрецов в нашем племени. Что тебя беспокоит?

– Я должен принять решение, но я не знаю, что истина, а что ложь, – ответил Желтый Червь, выпуская дым из ноздрей.

Старейшина задумался над словами вождя. Так они и сидели в полном молчании, передавая трубку друг другу. Докурив, Ноши достал две чаши, вырезанные из дерева, и налил в них сладковатый напиток красного цвета. Отхлебнув, он заговорил:

– Я бывал в разных уголках Великих пустошей, видел много племен и чудес, совершаемых Духами Земли, Воды и Огня. Племенам благоволят различные боги, и не нам смертным решать, кто из них могущественнее. Пусть это делают сами боги, а мы лишь последуем за самым сильным из них. Отведи иноземцев на капище Чуа и принеси их в жертву. Я думаю, ты получишь ответ, а твои мысли обретут успокоение.

– Твои слова поистине мудры, – немного подумав, сказал вождь.

Совет старика принес определенность и умиротворение в мысли вождя. Растянувшись на шкуре, он постепенно впал в сладкую дремоту...

* * *

Крики мужчин и причитания женщин вырвали Желтого Червя из цепких объятий сна. Вскочив на ноги, не осознавая происходящего, вождь машинально выхватил кинжал и выбежал наружу. На улице уже были сумерки, но ни один костер еще не был зажжен. Женщины причитали, катались в пыли и рвали на себе волосы, а мужчины бегали и что-то кричали, но собачий лай и плач детей сводили все звуки в какую – то безумную какофонию. Ничего не понимая, Желтый Червь схватил за плечо пробежавшего мимо юношу и с силой тряхнув его, громко заорал:

– Что здесь происходит, кто на нас напал? Отвечай...

В ответ юноша с остекленевшими от страха глазами судорожно стал показывать на небо-свод. Подняв голову, вождь увидел на небе круглый черный диск, края которого окаймлял тусклый свет. «Энубус» – пронеслось в голове вождя. Имя этого демона, который согласно древним преданиям уже однажды похищал солнце, передавалось из поколения в поколение, а матери любили пугать им нерадивых детей. Желтый Червь даже на мгновение растерялся, оцепенело наблюдая грандиозное небесное зрелище.

Неожиданно произошла вспышка света, а пространство вокруг начало постепенно светлеть, приобретая дневные очертания. Темный диск постепенно уходил, освобождая солнце из своего зловещего плена. Люди постепенно стали замолкать, а вождь, наконец, осознал, что его пальцы до сих пор крепко сжимают плечо юноши. Оттолкнув его, Желтый Червь стремительным шагом направился к палатке, где содержались пленники. Ворвавшись туда, он бесцеремонно схватил проповедника за шкуру и грозно заревел:

– Вы обманули меня!!! Вы посланники «Энубуса»?! Отвечай, верблюжье дерьмо!!!

– Великий вождь, – невозмутимо начал говорить проповедник Орокин, – вспомни мои слова, что я говорил тебе вчерашним вечером. Господь Саваоф показал тебе, что без его покровительства твоему племени демон «Энубус» поглотит солнце и отправит вас в вечные муки тьмы...

Желтый Червь отпустил Орокина и гневно посмотрел на него.

– Хорошо жрец, – начал говорить вождь угрожающим шепотом. – Коль твой Бог столь велик, он сможет защитить тебя от Песчаного Чуа. Если это произойдет, клянусь тебе Душами своих предков, я присягну Ему на верность, а Имя Его я буду нести во все концы пустоши на острие своего топора.

Произнеся эти слова, Желтый Червь вышел из шатра так же решительно, как и вошёл.

* * *

Весь следующий день Орокин и его спутник шли в сопровождении конного отряда из двадцати человек, который возглавлял Желтый Червь. Карлик – жрец, ехавший позади отряда, громко произносил какие – то мантры, недобро поглядывая на идущих пешком иноземцев. От долгого перехода проповедник чувствовал себя усталым, в то время как молодой Данбар держался более уверенно, хотя и его мучила сильная жажда.

Ближе к вечеру процессия добралась до места, где плоская скалистая поверхность встречалась с песчаными дюнами. Всадники спешили и начали приготовления. Получив бурдюк с водой, Орокин и Данбар начали неспешно пить, наблюдая за происходящим. Примерно в ста метрах от скалы пятеро воинов племени начали вбивать в песок два длинных металлических стержня. Забив, они установили и закрепили на них тяжелые барабаны, обтянутые, судя по всему, человеческой кожей. На середине отрезка между барабанами и скалой другая пятерка воинов племени устанавливала менее длинные стержни, к концам которых были привязаны кожаные ремни. Между ними бегал жрец, видимо выполняя свои магические ритуалы.

Когда все приготовления были закончены, проповедник Орокин обратился к вождю, сказав:

– Великий вождь, позволь нам взять Символ нашей Веры – Священный Ветхий Завет, дабы воззвать в молитвах к нашему Господу!

С этими словами Орокин достал из холщовой сумки, перекинутой через плечо, большую книгу в кожаном переплете. Ухмыльнувшись, Желтый Червь, молча, кивнул и отдал приказ: «Начинайте». Иноземцев подвели к ближним стержням с кожаными ремнями на концах, которые крепко завязали на щиколотках пленников. Двое воинов подошли к барабанам и, взяв колотушки, сделанные из кости большого животного, начали отбивать монотонный ритм, пристально вглядываясь в горизонт. Все остальные, придерживая коней, расположились на плоской скале, издали наблюдая за происходящим. Жрец нараспев начал повторять:

– О, Песчаный Чуа, сын пустыни, заклинаю тебя. Выйди и поглоти этих посланников «Энубуса», пришедших с юга...

Орокин и Данбар, привязанные к стержням, уселись на песок, скрестив ноги. Проповедник открыл книгу и стал читать молитвы, водя пальцами по тексту, а послушник, сложив ладони перед собой, повторял:

– Exorcizamus te, omnis immundus spiritus, omnis satanica potestas, omnis incursio infernalis adversarii, omnis legio, omnis congregatio et secta diabolica, in nomine et virtute Domini Nostri Savaof, eradicare et effugare a Dei Ecclesia, ab animabus ad imaginem Dei conditis ac pretioso divini Agni sanguine redemptis. Non ultra audeas, serpens callidissime, decipere humanum genus...¹

Так продолжалось около получаса. Неожиданно барабанный бой прекратился, и Орокин, оторвав взгляд от книги, увидел стремительно убегающих к скале воинов, которые ранее отбивали бой. В это время Данбар вскочил на ноги и, указывая на горизонт, прошептал: «Боже

¹ (Лат.) Изгоняем тебя, дух всякой нечистоты, всякая сила сатанинская, всякий посягатель адский враждебный, всякий легион, всякое собрание и секта диавольская, именем и добродетелью Господа нашего Саваофа, искоренись и беги от Церкви Божией, от душ по образу Божию сотворенных и драгоценною кровию Агнца искупленных. Не смеешь боле, змий хитрейший, обманывать род человеческий...

милостивейший...» На горизонте можно было увидеть, как пески начали бугриться, причем процесс этот стал повторяться все ближе и ближе к пленникам. Проповедник встал на ноги и, подняв священную книгу перед собой, продолжил громко произносить молитву. Вдруг на месте, где располагались барабаны, пески взмыли в воздух, образовав песчаное плотное облако. От неожиданности Данбар потерял равновесие и упал, а проповедник, уронив книгу, начал протирать глаза, засыпанные песком.

Сквозь оседающую пыль можно было разглядеть гигантское продолговатое тело, покрытое щетинками, расположенными на каждом сегменте, кроме первого. Тело чудовища, покрытое слизью, возвышалось над землей метров на двадцать. Желтый Червь, находясь со своим отрядом на скале, наблюдал, как Чуа начал поворачивать верхний сегмент своего туловища в сторону иноземцев, которые казались карликами на фоне этого монстра. Гладкий сегмент начал раскрываться подобно бутону горного цветка, обнажая пасть, усеянную плеядой острых шипов. Внезапно его гигантское тело дернулось и застыло. Издав протяжный гул, исходящий из утробы, Чуа снова погрузился в песок и, судя по следам на поверхности, начал быстро удаляться.

Вождь не верил своим глазам. О прозорливости Чуа ходили легенды, а будучи ребенком, он сам видел, как зазевавшегося пастуха с десятью верблюдами сын пустыни утащил под барханы. По приказу вождя карлик разрезал кожаные ремни на щиколотках пленников, дав им свободу. Подойдя к скале, троица остановилась. Желтый Червь неспешно достал стрелу, вложил её и, натянув тетиву, прицельно выстрелил в их сторону... Стрела, направленная рукою вождя, просвистела мимо Орокина и пронзила шею карлика, который, хрипя, пытался что-то произнести. Но вместо слов его обезображенный рот покрыла кровавая алая пена.

– Я держу своё обещание, – громко произнес вождь, вешая лук на седло лошади.

«Все – таки северные боги услышали мои молитвы», – подумал про себя Желтый Червь и, мысленно поблагодарив их, отдал распоряжение следовать домой.

* * *

Две недели спустя Орокин и Данбар сидели в собственном шатре, который любезно предоставил им вождь. Случай с Чуа и с солнечным затмением добавил им немало авторитета, позволив занять уважаемую должность в иерархии племени. Некоторые их даже откровенно побаивались, выражая полную покорность. Помимо пастырской деятельности, они занимались и другой полезной для племени работой – врачеванием и предсказанием погоды. Проповедник Орокин был допущен в совет и мог высказывать свою позицию по многим вопросам, касающимся жизни племени. Смазав мазью руки, покрытые аллергической реакцией, Орокин обратился к Данбару:

– Данбар, друг мой, скоро я оставлю вас. Вам предстоит нелегкая жизнь, обремененная множеством трудностей и лишений. Но годы учебы в академии подготовили вас к этому. Вы успешно прошли экзамен и зачислены в штат Корпуса внешней разведки. Мне же нужно возвращаться в центр. Связь держите через передатчик, встроенный в вашу книгу. Сообщайте нам о своих наблюдениях и перемещениях племени. Проповедуйте массам и помните, что проповедь нужно подкреплять чудесами, а также постоянными разговорами на эту тему. Для этого у вас есть знания и возможности Корпуса. Подходите к процессу творчески, готовьте как можно более яркие представления. Главная задача состоит в том, чтобы усилить влияние на вождя, взять его под полный контроль, а в идеале все распоряжения Желтого Червя должны проходить через ваше одобрение.

В скором времени мы задействуем агента Лидию Кавендиш – она лучшая из тех, кто умеет управлять мужчинами. Внедрите в сознание вождя то, что вам было откровение Господа Саваофа, который внял молитвам своего раба и решил послать ему Ангела, который

принесет ему благую весть. Лидия Кавендиш в роли Ангела сведет благую весть к плотским утехам, а спустя некоторое время явится вновь и принесет вождю младенца, который, согласно нашей легенде, будет плодом мимолетной любви Ангела и Воина Господа Саваофа. Это был мой первый вам совет.

Второй совет заключается в том, что вам необходимо содействовать объединению местных племен. Покорить враждебные племена поможет наше оружие, действие которого вполне может сойти за волшебство для людей, населяющих эту область. И не забывайте о древних ковчегах. По нашим предположениям где – то здесь, под землей скрыта большая военная база, переделанная под убежище, подобное ковчегу под Акритом. Точные координаты были потеряны в хаосе смутного времени, так что изучайте легенды и сказания местных, возможно, найдете какую-нибудь зацепку.

– Так точно, полковник Орокин, – негромко произнес Данбар, когда тот закончил свой монолог. – Я принял ваши директивы.

– Удачи вам, Данбар, – с этими словами полковник похлопал по плечу молодого агента. – Пойду, попрощаюсь с вождем. Я его уже предупредил о том, что Господь велел мне идти дальше на север...

Пожав Данбару руку, Орокин, повесив через плечо сумку с книгой, вышел из шатра. Пройдя мимо группы женщин и мужчин, занимающихся какой-то бытовой работой, Орокин зашел в обитель вождя. Желтый Червь, склонившись над разложенным холодным оружием, тщательно работал точильным камнем. Приподняв голову, вождь встал и, не обращая внимания на вошедшего, принялся жадно пить из деревянной чаши. Орокин заговорил:

– Великий вождь, я отправляюсь в путь по велению Господа. Послушник Данбар останется и будет тебе помощником в делах твоих праведных...

Допив последний глоток, Желтый Червь, молча, снял с себя бусы, сделанные из желтого камня. На бусах висела железная пластина с незамысловатым орнаментом. Подойдя к Орокину, он торжественно вручил их, сказав при этом:

– Это мой подарок тебе, проповедник. Пусть моя печать говорит всем в этой пустоши, что ты под моей защитой. Возьми любого скакуна и отправляйся в путь. Да не станет пустыня твоим вечным пристанищем...

Орокин, выказывая благоговение перед вождем, принял дар и надел его себе на шею.

– Благодарю тебя, великий вождь, и открою тебе одну тайну... Согласно пророчеству, вскоре тебя посетит прекрасный Ангел Господа Саваофа... – таинственно произнес Орокин, протягивая ему свои четки. – Это мой тебе подарок на память о тех славных днях, когда народ твой встал на путь Истины.

Прощай...

Развернувшись, проповедник вышел из шатра и проследовал к привязи. Наполнив бурдюки водой и оседлав скакуна, Орокин неспешно двинулся в путь.

* * *

Солнце близилось к закату, освещая последними лучами остановившегося путника. Спешившись, Орокин достал свою книгу. Усевшись на песке и открыв обложку, он принялся пальцами что-то набивать на её внутренней стороне, покрытой пленкой. Немного погодя, пленка стала издавать призрачный свет – на ней возникло изображение человека в военной форме.

– Добрый вечер, Роберт, даю приказ на эвакуацию, определите мои координаты по сигналу, – сказал Орокин.

– Приказ ясен, полковник, ждите эвакуационный модуль через двадцать минут, – ответил Роберт.

Изображение пропало. Закрыв книгу и положив её в сумку, Орокин хлопнул по крупу лошади. Лошадь галопом побежала по песку, оставляя за собой пыльный след.

Задумчиво уставившись в небо, Орокин прилег на ещё тёплый песок. На безоблачном небе уже виднелись звезды. «Интересно, что стало с колонией на Марсе?» – думал он, разглядывая светящиеся точки на небосводе. Данные, содержащиеся в недавно найденном ковчеге на территории одной из западноевропейских колоний метрополии, явно указывали на то, что колонисты не только пережили гибель цивилизации на Земле, но и, возможно, покинули красную планету в неизвестном направлении посредством разработанной ими технологии освоения дальнего космоса. Еще до планетарной катастрофы, во времена Паноптикума ученые обнаружили множество планет, расположенных в диапазоне орбит звезд, где не слишком жарко и не слишком холодно для того, чтобы там существовала жидкая вода, которая является ключевой составляющей жизни. Однако со времен запуска программы «Колыбель» приборы до сих пор не улавливали какой – либо активности в космическом радиоэфире. Падение «Анубиса» поставило печать тайны на результаты научных исследований, проведенных на Марсе.

«Даже если колония и погибла, возможно, там остались ответы», – подумал про себя Орокин, наблюдая движущуюся точку на звездном небе. Встав и отряхнув одежды от песка, он стал следить за объектом, который по мере приближения приобретал очертания эвакуационного модуля.

Приблизившись, модуль откинул трап, ведущий к ряду сидений. Проворно усевшись, Орокин пристегнул себя ремнями и нажал несколько кнопок на сенсорной панели, после чего трап вернулся в исходное положение. Модуль постепенно стал набирать высоту, плавно увеличивая скорость. Минут через десять Орокин ощутил торможение и услышал звук, характерный для закрывающегося стыковочного отсека. Трап модуля откинулся, и Орокин увидел перед собой Роберта Вачовски – капитана, который курировал спецоперацию с воздуха.

– Добро пожаловать на борт «Черной звезды», полковник Орокин, – улыбнулся Роберт, протягивая руку. – Как ваше самочувствие?

– Все в порядке, капитан, благодарю, – ответил Орокин, скрепив встречу рукопожатием. – Приготовьте мне антидот и одежду. И еще, Роберт, как вам удалось отогнать гигантского червя?

– Наш зонд, который отслеживал ваши перемещения, сфокусировал на объекте низкочастотный удар, который вызывает чувство страха у гигантских лумбрицинов, обитающих в этой области.

Полковник одобрительно похлопал по плечу капитана.

– Отличная идея, Роберт, вы спасли нам жизнь и не нарушили секретность операции. Честно говоря, согласно моему плану внедрение агента Данбара должно было закончиться после астрономического явления, которым мы и воспользовались. Но представление пришлось продолжить... Тем не менее, все прошло довольно удачно. Хорошая работа, – констатировал Орокин.

– Спасибо, полковник, – ответил Роберт. – Какие ваши дальнейшие указания?

– Курс на Акрит, – сказал Орокин, направляясь в жилой отсек корабля.

Глава 3. Исход

Доктор Рамина Джоши, сотрудница кайпианской исследовательской станции острова Анверс, зашла в модуль № 4, где располагалась столовая для персонала. Ознакомившись с меню, которое высвечивалось на встроенной в поднос сенсорной панели, Рамина сделала свой выбор в пользу морского супа с водорослями и искусственно выращенного бифштекса. Поставив поднос на автоматизированную линию, она наблюдала, как тот неспешно уехал в недра технической конструкции, а вернувшись, был уже заставлен тарелками, горячая еда на которых была заботливо разложена роботизированными манипуляторами.

Сев за ближайший свободный стол, Рамина приступила к еде. Безвкусная, наполовину синтетическая пища не вызывала особого восторга, но она привыкла к этому за полтора года работы на антарктической исследовательской станции. Тем не менее, мысли о вкусовых качествах местного рациона её совсем не беспокоили. Её мысли были заняты разговором по экстренной линии, который произошел сегодня утром между ней и Лао Дэмином, возглавляющим Верховный Совет города Хуанди. Мало того, что человек с таким статусом вышел на прямую связь, так и еще сам разговор прошел весьма загадочно.

Академик Дэмин лишь упомянул о грузе, который должен будет прибыть завтра в транспортный терминал, расположенный в районе гор Уитмор. Грузу была присвоена наивысшая степень биологической опасности. От Рамины требовалось встретить груз надлежащим образом и сопроводить его до лаборатории исследовательского центра на острове Анверс, соблюдая инструктаж по безопасности. Кроме того, Дэмин попросил Рамину не распространяться об этом разговоре. Более подробную информацию он обещал прислать к обеду. «Мы не совсем понимаем, с чем мы имеем дело, доктор Джоши, – в её голове звучали слова академика, – поэтому выбор пал на вашу станцию, удаленную от континента и имеющую соответствующий технологический инструментарий для тщательного исследования». Все было покрыто неким ореолом тайны, что вызывало у Рамины смешанное чувство любопытства и страха.

– Не помешаю? – голос, принадлежащий старшему технику Тавагути Такаши, оторвал Рамину от размышлений.

– Нет, конечно, присаживайся, – ответила Рамина.

Улыбнувшись, Такаши сел напротив и принялся за еду, украдкой поглядывая на Рамину.

– А может быть, сходим вечером на берег и посмотрим на звезды? – вдруг выпалил Такаши, пытаясь столовыми приборами одолеть кусок вареной колбасы.

– Я сегодня занята Такаши, извини, – ответила Рамина.

– Да брось ты, ребята из геологического отдела собираются устроить вечеринку. У Дэна сегодня день рождения...

Не то чтобы Такаши не нравился Рамине, просто он был порой до банальности предсказуем и излишне настойчив. Рамина отложила столовые приборы и, посмотрев на Такаши, произнесла:

– Я очень занята, Тавагути. Честно. Может быть, в другой раз, хорошо?

– Да – да, конечно, Рамина, – Такаши неуклюже закивал головой.

Минут пять они ели в полной тишине, как вдруг раздался писк персонального устройства связи. Достав его, Рамина прочла сообщение о загрузке на сервер станции пакета данных, адресованных лично ей. Адресатом являлся исследовательский центр вирусологии города Хуанди. Не доев пищу, Рамина взяла поднос и поставила его на конвейер. Покидая столовую, она обратилась к Такаши:

– Не забудь поздравить Дэна с днем рождения от меня.

Такаши кивнул, а Рамина одарила его в ответ улыбкой. Развернувшись, она последовала к выходу из модуля. На улице дул прохладный ветер, несущий привычные запахи морского

побережья. Движимая любопытством, Рамина быстрым шагом направилась к лаборатории. Оказавшись внутри, она энергично сняла верхнюю одежду и уличную обувь. Переодевшись, она проследовала к центральному компьютеру и, введя пароль, уставилась на экран. Пакет данных представлял собой перечень следующих файлов:

1. *Сообщения с приграничных рубежей Анклава.*
2. *Хронология исследовательской миссии.*
3. *Отчет спасательного отряда.*
4. *Результаты исследования, проведенные на «Синчэншань».*
5. *Заключение экспертной комиссии.*
6. *Методология исследования.*

Рамина, решившая исследовать данные в порядке указанной нумерации, нажала на экране первый файл. Содержимое файла представляло собой хронологию сообщений, поступавших с территорий Кайпианского союза, граничивших с Анклавом отверженных. Анклав располагался на большой территории, включающей гималайскую гряду, Памир, а также северные равнины Индостана. Анклав, где процветала анархия и право сильнейшего, не имел четко выраженных границ, а населяли его в основном полулюди и преступники, скрывающиеся от правосудия. Кайпианцы не стремились взять его под контроль в связи с большими затратами, но периодически проводили карательные рейды в ответ на грабежи приграничных территорий.

Хронология:

04.07.2715. *Разведывательные зонды, рассредоточенные по горной системе Гиндукуш, засекли биологическую активность. Удалось установить, что с запада на восток происходит большая миграция. Что явилось причиной, остается пока загадкой.*

05.08.2715. *В предгорьях Гималаев при патрулировании приграничной зоны был задержан некий Шивпрасад Сингх, разыскиваемый силами правопорядка города Ядава за убийство местного фермера. Шивпрасад пояснил, что сам пришел сдаться в руки правосудия. Благодаря микрофону, установленному в общей камере, мы получили запись разговора Шивпрасада с другими задержанными. Согласно записи, Шивпрасад рассказывал о том, что в горах население обеспокоено слухами, согласно которым на западных рубежах анклава появились существа, называемые Архонами. Якобы они, используя колдовство и черную магию, превращают как людей, так и мутантов в своих слуг. Согласно слухам, обращенные имеют крайнюю степень устойчивости к повреждениям, а белки их глаз имеют отчетливый красноватый оттенок.*

29.08.2716. *Из долины отверженных к блокпосту вышла большая группа, количеством около 1500 биологических единиц, требующая пропустить их в связи с опасностью, которая, по их словам, несет в себе смертельную угрозу всем обитателям Анклава. Офицер, ссылаясь на распоряжение № 134 пограничного кодекса, согласно которому отсутствие гражданства является причиной для отказа в пропуске, призвал всех вернуться обратно. Это вызвало недовольство среди прибывших, переросшее в беспорядки. По толпе был открыт огонь из крупнокалиберных пулеметов. Оставшиеся в живых быстро покинули приграничную территорию и вернулись в долину.*

10.12.2716. *Произошла организованная попытка прорыва блокады Анклава. Три блокпоста, расположенные вдоль нижнего течения реки Инд, подверглись нападению неизвестных групп, применявших огнестрельное оружие. Нападающим удалось захватить приграничный блокпост № 14–ЗТ и удерживать трое суток, пока погранвойска союза не получили поддержку регулярных сил кайпианской армии. Орудия Банши не оставили шанса сопротивляющимся. Пленные сообщили имя организатора – Ариан Хан. По нашим сведениям, Ариан Хан – главарь бандитского подполья, контролирующего территорию, прилегающую к западному берегу нижнего Инда. Целью атаки была попытка проникнуть на территорию Индо-*

стана, подконтрольную силам Кайпианского союза. Однако пленные все как один утверждали, что не собирались заниматься грабежами – ими двигал страх перед существами, которых они называли Архонами, а истинной целью нападения была попытка перебросить свои семьи на территорию Индостана. Согласно распоряжению № 5, все пленные были казнены. Силы правопорядка организовали поиск и уничтожение просочившихся на территорию союза биологических единиц. Генерал Рам отправил в центр запрос на предоставление дополнительных сил под его командование с целью увеличения обороноспособности приграничных рубежей. Ему было в этом отказано в связи с обострением отношений между Кайпианским союзом и Акритской метрополией.

Дочитав содержимое первого файла, Рамина нажала на экране на второй. Файл содержал текстовые, фото и видеоматериалы. Судя по тексту, воздушное судно «Тяньлун» класса «Мангуст» совершало исследование Большого кратера, оставленного частью астероида «Анубис», который упал около пятисот лет назад на аравийский полуостров. Видеоряд состоял из снимков кратера в различных ракурсах. С высоты птичьего полета можно было увидеть черные нефтяные пятна, разбросанные, словно лишайники, вокруг места падения. Мертвый ландшафт, уходящий за горизонт, был природным памятником той катастрофы, которая повернула ход человеческой истории. Отсутствие видимой растительности указывало на то, что почвы отравлены.

После взятия проб грунта команда «Тяньлуна» столкнулась с техническими трудностями, возникшими в реакторе научно– исследовательского судна. В связи с этим капитан принял решение об аварийной посадке на востоке африканского континента в районе Мертвой бухты. Так как данная территория была не безопасна, на помощь к потерпевшему бедствие исследовательскому судну немедленно отправился дредноут «Синчэншань», находящийся в патруле в районе аравийского моря. «Если команда решилась произвести посадку на африканском побережье, значит, обстоятельства были очень серьезными», – подумала Рамина. Будучи студенткой университета города Хуанди, Рамина работала над классификацией фауны, населяющей африканский континент. Она хорошо помнила снимки разведывательных зондов, на которых были запечатлены какие – то неизвестные доселе науке организмы, напоминающие жутких мифических чудовищ. Несколько геологических экспедиций, организованных союзом за последние пятьдесят лет в Африку, всегда заканчивались провалом. Ввиду ограниченности ресурсов было принято решение о заморозке всех исследовательских проектов на этом континенте. Жизнь, которую скрывала густая растительность Африки, была недоступна для осмысления научным сообществом Кайпианского союза.

Содрогнувшись то ли от холода, то ли от своих мыслей, Рамина встала из – за стола и заварила чашку горячего чая. Сделав глоток, она вернулась за стол и нажала на третий файл. Он содержал лишь один видеофайл, озаглавленный как «Спасательная операция». При запуске этого файла экран разделился на восемь квадратов, каждый из которых представлял собой изображение с камер, расположенных на шлемах солдат, участвующих в спасательной операции. Судя по тому, что изображение передавалось с камер в инфракрасном диапазоне, операция по эвакуации проходила глубокой ночью. Трансляция, сопровождаемая переговорами в радиоэфире, демонстрировала высадку спасательного отряда в десантной капсуле.

– Отряд, внимание! Говорит капитан Эдо. Команда «Тяньлун», состоящая из одиннадцати членов экипажа, не выходит на связь. Объявлен красный уровень тревоги, оружие перевести в боевую готовность, не терять друг друга из поля зрения. Боевая задача: поиск и эвакуация. Действуем быстро...

Изображение, получаемое с камер, одновременно качнулось, что говорило о приземлении десантной капсулы на землю. Отсек, издавая негромкий гул, открылся. Отряд хорошо экипированных солдат стремительно выдвинулся наружу, занимая оборонительные позиции вокруг капсулы. В пятидесяти метрах от места высадки можно было разглядеть «Тяньлун»,

охваченный местами языками пламени. Нос пятидесятиметрового исследовательского судна лежал в густой растительности африканских джунглей.

– *Первый, второй, осмотреть первую палубу. Третий, четвертый, осмотреть вторую палубу*, – вещал голос в радиоэфире, видимо принадлежавший руководителю спасательной операции. – *Всем остальным рассредоточиться по периметру.*

– *Капитан, обнаружены два тела, пульс не прощупывается*, – Рамина увидела на шестом изображении тела, одно из которых было облачено лишь в нижнее бельё, что говорило о внезапности нападения, а следы на почве указывали на то, что тела кто – то тащил.

– *Погрузить тела на борт капсулы*, – последовал приказ.

Верхний ряд экранов транслировал изображение с камер солдат, проникнувших внутрь исследовательского судна. Внутри был беспорядок, но что было причиной беспорядка оставалось неизвестным. Возможно, это был результат жесткой аварийной посадки.

– *Капитан, у нас выживший*, – Рамина увидела на втором экране человека, который буквально вжался в угол отсека на первой палубе.

Его черные смолянистые волосы были взъерошены, а выпученные глаза, смотревшие в одну точку, выражали жуткий страх. Рамине стало не по себе от такого зрелища. На лбу выжившего выступили крупные капли пота, а руки напряженно сжимали какой-то предмет, сбоку от которого валялся небольшой баллон.

– *С вами все в порядке?* – спросил солдат, делая медленные шаги по направлению к выжившему.

Внезапно произошла яркая вспышка, и второй экран потух.

– *Второй отзовитесь, второй, не вижу трансляции сигнала*, – произнес голос в радиоэфире.

Судя по первому экрану, один из солдат быстро отреагировал на ситуацию и стремительно побежал по коридору в том направлении, куда ушел его напарник. Завернув за угол, он наткнулся на тело своего сослуживца, объятые пламенем.

– *Капитан, у нас потери. Александр мертв! Вы слышите, капитан!?* – голос солдата скатывался в крик, – *Александр...*

Солдат попытался потушить горящую плоть, но скверный запах вызвал у него рвотный рефлекс. Содержимое желудка вырвалось наружу, окропля брызгами стены и пол исследовательского судна.

– *Капитан, у этой сучары огнемёт! Вы слышите, капитан?* – орал солдат, судорожно пытаясь отцепить с пояса гранату.

– *Капитан, реактор в огне, уровень опасности критический...*

– *Говорит капитан Эдо, всем бойцам прекратить операцию и вернуться к десантной капсуле... Повторяю...* – на этом слове видеозапись подошла к концу.

Рамина, пересмотрев данный видеофайл еще раз, приступила к изучению результатов исследования найденных на месте крушения тел. Одно из тел принадлежало командиру исследовательского судна Тан Юншену, а другое – ученому – почвоведу Го Вэньмину. Запись, сделанная бортовым врачом дредноута «Синчэншань» Каримом Абдаром, сообщала следующее:

Внешний осмотр выявил небольшие царапины и ушибы мягких тканей различных частей тел. На теле, принадлежавшем ученому Го Вэньмину, был обнаружен химический ожог правой кисти. Сердечная и дыхательная деятельность обоих тел прекращена, мозг не реагирует на раздражители, однако проба Гарда выявила происходящие в тканях обменные процессы. Если откинуть фактор времени, то полученные результаты соответствуют клинической стадии смерти.

Сканирование, проведенное методом ADL, выявило патологические изменения эндокринной системы обоих тел. В частности, обнаружено заметное увеличение гипофиза и надпочечников. Физиологическая регенерация форменных элементов крови продолжает осуществ-

ляться за счёт разрушения старых клеток и образования новых органами кроветворения. Температура тел составляет около 20 °С, что существенно ниже предельной границы температуры тела живого человека.

Спустя сутки клиническая картина дополнилась произвольными сокращениями мышц конечностей. Офтальмологическое исследование выявило воспаление сосудов глазного яблока. Температура тел выросла до 31°С. Анализ сердечно – сосудистой системы выявил слабое, но учащенное биение сердца. Биохимический анализ крови показал увеличение С – реактивного белка в сыворотке крови до значений 15 мг/л, что является признаком проникновения в организм чужеродных микроорганизмов – бактерий, паразитов либо грибов.

Заключение: Этиология наблюдаемых явлений не ясна и не описана ни в одном медицинском справочнике.

Далее Рамина переключилась на заключение экспертной комиссии:

Согласно полученной информации, в целях предупреждения эпидемии неизвестной этиологии экспертная комиссия постановляет:

– Весь личный состав дрейфбота «Синчэниань» поместить на карантин.

– Инфицированные тела поместить в криокамеры. Обеспечить их транспортировку на удаленное расстояние от плотно заселенных территорий в целях дальнейшего изучения.

– Объявить КРАСНЫЙ уровень биологической угрозы.

Председатель экспертной комиссии

Лао Дэмин

Изучив методологию исследования, описанную в последнем файле, Рамина связалась с операторами транспортного терминала и уточнила время, когда за ней и двумя её ассистентами должен будет прилететь шаттл, который и доставит их к месту выгрузки опечатанного контейнера. «Нужно ввести в курс дела ассистентов, – подумала Рамина, выбирая на персональном интеграторе функцию оповещения. – Пусть подготовят оборудование и инструментарий». Семь лет назад она уже сталкивалась с эпидемией, вызванной вирусом Ковалевского, которая выкашивала целые поселения лесных жителей Восточной Сибири. Тогда тоже был объявлен красный уровень биологической угрозы, одной из жертв которой стал сам доктор Ковалевский, который ценой собственной жизни сумел выделить вирус и положить начало созданию противоядия. Для Рамины покойный доктор Ковалевский был не только коллегой, но и мужем, в которого она когда – то была безумно влюблена.

* * *

Гражданский шаттл с тремя пассажирами на борту подлетал к огромному транспортному терминалу, который представлял собой один из трех логистических узлов транспортной системы Кайпианского союза, расположенной на территории Антарктики. Доктор Рамина Джоши, сидя в удобном кресле, смотрела в окно иллюминатора. С высоты птичьего полета можно было хорошо разглядеть транспортный терминал, зажатый с одной стороны высочайшей горной системой Антарктики – Элсуэрт, а с другой – горами Уитмор. На равнине были сооружены пять механических линий, на которые крепились стандартные контейнеры. Автоматизированные краны – манипуляторы постоянно производили перестановки, используя алгоритмы, заложенные операторами. Линия, которая располагалась посередине, была в два раза длиннее остальных. Оба конца этой линии являлись местом для погрузочно – разгрузочных работ, происходящих в автоматическом режиме. Рамина заметила, как грузовое воздушное судно медленно совершало маневр на стыковку с погрузочной линией.

Со стороны гор Уитмор располагался центр управления и жилые постройки для обслуживающего персонала. Силовые линии, отходящие от терминала, уходили куда-то в землю.

Термоядерный реактор, питающий эту громадную инфраструктуру, располагался глубоко под землей как объект, обладающий критической уязвимостью. Недалеко от командного центра располагалась посадочная территория, площадь которой была разбита на квадраты. В центрах квадратов были указаны числовые и буквенные обозначения, хорошо различаемые с воздуха.

– Что это? – послышался тонкий голосок Нари Ю – ассистента Рамина, которая сидела возле иллюминаторов, расположенных на правой стороне фюзеляжа. – Вон там, на горизонте, какие – то блестящие купола...

Второй ассистент Касим Чандра, пододвинувшись к иллюминатору и посмотрев туда, куда показывала Нари, ответил:

– Это передвижные горно – обогатительные заводы. Вон, видишь, те огромные отвалы горной породы – это их ра...

Последние слова второго ассистента утонули в шуме двигателей, производящих торможение перед посадкой. Приземлившись, Рамина накинула куртку и, взяв кейс в руки, двинулась на выход, сопровождаемая своими спутниками. У трапа их встретил офицер и двое его сподручных, одетых в черную форму. Рамина не могла понять, к какому роду войск принадлежит эта троица.

– Доктор Рамина Джоши? – вежливо спросил офицер.

– Да, с кем имею честь разговаривать?

– Меня зовут Хуан Сальваторе. Для начала предъявите личные жетоны... Просто небольшая формальность...

– Да, конечно, – сказала Рамина, доставая из кармана куртки пластиковую карту.

Просканировав личные жетоны прибывших, офицер продолжил:

– Я лицо, ответственное за сопровождение этого деликатного груза отсюда до острова Анверс. Малый бот уже готовится взять груз на борт. У нас полный приоритет, так что часа через четыре мы окажемся уже в вашей лаборатории. Я уполномочен вручить вам директивы, – с этими словами Хуан Сальваторе достал из кожаного портфеля пакет, опломбированный ферримагнитной печатью, и передал его в руки Рамина, которая немедленно положила его в кейс. – Пройдемте пока в командный центр, нам любезно предоставили помещение.

Добравшись до командного центра, Рамина и её спутники заняли гостевую комнату на первом этаже. Сальваторе и его сопровождающие проследовали на второй этаж для согласования времени погрузки.

Расположившись на диване, Рамина распечатала переданный ей пакет. Первый лист представлял собой предписание по работе с опасными биологическими материалами. Второй лист представлял собой сопроводительный документ на груз, который был маркирован буквами ПГ–³Не. Аббревиатура обозначала, что в контейнере находится Гелий–3. «Тела перевозят в режиме полной секретности», – сделала выводы Рамина. На несколько секунд её отвлекли громкие хлопки, но подумав, что это следствие горнодобывающих работ, она принялась читать дальше.

Внезапно громко взывшие сирены заставили её буквально подскочить с дивана. Неуклюже рассыпав по полу документы, она принялась их сгребать в кучу, поглядывая на ассистентов, подбежавших к окну. Топот, доносившийся из коридора, говорил о том, что случилось что-то серьёзное. Открылась дверь, и на пороге появился запыхавшийся Хуан Сальваторе, прокричавший:

– На нас напали! Будьте здесь и не покидайте помещение...

Не успев услышать ответ, Сальваторе стремительно захлопнул дверь. Находящиеся в комнате люди испуганно переглянулись. Звуки взрывов постепенно становились всё громче, а две яркие вспышки заставили Нари и Касима, находящихся возле окна, закрыть лица руками.

По улице бегала вооруженная охрана, но, судя по внезапности нападения, они сами оказались в полном замешательстве.

Взрывной волной Рамину откинуло за диван. Смутно соображая, она попыталась подняться, но в результате второго взрыва доктор Джоши оказалась зажата между диваном и стеной. Получив небольшую контузию, она была полностью дезориентирована. Громкие рыдания вернули её в реальность. Немного придя в себя, она увидела изрезанные осколками кисти своих рук. Из носа ручьем лилась кровь, а в ушах стоял монотонный гул. Освободившись от обломков, она привстала. То, что она увидела, вызвало у неё состояние шока: стена с окном полностью отсутствовала, а по улице неторопливо расхаживают люди, облаченные в роботизированные экзоскафандры. Добывая раненных, трехметровые стальные монстры с яркой символикой Акритской метрополии на панцире были похожи на вестников смерти.

Посреди комнаты лежало тело Нари Ю. Её голова была неестественно повернута в сторону Рамины, а застывший взгляд смотрел куда-то сквозь уцелевшую стену комнаты. Нари была мертва. Поняв, что ей уже не помочь, Рамина принялась искать взглядом Касима. Касим валялся на улице в луже крови. Ему оторвало обе ноги, но он, пребывая в глубоком шоке, настойчиво предпринимал попытки подняться. Рамина, словно пребывая в каком-то страшном сне, стала озираться по сторонам. Схватив тряпки, она подбежала к Касиму и, склонившись над ним, попыталась остановить кровь.

Внезапный выстрел, прозвучавший совсем рядом, заставил её вздрогнуть. Лицо Рамины покрылось брызгами теплой крови. Протерев глаза, она увидела зияющую дыру в груди Касима, который уже не подавал признаков жизни... «Тень... Откуда она?», – пронеслось у неё в мыслях. Подняв голову, Рамина увидела возвышающегося над ней экзоробота, правая рука которого направляла дымящееся дуло оружия в её сторону. Сквозь чуть запотевшее пуленепробиваемое стекло можно было разглядеть силуэт одноглазого человека. Казалось, что время остановилось. Перед глазами Рамины пробежали какие-то далекие воспоминания – детство, выпускной бал в университете, муж, родители...

Холодное железо, сомкнувшись на шивороте её куртки, заставило время возобновить свой ход. Тело Рамины с силой оторвалось от земли – это единственное, что она запомнила, перед тем как потерять сознание.

* * *

– Джонс, вы просто блестяще справились с поставленной задачей! – сказал Вайс, изображение которого транслировалось на персональный планшет Гектора, сидящего в кают – компании.

– Спасибо, генерал Вайс! – ответил Гектор. – Я уже отправил вам отчет о проведенной операции. В приложении к отчету есть список захваченного.

– Да, Джонс, я уже ознакомился. Не может не радовать то, что наши потери составили всего два экзоробота, что говорит о вас как о прекрасном стратеге. Знаете, Джонс, вы всегда мне нравились, – сказал Вайс, вальяжно откинувшись в кресло. – Я думаю, у вас большие перспективы. Такие люди как вы просто необходимы нашей Великой Родине в столь тяжелое время...

Выждав паузу, Вайс, скрестив пальцы рук, добавил:

– Впрочем, судя по тому, что вы используете персональный канал связи, у вас есть какие-то личные вопросы?

– Собственно говоря, вы правы, генерал. Дело в том, что со мной связался капитан «Немезиды» Бейли и сообщил, что Карлос Гарсия притащил на борт плененную женщину и разместил её в своей каюте. Сэр, это не соответствует военному уставу и...

– Джонс, Юпитер вас побери, не будьте таким сентиментальным, – перебил Гектора Вайс. – Наемники отлично справились со своей задачей, так что пусть их главный дикарь наслаждается своим трофеем, а вам бы я порекомендовал отправить Карлосу бутылку хорошего вина в качестве приятного дополнения к его randevu...

При этих словах Вайс разразился гомерическим хохотом.

– Сэр, я не закончил... – серьёзное лицо Гектора давало понять собеседнику, что смех здесь не уместен. – Доктор, который оказывал медицинскую помощь пленной женщине на борту «Немезиды», поведал капитану Бейли следующее: по словам пленной, она – доктор, которая встречала биологически опасный груз. Детали не известны, но, возможно, груз находится в одном из контейнеров, которые перевозит «Самсон» в данное время. Я считаю, что нам нужно поподробнее допросить эту женщину. Однако Карлос в ультимативной форме дал понять капитану Бейли, что этого не произойдет. Капитан Бейли опасается, что наёмники могут поднять бунт, если мы будем, так сказать, более настойчивы...

Вайс сидел, задумчиво потирая виски обоими руками. Услышанная информация придала ему серьёзный вид. Немного помолчав, он произнёс:

– Ну, это в корне меняет дело, командор. Я думаю, что вы правы, нам действительно нужно для начала провести допрос и получить более подробную информацию... Знаете, Джонс, я в свободное время читаю перевод кайпианского учебника по военной тактике. Мне ведь просто необходимо знать, чему учат наших врагов, – произнес эти слова поучительным тоном, Вайс пододвинулся ближе и, сложив руки на столе, продолжил. – Сунь Цзы, стратег и мыслитель древности, говорил о том, что война – это путь обмана... и я думаю, мы пойдем именно этим путем. Вы заманите Карлоса Гарсия к себе на «Гиперион Прайм» и возьмете в качестве заложника. Тогда эти разношерстные отщепенцы не посмеют пойти против сынов Империи. Заблокируйте остальных наёмников в каютах и держите их в неведении относительно того, что ваш курс изменился, и вы следуете на Акрит. Когда же ваша флотилия спустя шесть часов достигнет чертогов Родины, мы уладим этот вопрос политическими методами – у меня давние дружеские отношения с Витором Гарсия. Вам ясны инструкции?

– Так точно, генерал Вайс!

– Отлично, Джонс, тогда я сообщу об изменении времени вашего прибытия Императору. Он желал лично встретить героев антарктического рейда. Слава Императору!

– Слава Императору!

Когда экран погас, Гектор, недолго думая, связался со вторым помощником.

– Слушаю, сэр!

– Мария, передайте моё распоряжение капитанам: всем немедленно явиться на «Гиперион Прайм». Центр сообщил о кайпианских перехватчиках, направляющихся в нашу сторону со стороны Тихого океана. Объявляю срочное совещание в связи с угрозой атаки. И передайте Марку, что я хочу видеть Карлоса тоже. Конец связи.

* * *

Рамина вяло перебирала отяжелевшими ногами, послушно следуя за одноглазым мутантом. Её разум был подавлен картинами пережитого, равнодушно реагируя на внешний мир. Рамина не была утонченной натурой в силу своих рабочих обязанностей, но гибель ассистентов, с которыми её связывали личные эмоциональные отношения, отразилась на её внутреннем состоянии. Однако, проходя мимо оружейной комнаты, Рамина невольно услышала о том, что нападающими было захвачено около четырехсот контейнеров с ресурсами. После воспоминания, что Хуан Сальваторе говорил о готовящейся погрузке контейнера с биологической угрозой, в сознании Рамины вдруг появились мысли, вернувшие её в реальность. «Скорее всего, инфицированные тела у захватчиков, – подумала Рамина. – А может, нападение и планирова-

лось с этой целью? А если они не знают о телах, стоит ли им об этом говорить? Может, это будет им наказанием за содеянное?»

В Рамине боролся человек, потерявший друзей, и доктор, чьим высшим смыслом было служение человечеству. Вспомнив о героическом поступке своего мужа, Рамина все – таки решила поведать о биологической опасности. Пройдя в отсек с красным крестом, одноглазый наёмник оставил её наедине с пожилым врачом, который, достав докторский саквояж, принялся обрабатывать порезы на руках Рамины.

Доктор оказался вполне адекватным человеком, с которым она решила поделиться информацией о телах, которые тайно привезли в одном из контейнеров с континента. Рамина неплохо владела иностранными языками, благодаря факультативному хобби, тягу к которому она в себе обнаружила, учась на втором курсе университета Хуанди.

Доктор внимательно её выслушал. «Коллега, я понимаю ту опасность, о которой вы мне поведали, – задумчиво произнёс он. – Я непременно доложу об этом капитану и будьте уверены, сделаю всё возможное, чтобы облегчить ваше положение».

После медицинских процедур одноглазый отвел Рамину в небольшую двухместную каюту и куда-то вышел, закрыв за собой двери отсека. Рамина пребывала в беспокойстве. «Нельзя сидеть в неопределенности, надо что-то делать», – подумала она. Встав, Рамина подошла к двери и нажала на сенсорную панель. Ничего не произошло, видимо, дверь была заперта, либо сенсор настроен на определенный тактилоскопический режим. Сев обратно на кушетку, Рамина стала искать место, куда можно было бы спрятать хирургический скальпель, который она незаметно украла из саквояжа доктора, когда тот оказывал ей первую помощь в медицинском отсеке. Нашупав небольшое углубление там, где кушетка прилегала к стальной перегородке, Рамина, достав скальпель, просунула руку и положила его туда. «Если это животное попытается меня тронуть...» – подумала она, однако её мысли прервал писк сканера. Рамина мгновенно уселась на кушетку и поджала ноги, обхватив их руками.

Дверь бесшумно открылась, и на пороге появилось огромное туловище одноглазого, державшего две пластиковые тарелки, из которых торчали столовые приборы. Пригнувшись, он бесцеремонно ввалился в отсек и так сильно пнул по панели возле кушетки, что Рамина невольно вздрогнула. Издав жужжащий звук, между кушетками появился стол. Поставив на его поверхность тарелки, одноглазый уселся на второе ложе. Пододвинув к женщине одну из чашек, он полез в карман и достал оттуда большое зеленое яблоко. Положив яблоко рядом с её чашкой, Карлос принялся методично уплетать кашу из злаков, изредка поглядывая на Рамину, которая продолжала молча сидеть, смотря в точку перед собой.

Доев кашу, Карлос привстал и подошел к большому зеркалу возле умывальника. Умывшись, он, стоя спиной к Рамине, принялся, не спеша, расстегивать пуговицы на своей потертой от времени безрукавке. Женщина, нащупав скальпель, крепко зажала его в левой руке. В мыслях она судорожно просчитывала ситуацию, понимая, что у неё есть в запасе один единственный удар. Прекрасно зная анатомию, Рамина решила бить во внутреннюю сонную артерию.

– Карлос Гарсия, вас срочно хочет видеть капитан Бейли на командном мостике, – внезапно раздавшийся из динамика женский голос вывел Рамину из состояния оцепенения.

Карлос, услышав сообщение, принялся неспешно застегивать пуговицы обратно. Стряхнув невидимые пылинки с ворота, он, не оборачиваясь, покинул каюту.

* * *

Гектор сидел за круглым столом командного центра, наблюдая, как другие участники заседания рассаживаются по своим местам. Когда все расселись, Гектор, нахмутив брови, приступил к совещанию.

– Начну с плохих новостей, господа. Мне поступила информация, что силы врага планируют нанести ответный удар. Согласно расчетам, боестолкновение произойдет через три часа, двадцать минут.

Присутствующие переглянулись.

– Каким образом нас обнаружили, мы ведь находимся в поле Хиггса, не так ли? – недоуменно спросил капитан «Самсона» Натан Питерсон.

– Сейчас поясню. Родригез, – обратился Гектор к первому помощнику, – раздайте присутствующим планшеты...

Родригез, стоявший за спиной Гектора Джонса, приступил к выполнению приказа. Звук его шагов отчетливо раздавался в помещении на фоне полной тишины. Подойдя к Карлосу и положив на стол перед ним планшет, Родригез двинулся дальше. Оказавшись за спиной Карлоса, первый помощник запустил руку в карман и, вытащив оттуда нейродестабилизатор, приложил контакты к могучей шее наёмника. Произошел щелчок, после которого тело Карлоса обмякло на столе, изредка подергиваясь в конвульсиях. Капитаны переглянулись, а Эдвард Чейз, привставший от неожиданности, выпалил:

– Разрази тебя Марс, Гектор, что здесь вообще происходит?

– Присядьте, капитан Чейз, – спокойным тоном произнес Гектор, – у нас новые директивы из центра в связи со вновь открывшимися обстоятельствами. Сейчас глубокая ночь, и большая часть наёмников спит после боя. Мы не будем их высаживать в Сангриенто и немедленно меняем курс на Акрит. Информация об этом должна оставаться в полном секрете. Сделайте так, чтобы все наёмники были заблокированы в своих отсеках до прибытия в конечную точку. И ещё: по прилету на Акрит наденьте парадные мундиры – нас будет встречать сам Император!

Глава 4. Акрит

Акрит, величайший город западного полушария с населением около двадцати миллионов человек, был не только политическим центром метрополии, но и городом, который имел геополитическое влияние на весь американский континент. Административное деление Акритской метрополии представляло собой десять округов, центрами которых были города – миллионники, разбросанные от Тихого океана до Атлантики между 45° и 70° северных широт, на территории североамериканского континента. В связи с изменениями климата эти территории были наиболее благоприятны для человеческой жизнедеятельности. Помимо этого, данный регион имел пониженный радиационный фон, а некоторые из территорий и вовсе позволяли населению заниматься сельским хозяйством на открытом грунте.

Центрами округов, колониально зависимых от Акрита, являлись Даутсон, Корнуэл, Нант, Сайбург, Тайрин, Виктория, Иерихон, Пир, Борей и Эритея. В подчинении у окружных центров были различные мелкие поселения, находящиеся на территории соответствующего округа.

Политическая система представляла собой автократию, основанную на почти неограниченном и бесконтрольном полномочии Императора. Глав территориальных округов – викариев, Император назначал из местных элит, лояльных центру. Десять викариев, глава Генштаба, глава Спектрата – тайной полиции и главный Судья формировали Сенат – законодательное собрание. Император обладал правом вето и мог в одностороннем порядке заблокировать принятие того или иного решения Сената.

Любое инакомыслие и недовольство жестко подавлялось Спектраторами, которые подчинялись непосредственно Императору и имели широкий круг полномочий, которые были юридически закреплены в Кодексе Акритской метрополии. Три года службы в тайной полиции открывали путь в судебную систему. Судьи в округах назначались главным Судьёй, а сам он назначался Императором.

Города метрополии были связаны тесными производственными и торговыми отношениями. Внутренним платежным средством являлся безналичный доллар, эмиссию которого контролировала автоматизированная система, центральные сервера которой находились в министерстве экономического развития. Внешняя торговля базировалась преимущественно на натуральном обмене. Налоговые сборы законодательно распределялись между Акритом и округами.

Служба в армии проходила на контрактной основе. Типовой армейский контракт заключался на пятилетний срок, а выслуга лет по одному контракту открывала двери на государственные посты. Три армейских контракта – пятнадцать лет выслуги, автоматически зачисляли обладателя в императорскую гвардию. Попасть на службу можно было начиная с пятнадцатилетнего возраста. Социальные гарантии были недоступны большинству населения, исключая военных, поэтому служба в армии была очень привлекательна для граждан метрополии.

Главной проблемой, затрагивающей все слои общества, являлась мутация биологических популяций, в том числе и человеческой. Горе семье новорожденного приносила не столько сама мутация, сколько обязанность предать её носителя эвтаназии согласно законодательному акту, который действовал на всей территории метрополии. Причиной появления этого документа стало нашествие племен, населявших Великие озера в период правления Первого Императора Эрика Злого. Характерной чертой этих племен были генетические изменения, делающие их похожими на покрытых шерстью оборотней, которые, к тому же, были очень агрессивны. Причина мутаций была заключена в отравленных грунтовых водах, куда просачивались радиоактивные отходы из разрушенного от времени хранилища. Историки утверждали, что причиной миграции явилась небывалая жара, установившаяся в те дни. Но как бы

то ни было, участвовавшие набеги вызвали в обществе паранойю и привели к поиску внутренних врагов. Ни в чем не повинные люди с различными внешними отклонениями от нормы были объявлены пособниками агрессоров. Их изгоняли вместе с сочувствующими за пределы метрополии, либо линчевали на месте. Чтобы взять ситуацию под контроль, властями был принят «Акт о чистоте человеческой расы», согласно которому новорожденные, имеющие четко выраженные мутации, предавались эвтаназии. Если мутация проявлялась с возрастом, то обладатель подвергался изгнанию и лишению гражданства.

Со временем, когда Акрит упрочил своё положение и влияние на континенте, а паранойя утихла, властями была внесена поправка к данному акту, согласно которой обладатели мутаций, что проявлялись с возрастом и не сказывались на психическом состоянии индивида, оставались гражданами, но ограниченными в правах. Таким людям запрещалось быть государственными служащими. Те, кто имел достаток, либо уникальные знания, в которых нуждались наукоёмкие отрасли, особо ничего не теряли, а бедные либо умирали, либо, если позволяла мутация, занимались только тяжелым физическим трудом, преимущественно на рудниках Эритеи.

Акрит, раскинувшийся на берегу пресноводного озера Ричардсон, являл собой пример уникальной архитектуры нового времени. Изящные стелы и арки утопали в зелёных насаждениях, которые подобно чудесным садам Семирамиды устремлялись ввысь. Здания из сверхпрочных материалов, высотой около километра, блестели в солнечных лучах, пробивающихся сквозь пасмурные облака. На фоне всего этого великолепия особо выделялся императорский дворец, представляющий собой живое воплощение власти и роскоши. Перед дворцом раскинулась площадь, периметр которой окаймляли белые мраморные колонны, а на их барельефах были выбиты имена живых и павших героев Империи. И не было большей награды для истинных сынов и дочерей метрополии, как обессмертить своё имя в веках на имперской площади...

Именно такую панораму наблюдал Гектор Джонс, когда флагманский крейсер «Гиперион Прайм» подлетал к гигантскому тоннелю, вход в который был расположен в транзитной зоне Акрита. Перед тем как совершить посадку в аэропорту, необходимо было пройти процедуру по дезактивации, дегазации и дезинфекции зараженных поверхностей воздушных судов.

* * *

Гектор Джонс стоял на плацу аэропорта на фоне флагманского крейсера. Справа, в нескольких метрах от него стояли другие капитаны, которые были в его подчинении во время антарктического рейда. Одеты они были в парадные темно-синие мундиры, расшитые золотыми нитями. За спиной Гектора, на торжественном построении в шеренгу выстроился весь личный состав возглавляемой им флотилии.

Между воздушными судами, покачиваясь на работающих антигравитационных двигателях, стоял конвойный аэробус. Солдаты, облаченные в защитное обмундирование, с оружием в руках забегали в десантные штурмовики. Оттуда, по одному, конвоиры выводили наёмников, руки которых были скованы кандалами. Быстрым шагом, постоянно подгоняя арестованных, солдаты сопровождали их до аэробуса и небрежно заталкивали внутрь. Процесс монотонно повторялся все снова и снова. Один из пленных наёмников, получив удар прикладом в спину, резко развернулся и начал поливать самыми грязными словами конвоировавших его солдат. Солдаты, недолго думая, сбили нарушителя спокойствия с ног и разбили в кровь его лицо хромовыми черными сапогами. Подхватив бездыханное тело за руки, солдаты поволокли его до аэробуса, оставляя за собой кровавый шлейф. На фоне происходящего громко заиграл военный марш.

– Равняйся! – последовала команда.

Стоявшие на плацу люди вытянулись, наблюдая длинную процессию черных электромобилей, сопровождаемую сидевшими на скутерах гвардейцами. Их черные плащи, как и багровые штандарты с личной императорской эмблемой, изображающей черную букву W на красном фоне, бодро развевались в порывах ветра. Из машин сопровождения, остановившихся в двадцати метрах от растянувшейся шеренги, повыскакивала личная гвардия Императора и выстроилась в живой коридор, крепко прижимая к нагрудным бронированным латам стрелковое оружие. Их гордо поднятые головы были облачены в карбоновые черные шлемы.

Из машины, которая стояла за имперским электромобилем, вышли два человека – главнокомандующий Николас Вайс и бессменный глава Спектрата Алан Филипс. Неспешно приблизившись к электромобилю Императора, они встали по бокам от двери. Дверь открылась, и на пороге появился тучный человек, державший в руках искусно сделанную трость. Его лысую голову поддерживала массивная шея, которую окаймлял высокий черный воротник парадной военной шинели. Ворот был расшит редким мехом саблезубого волка, а грудь Императора украшали ордена. Опираясь на трость, Император неторопливо вылез из электромобиля, после чего пошел вдоль живого коридора личной охраны, сопровождаемый Вайсом и Филипсом. Военный марш затих – это было сигналом для начала процедуры приветствия согласно армейскому этикету.

– Да здравствует Император! – изо всех сил выкрикнул Гектор, отчего его лицо немного покраснело.

– Да будет воля его нам Законом! – хором ответил ему личный состав.

Император остановился в пяти метрах от командора Джонса. «Он действительно болен», – подумал тот, разглядывая мешки под глазами, выделяющиеся на бледном лице лидера. Его левая щека была обезображена застарелым шрамом, тянущимся от уголка рта до мочки уха. Подняв правую руку, Император одним нажатием включил микрофон, расположенный на вороте шинели.

– Достойные сыны и дочери отечества! – раздался низкий тембр голоса из динамиков. – В это смутное для нас время, когда внешние и внутренние враги метрополии пытаются свергнуть нашу Родину в пучину хаоса, вы проявили твердость и отвагу. Потомки будут с вдохновением вспоминать героев битвы при Уитморе, а тактика, реализованная на поле брани, попадет в учебники военных академий. Я горжусь вами, солдаты, и выражаю благодарность от всех граждан Акритской метрополии и от себя лично...

– Служить и защищать! – хором выпалил личный состав.

Выключив микрофон, Император подошел к Гектору Джонсу и пожал ему руку. Гектор ощутил ладонью, что под черной кожаной перчаткой лидера скрывается биомеханический протез. Гектор знал о нем, как и все остальные. Будучи кадетом, он с восхищением смотрел документальный фильм о том, как Акритская метрополия покоряла Южную Америку, создавая там военные перевалочные базы, которые в дальнейшем послужили плацдармом для вторжения в Антарктику, оккупированную силами Кайпианского союза.

Южная Америка была пристанищем различных военизированных групп, начиная от контрабандистов Золотого Рога до наркокартелей, обосновавшихся у истоков Амазонки. Битва при Сан-Пауло в 2679 году, когда на военную базу имперцев напали объединившиеся группы боевиков, стала поворотной точкой всей южноамериканской кампании. Тогда из всего военного гарнизона близ Сан – Паулу выжили лишь два человека. Первым из них был легендарный, тогда еще рядовой Уэйн Орокин, возглавляющий сейчас Корпус внешней разведки, а второй – майор Мартин Вуд, принявший на себя впоследствии титул Императора и стоявший сейчас перед Гектором. Прибывшее подкрепление обнаружило их на пепелище, которое оставили отступившие вглубь джунглей боевики. В этом сражении Император потерял руку, но приобрел непререкаемый авторитет в армии. Имена всех участников этой битвы были выбиты на барельефах колон имперской площади.

– Отличная работа, Джонс, я знал, что вы справитесь, – произнес Император, дружески похлопывая по плечу Гектора.

– Благодарю за оказанную честь, Ваше Императорское Величество! – ответил Гектор, восхищенно ощущая, что прикасается к живой легенде.

Император проследовал дальше, пожимая руки и перекидываясь фразами с остальными капитанами. Закончив торжественную встречу, он, развернувшись, последовал в сторону парадно одетой свиты.

Звук выстрела, прогремевший на борту «Гипериона Прайма», заставил имперскую гвардию мгновенно принять меры безопасности. Солдаты, которые стояли живым коридором, немедленно окружили Императора, создав своими телами живой щит вокруг него. Николас Вайс вместе с пятью гвардейцами бросился к трапу крейсера. Поднявшись на борт, Вайс увидел следующую картину: конвоиры пытались скрутить сбитого с ног человека огромной комплекции, который сопротивлялся из – за всех сил. На полу валялся пистолет, а возле стены, забрызганной кровью, лежало тело солдата с простреленной головой. Остекленевшие зрачки покойника заливала тонкая струйка крови. Совместно с гвардейцами солдаты наконец – то угомонили сопротивляющегося, зажав его в неестественной позе.

– Кто здесь старший? – прокричал Вайс.

Поднявшись с пола, запыхавшийся человек лет тридцати подошел к Вайсу.

– Идиоты, я же дал распоряжение, чтобы на момент торжественной встречи вы прекратили конвоирование? Отвечай! – кричал Вайс в злобном иступлении.

– Да сэр, но... – сглотнув, человек продолжил. – Мы всё так и делали...

– погоди, – перебил его Вайс, – то есть ты считаешь, что в распоряжении был пункт о том, что одному из вас нужно было продырявить тупую башку? А может быть, такой подход применить ко всем вам?

– Нет, сэр, – промямлил старшина, который пребывал в ужасе от вида багрового от злости лица генерала. – Мы тихо ждали завершения церемонии, согласно вашему распоряжению...

Конвоир на мгновение замолчал, пытаясь подобрать слова.

– Но этот, – старшина рукой указал на лежащего на полу, – выхватил пистолет и выстрелил в Джорджа... Мы его... – пересохшее горло старшины мешало ему говорить. – Мы его крепко держали, руки у него были закованы в наручники... Джордж пошел к выходу, посмотреть, закончилась ли церемония, а этот пленный внезапно вырвался и, выхватив пистолет у него из кобуры, выстрелил Джорджу в затылок... Он оказался очень силен...

– Ладно, «Дырявый Джордж» уже заплатил за свою халатность, – съязвил Вайс. – Теперь вас будет ждать трибунал, на который вы попадете на том же аэробусе, на котором и приехали. Только не конвоиром, а подконвойным...

А в это время на плацу Император, окруженный живым щитом, приказал гвардейцам расступиться. Сделав шаг в направлении «Гипериона Прайма», путь ему преградил Глава Спектрата Алан Филипс.

– Ваше Императорское Величество, это может быть небезопасно, – тихим голосом произнес он.

– Может, Филипс, ты меня считаешь трусливым политиканом? – сказал Император, посмотрев на Алана тяжелым взглядом.

Опустив глаза и склонив голову, глава Спектрата сделал шаг назад.

Поднявшись на борт флагманского корабля, Император увидел Вайса, дающего солдатам какие – то указания. В сумраке отсека, на полу рядом с трупом сидел человек. Его огромные сильные руки были скованы наручниками, пристегнутыми к стене поверх головы, а ноги были опутаны стальной цепью.

– Николас, может, ты мне дашь исчерпывающие объяснения? – спросил Император.

Повернувшись и увидев Императора, Вайс услужливо подошел и, склонив голову, негромко произнёс:

– Ваше Императорское Величество, произошло небольшое недоразумение. Буквально семь часов назад я получил определенную информацию, но пока не готов вас полностью информировать, так как полученные данные необходимо подвергнуть тщательной проверке. Думаю, что к заседанию Сената, который будет проходить завтра, я подготовлю исчерпывающий отчет.

– Кто это? – Император кивком головы указал на закованного в кандалы человека.

– Это Карлос Гарсия, предводитель наёмников, участвовавших в наземной фазе операции «Снежный буран». В связи с тем, что Гарсия не пожелал подчиниться указаниям капитана Бейли, проигнорировав его приказ, мною было принято решение о задержании данных лиц, которые, несомненно, предстанут перед военным трибуналом.

Император, выслушав Вайса, неспешно, опираясь на трость, подошел к пленнику. Когда тот поднял голову, Император увидел лицо, левая половина которого была обезображена серо – зелеными грибовидными наростами. Из носа и рассеченной брови пленника текла алая кровь. Император не уважал наёмников, сражавшихся за деньги на той стороне, которая щедро платит. Он считал, что мужчина должен сражаться за идею и погибнуть, если того потребуют обстоятельства. Но в связи с тем, что содержать огромную армию на постоянной основе было довольно накладно, а горизонт военных событий постоянно расширялся, нередко приходилось прибегать к услугам солдат удачи.

– Откуда ты родом, солдат? – поинтересовался Император, внимательно разглядывая следы мутаций на лице пленного.

Карлос молча поднял глаза. Его взгляд выражал полное презрение к стоявшим перед ним людям.

– Прояви уважение, когда тебя спрашивает сам Император, или, клянусь, ты будешь меня умолять о быстрой смерти! – зашипел Вайс.

Посмотрев пренебрежительно на Вайса, Карлос произнес:

– Лживая собака говорит об уважении. Я и мои товарищи получили кандалы в качестве оплаты за наши услуги, – при этих словах он недобро ухмыльнулся, обнажив окровавленные зубы, а после, посмотрев на Императора, продолжил. – Может, ты, ряженный, возьмешь подмышку свою ручную собачонку и накормишь её для начала, а то она что-то растяжалась...

Вайс побагровел от злости, в то время как Императора это даже немного позабавило. Не всегда увидишь столь безрассудное поведение в ситуации, в которой находился этот наёмник.

– Твоя гордыня, дикарь, удивляет, но я знаю хорошее лекарство от этого недуга, – промолвил Император и, обратившись к Вайсу, отдал распоряжение. – Отправить всех наёмников на рудники Эритеи, пусть ещё послужат на благо нашей Родины.

Развернувшись, Император неспешно последовал к выходу.

* * *

Развалившись в кресле своего кабинета, Николас Вайс разглядывал женщину, которая сидела напротив него. На вид ей было лет сорок. Её черные смолянистые волосы были заплетены в косу, спадающую на грудь. Довольно симпатичное лицо азиатской внешности выражало еле заметную обеспокоенность, связанную с той информацией, которую она только что поведала генералу Вайсу. Вошедший адъютант принес две чашки и стеклянный сосуд, наполненный горячим кофе. Поставив поднос на стол перед присутствующими и получив знак от начальника, адъютант поклонился и вышел, закрыв за собою массивную дверь.

Вайс встал. Разлив кофе по чашкам, он подошел к Рамине и, поставив одну из них перед ней, сел обратно в своё кресло.

– Доктор Джоши, – начал Вайс, размешивая в чашке сахар, – я полностью понимаю вашу обеспокоенность. Мне стоило немалых усилий и затрат ваше освобождение. Страшно представить, что было бы с вами, если бы вы, такая красивая женщина, оказались в плену у этих дикарей. Несмотря на то, что мы находимся в военной конфронтации с вашим недалёковидным правительством, я искренне озабочен тем, что вы поведали нам, ибо это угроза для нас всех, как представителей человеческого рода. Мои люди нашли в одном из контейнеров тела в криогенных камерах и уже транспортировали их в лабораторию, оснащённую всем необходимым оборудованием. Я, в первую очередь как человек, а уже потом как представитель Акритской метрополии, предлагаю вам объединить наши усилия перед общей угрозой. Возможно, это сотрудничество положит начало мирному диалогу между нашими великими цивилизациями. Вы будете работать совместно с нашими специалистами и не будете ни в чем нуждаться.

– Генерал Вайс, – произнесла Рамина, – меня...

– Доктор Джоши, обращайтесь ко мне Николас, мы ведь не на плацу, – перебил её Вайс, одарив приятной улыбкой.

– Хорошо... Николас. Меня интересует один вопрос – в качестве кого я буду находиться в вашей лаборатории? В качестве пленной?

Вайс с укором посмотрел на Рамину.

– Доктор Джоши, вы свободный человек, но к вам будет приставлена охрана в целях вашей же безопасности. Кроме того, у вас будет определенный распорядок дня, а ваши передвижения вы будете согласовывать со мной лично, – после этих слов Вайс с невозмутимым видом отпил из чашки и выжидающе посмотрел на Рамину.

– То есть я как бы свободна, но имею определенные ограничения? – спросила Рамина.

Вайс добродушно посмотрел на Рамину, словно на нерадивого ребенка, который недопонимает сложившиеся обстоятельства.

– Доктор Джоши, Акрит – это не только столица метрополии, но и место сосредоточения власти. А вокруг власти постоянно плетутся интриги и заговоры. Ту должность, которую я занимаю, хотели бы заполучить очень многие, поверьте мне. И я не хочу быть обвиненным в измене и связях с врагом на фоне той антикайпианской истерии, которая происходит в стенах Сената. Поймите меня правильно, пострадаю не только я, но и моя семья...

Вайс говорил довольно убедительно, и его слова имели определенную толику здравого смысла. Немного подумав, Рамина, прекрасно понимая, что у неё нет выбора, выразила кивком головы своё согласие.

– Рад нашему будущему сотрудничеству, – произнес Вайс, обольстительно улыбнувшись.

После того как Вайс нажал на сенсорную панель управления, на пороге появился бородатый мужчина низенького роста.

– Это доктор Грэм, – представил вошедшего Вайс, – он будет моим поверенным и вашим коллегой. Через него вы всегда сможете связаться со мной. Доктор Грэм покажет вам ваши апартаменты, а я вынужден вернуться к государственным делам.

Пожав Рамине руку, он сопроводил её до двери. Когда дверь захлопнулась, улыбка на худощавом лице Вайса пропала, сменившись озабоченностью. Ему предстоял разговор с Витором Гарсия, который уже час висел на линии связи. Кроме того предстояло подготовить отчет к завтрашнему заседанию Сената. Сев в кресло, Вайс нажал кнопку связи с секретарем и громко произнес:

– Агнес, соедините меня с Витором Гарсия.

– Минутку, сэр, – последовал мягкий женский голос.

Через несколько минут из недр рабочего стола Вайса выдвинулся экран, на котором возникло изображение худощавого, немного сутулого человека с тонкими усиками под прямым

носом. Человек небрежно развалился на старом диване, а его голова, с чуть приоткрытым ртом, была запрокинута немного назад. Всё пространство вокруг него было заставлено горящими свечами, а на стене висел череп неизвестного существа, чья белёсая поверхность была сплошь покрыта загадочными письменами. Перед диваном стоял небольшой столик, на котором лежали два пистолета и кучка белого порошка.

– Витор, ты меня слышишь? – произнёс Вайс ровным тоном.

Вздвогнув, Витор поднял голову и, протерев глаза, осмотрелся по сторонам. Его мутный взгляд остановился на экране. Внезапно на его лице появилась улыбка, обнажившая кривые зубы, пораженные кариесом.

– Партнер! – воскликнул Витор. – Ты, наконец, удосужился уделить мне время?

Вайс, выслушав деликатно поданную претензию со стороны Витора, спокойно произнес:

– Я был занят, Витор, государственная служба обязывает...

– К черту государственную службу, – резко перебил его Витор, улыбка которого резко сменилась на недовольную гримасу, – какого хера, где, блять, мои люди и моя доля, партнер?

Вайс, сохраняя невозмутимое выражение лица, ответил:

– К сожалению, на борту «Немезиды» произошел инцидент, связанный с твоим братом. Карлос отказался передавать нам пленную женщину, которая является носителем важной информации. Кроме того, находясь на Акрите, он умудрился оскорбить самого Императора, и если бы не я, его ждала бы виселица. После моего напряженного разговора с Императором, а я имею на него определенное влияние, казнь была заменена ссылкой на рудники. Это даст нам время, а когда всё поутихнет, я сделаю так, что твои люди вернуться обратно.

– Николас, что за чушь ты несешь, какая женщина? Зачем она понадобилась моему брату?

– Наверно, он хотел с ней поразвлечься, – предположил Вайс.

– Поразвлечься? – Витор истерически рассмеялся. – Карлос хотел поразвлечься, нет, вы, блять, слышали?

Смеясь, Витор достал из штанов выкидной нож и принялся готовить очередную дорожку кокаина.

– Ты что-то не договариваешь партнер, – промолвил Витор, немного успокоившись, – мой старший брат абсолютно равнодушен к женскому полу – у него там такая же херь, что и на лице. Да он и сам по себе... *caballero*² – не знаю, как там по – вашему...

Замолчав, Витор зажал пальцем одну ноздрю и принял порцию кокаина. Зажмурившись, он запрокинул голову и начал ладонью энергично растирать нос.

– Витор, – нарушил паузу Вайс, – в знак нашей дружбы к тебе сегодня же отправится грузовой бот с лучшими видами новейшего оружия прямо с заводов Нанта.

– Оружие? – переспросил Витор. – Оружие – это хорошо... Оружие – это просто, блять, замечательно...

Макнув палец в порошок, он провёл им по дёснам, после чего снова заговорил.

– Но есть один нюанс, партнер. Оружие должны держать настоящие бойцы, – с этими словами Витор импульсивно подскочил и, показывая куда-то рукой, заорал, – а не свора недоумков, которые путаются в собственных штанах.

Присев, Витор взял лежащий на столе нож и с силой воткнул лезвие в поверхность стола.

– Я дал тебе лучших людей, Николас... Опытных людей... Людей, которые могли управлять машинами, сеющими смерть. А знаешь, что самое главное? Я дал тебе бога войны! От одного имени Карлоса местные революционеры и прочие ублюдки зарывались в норы, как амазонские паки!

Послышался скрип двери.

² (Исп.) Рыцарь

– Дорогой, у тебя всё в порядке? – Вайс услышал тихий женский голос.

Витор схватил бутылку, стоящую возле дивана, внезапно вскочил и заорал:

– Пошла вон, ёбаная проשמандовка, – при этом он кинул бутылку куда-то в сторону.

Послышался звон битого стекла и звук захлопнувшейся двери.

– Дорогой, у тебя всё в порядке? – Витор, словно передразнивая, повторил вопрос: – Где ты, блять, видела порядок в этих джунглях, женщина...

Витор присел обратно на диван, явно чем – то озабоченный.

– Партнер, у меня проблемы... – уже более спокойным тоном заговорил Витор, растирая ладонями своё лицо. – До меня дошла информация, что Гаспар, этот кусок дерьма, совместно со своими людьми планирует захватить мои лаборатории. А ты меня просто убил этими новостями, слышишь? Мне и так не хватает людей, они сейчас под началом брата Артуро находятся в горах, охраняя наши рудники после попытки бунта. Я тебе всегда и во всем помогал, партнер – поставлял тебе живой товар для твоих экспериментов, охранял твою лабораторию и твоих людей... Я храню наши тайны. Помнишь наш последний совместный проект?

– Послушай, Витор, давай ближе к делу. Чего ты хочешь? – Николас задал свой вопрос все с тем же спокойным и невозмутимым видом.

– Мне нужна поддержка с воздуха. Мне нужны орлы империи, отбрасывающие тень на густые джунгли. И эти тени как бы говорят этим людишкам, притаившимся среди густой растительности: «Эй, парень, ты думаешь, что тебя не видно?» – Витор истерически рассмеялся, судя по всему наркотический эффект достиг апогея. – Да вы у нас тут все высвечиваетесь на тепловом радаре... вместе с хамелеонами...

Витор просто закатывался от смеха. Вытерев глаза рукавом и поправив волосы на голове, он продолжил:

– Видел я как – то подобное на борту имперских штурмовиков... Обожаю этих «птичек». Короче, – резюмировал Витор, – я думаю, что пара акритских штурмовиков решит проблему с Гаспаром раз и навсегда...

Вайс задумался. Погладив подбородок, он произнес:

– Я помогу тебе, Витор, но ты сделаешь для меня две вещи. Первое, ты добудешь мне определенную информацию. Я знаю, что у тебя есть хорошие связи на азиатском континенте. Мне нужно получить подробное досье на одного человека. Женщина. Зовут Рамина Джоши. Второе, ты забудешь о Карлосе. И ещё: я думаю, что у тебя нет выбора.

Насупившись, Витор задумчиво водил пальцем по столу.

– Партнер, ты просто зажал меня в угол. Хоть Карлос и не родной мне брат, но все же...

– Витор, думаю, тебе следует проявить благоразумие. Я имею представление о Гаспаре и его возможностях. Устранение Гаспара откроет тебе новые горизонты и у тебя не останется конкурентов, которые могли бы подмять твой высокодоходный бизнес...

– Хорошо, хорошо, хорошо, – внезапно затараторил Витор, подняв руки вверх, – ты умеешь убеждать людей, партнер... Бизнес есть бизнес.

– Тогда договорились, – улыбнулся Вайс, – я дам распоряжение, и твоя проблема будет устранена в ближайшее время. Конец связи.

* * *

Император, сопровождаемый двумя гвардейцами, шел по мраморному коридору, направляясь в зал Сената. С самого утра его мучили головные боли, поэтому он пребывал в довольно пасмурном настроении. Подойдя к массивным дверям, возле которых стояла охрана, он остановился. Заиграла торжественная музыка, а по громкоговорителю прозвучал голос церемониймейстера:

– Его Величество Император!

– Слава Императору! – трижды произнесли голоса.

Двери раскрылись, и Император вошел в зал Сената, представляющий собой большое овальное помещение. Все присутствующие молча стояли, приняв торжественные позы. Проследовав в своё кресло, стоявшее на возвышении, Император неторопливо присел. Оглядев собравшихся, он сделал знак рукой, после чего все приглашенные заняли свои места. Позади лидера расположились пять советников, а за ними члены кабинета министров. За массивным круглым столом, стоявшим по центру овального зала, сидели десять викариев, главнокомандующий, глава Спектрата, а также главный Судья. В дальнем конце зала, прямо напротив Императора, возвышалась трибуна, сделанная из красного дерева и украшенная искусной резьбой. Вокруг круглого стола ступенеобразно возвышались ряды сидений, на которых располагались остальные приглашенные. В зале Сената отсутствовали окна, а мягкий неяркий свет давали круглые светильники, расположенные по периметру помещения. С куполообразного потолка, точно в центр круглого стола, на котором была изображена эмблема Акритской метрополии, бил яркий искусственный луч света. Осмотрев восемь белых статуй, которые были расположены у дальней стены и изображали предыдущих правителей метрополии, Император произнес:

– Ну что ж, приступим. Генерал Вайс, начинайте заседание.

Генерал встал и, поправив свои одежды, громким поставленным голосом начал произносить свою речь.

– Как вам всем уже известно, господа, наша флотилия, под предводительством доблестного командора Джонса, успешно провела операцию «Снежный буран».

Сделав небольшую паузу, Вайс нажал кнопку на устройстве контроля проекции, зажатую в правой руке. Над столом появилась голографическая проекция записей, сделанных с борта «Гипериона Прайма». Запись транслировала эпизоды боя в горах Уитмор, а, закончившись, сменилась длинным перечнем.

– Сейчас вы видите опись захваченных ресурсов. Необходимо отметить, что наши силы не только справились с поставленной задачей, но и нанесли непоправимый урон промышленной инфраструктуре врага, – после этих слов перечень сменился изображениями дымящихся передвижных горно–обогатительных заводов.

– Наёмниками, принимавшими участие в наземной фазе операции «Снежный буран», была захвачена женщина, работавшая в одной из исследовательских лабораторий Кайпианского союза, – продолжил Вайс, при этом на проекции возникло изображение черноволосой женщины. – Доктор Рамина Джоши, так зовут женщину, поведала бортовому врачу крайне любопытную информацию. Мною было принято решение о передаче пленной в руки представителей акритской армии. Однако наёмники, в частности их предводитель Карлос Гарсия, не подчинились прямому приказу командования, чем нарушили пятый пункт устава о краткосрочной контрактной службе. За неисполнение приказа все наёмники, включая Гарсия, были отправлены на рудники Эритеи, согласно распоряжению Его Императорского Величества.

Доктор Рамина Джоши поведала нам о том, что, возможно, в одном из захваченных контейнеров находятся инфицированные тела, которые союзники, во избежание риска эпидемии на большой земле, отправили для изучения в антарктическую лабораторию. Нами была проверена данная информация, и мы действительно обнаружили в одном из контейнеров два тела, находящиеся в криогенных камерах. Камеры были транспортированы в нашу лабораторию, расположенную глубоко под землей, а куратором исследования был назначен доктор Грэм – ведущий специалист центра вирусологии и биологического оружия. Необходимо добавить, что доктор Джоши любезно согласилась принять участие в исследовании. Слово предоставляется доктору Грэму.

Закончив речь, Вайс присел. На трибуну ловко взобрался человек низенького роста, рябое лицо которого окаймляла коричневая борода. Разложив перед собой бумаги и попра-

вив очки, доктор Грэм приступил к своей части доклада. На проекции появилось изображение криогенных саркофагов, толстое стекло которых было покрыто изморозью. Несмотря на это, на экране можно было различить лица, принадлежавшие азиатскому типу внешности. Доклад доктора Грэма вызвал у Императора неподдельный интерес, однако сама информация, изобилующая множеством медицинских терминов, была ему не совсем понятна.

– Доктор Грэм, – внезапно прервал докладчика Император, – я не сомневаюсь в ваших научных познаниях, но хочу заметить, что это не научная конференция, а заседание Сената, многие члены которого не имеют медицинской степени. Не могли бы вы проще рассказать о том, какой интерес представляет данная находка.

Доктор Грэм задумался и, сняв очки, попытался прояснить возникшее недопонимание.

– Ваше Императорское Величество, уважаемые члены Сената. Если говорить вкратце, речь идет о непонятном пока для нас явлении. Исходя из полученной информации, в том числе и от доктора Джоши: данные люди довольно длительное время пребывали в состоянии биологической смерти, однако через определенный промежуток времени их показатели стали соответствовать структуре, о которой можно сказать, что она скорее жива, чем мертва. Конечно, их показатели не соответствуют нормальным, которые присущи живой органике гоминидов, но и говорить об их смерти, я думаю, будет пока преждевременно...

По залу прошел шепот. Император, собравшись с мыслями, спросил:

– То есть вы хотите сказать, что изображаемые проектором люди живы?

– Именно так, Ваше Императорское Величество. Мы, конечно, пока не можем с уверенностью сказать о наличии какой – либо мозговой активности. Иными словами, нам пока не ясно, являются ли данные индивидуумы личностями или же представляют собой... – Грэм на секунду задумался, – ...особую форму органики, подобно растениям. Ответ на эти вопросы может дать лишь тщательное исследование, на которое необходимо время. Для начала нам нужно вывести их из криогенного состояния, соблюдая все эпидемиологические нормативы, а только на это уйдет более трёх месяцев.

– Любопытно, доктор Грэм, – промолвил Император. – Держите меня в курсе.

– Непременно, Ваше Императорское Величество, – ответил Грэм и, поклонившись, проследовал на своё место.

– Слово предоставляется Говарду Брауну, представителю консорциума оружейников Нанта, – объявил голос церемониймейстера, соблюдавшего регламент заседания, одобренный Императором.

На трибуну поднялся толстый темнокожий человек, которого, судя по всему, преследовала одышка. Переведя дыхание, Браун достал платок и, вытерев пот со лба, приступил к докладу.

– Ваше Императорское Величество. Уважаемые члены Сената. Я, как представитель оружейного консорциума «АСН», рад представить вам результаты трехлетней научно– исследовательской работы, курируемой военным комитетом. Проект «Зевс» – это большой прорыв в оружейных технологиях...

На проекторе возник видеоролик, изображающий Землю, вокруг орбиты которой летала конструкция, напоминающая гриб. «Ножка» гриба, направленная в сторону планеты, моделировала выстрел снаряда по поверхности Земли. Откашлявшись, Говард Браун продолжил:

– Проект «Зевс» представляет собой технологию рельсовой пушки. Снаряд такой пушки состоит из новейших сверхпрочных материалов, полученных на основе обедненного урана. Рельсовая пушка в условиях космоса способна разогнать снаряд с помощью электромагнитных полей до скорости в двадцать раз превышающей скорость звука. По нашим расчетам кинетическая энергия снаряда способна разрушить столицу Кайпианского союза, находящуюся глубоко под поверхностью Земли. Замечу, что подобного оружия ещё не было в истории челове-

чества. Эта технология поставит точку в военном противостоянии и обеспечит возвращение давно потерянных провинций Земли под власть Его Императорского Величества...

В зале раздались одобряющие возгласы, а Николас Вайс и некоторые викарии принялись аплодировать докладу. Император поднял руку, после чего собравшиеся мгновенно затихли.

– Браун, не может не впечатлить то, что мы сейчас от вас услышали, – сказал Император. – Ваш инженерный гений заслуживает неперенных похвал. Скажите, Говард, сколько времени вам потребуется на реализацию проекта «Зевс»?

– С учетом наших наработок, а также необходимости создания наземной инфраструктуры для вывода рельсовой пушки на орбиту, нам понадобится около двух лет. Возможно сокращение сроков реализации проекта до года, но это только в том случае, если в наше распоряжение предоставят все необходимые ресурсы. Однако нам придется свернуть работу на всех ведущих верфях Нанта, что непременно скажется на обновлении парка воздушных военных судов.

– Хорошо, Говард, мы вас услышали, – произнес Император. – Предоставьте данные по проекту моим советникам в течение ближайшего времени.

– Послезавтра консорциум предоставит все необходимые данные, Ваше Императорское Величество, – ответил Браун и сопровождаемый аплодисментами покинул трибуну.

– Слово предоставляется главе Корпуса внешней разведки полковнику Уэйну Орокину, – объявил голос церемониймейстера.

На трибуну взошел худощавый человек, лет пятидесяти. Его седые волосы были по – армейски коротко подстрижены, а седая короткая борода отчетливо выделялась на загорелом лице. Военный китель тёмно – серого цвета украшал ряд медалей и орденов.

– Ваше Императорское Величество, – начал свою речь полковник Орокин, – уважаемые члены Сената и все здесь присутствующие. Я хочу обратиться к вам не как начальник внешней разведки, а в первую очередь как гражданин, искренне переживающий за судьбу своей Родины. Ни для кого не является секретом то, что наша планета отравлена, и многие её территории непригодны для человеческой деятельности. Дефицит ресурсов, с которым столкнулось население Земли, неизбежно толкает на противостояние друг с другом различные центры человеческой цивилизации. Хрупкий фундамент для построения цивилизованного общества, который был создан славными героями нашей отчизны, может быть легко разрушен, а следствием этого станет откат к прежним темным векам, из которых человечество уже не сможет подняться. Прислушайтесь ко мне, сограждане, я предлагаю сменить концепцию «противостояние» на концепцию «мирного диалога».

Недавно я вернулся с южных границ наших рубежей. Я побывал во многих племенах, обитающих в землях Великих пустошей. Сейчас Корпус внешней разведки занимается внедрением программы, называемой «Ветхий завет». Суть её сводится к следующему:

– внедрение хорошо обученных агентов Корпуса в различные племена, обитающие преимущественно в центральной и южной части североамериканского континента. Предметом анализа, проводимым агентурой на местах, является социальная иерархия и взаимодействие племён между собой;

– задача программы состоит в объединении диких племен под единым флагом, что мы будем контролировать прямо, либо косвенно. Мы сможем добиться этого, взяв на вооружение религию, носителями которой в племенах являются наши агенты. Безусловно, некоторые из них молоды, но это лучшие интеллектуалы военной академии Корпуса. Наши поселения, расположенные на южных рубежах, подвергаются набегам диких племен, поэтому нам приходится держать там части регулярной армии и оборонительную инфраструктуру, что является финансово обременительным для военного бюджета. Реализация программы «Ветхий завет», основанной на древних христианских мифах и легендах, позволит нам высвободить значительные ресурсы и перенаправить их на программу «Дальний космос»...

– Полковник Орокин, я задам вопрос, – внезапно произнес Вайс. – Каким образом вы будете насаждать новые верования? Может, с помощью «святой инквизиции Великой пустоши»?

Сидящие за круглым столом люди улыбнулись, а по рядам пробежали смешки. Вайс, довольный тем, что зал оценил его сарказм, с невозмутимым видом продолжил:

– Вы предлагаете прийти к дикарям, принести им книгу «Ветхого завета» и думаете, что после этого станете контролировать территории Великих пустошей? Спешу вас огорчить, полковник Орокин, дикари не умеют читать...

В зале рассмеялись ещё громче. Полковник, не обращая на это никакого внимания, продолжил:

– Генерал Вайс, мы пока не нуждаемся в том, чтобы дикари умели читать. Достаточно внедрить в неразвитый ум следующую подсознательную связку: «Ветхий Завет» – Сакральный Символ, Пастырь – Представитель Бога на Земле. Закрепление этих связок в подсознании будет проводиться «методом чудес». Использование технологий, которые смогут моделировать определенные явления, расцениваемые дикарями как «чудо», позволит нам закрепить авторитет внедряемой религии, а также возвысить наших агентов в иерархии племени. Со временем они и вовсе будут занимать руководящий уровень.

Объединив племена, мы сможем создать грозную силу, которая остановит миграцию вооруженных банд с южноамериканского континента. Рейдеры используют развалины городов в пустошах в качестве укрытия от всевидящих глаз наших воздушных сил. Кроме того, их манит возможность обнаружить артефакты старого мира, которые можно будет обменять на еду, оружие, предметы быта, выпивку и наркотики у коробейников с севера. Да, господа, находясь в музее, мы видим только артефакты, но не историю пути о том, каким образом они туда попали.

Банды рейдеров вытесняют дикие племена к нашим границам, а те, в целях выживания, грабят наши южные поселения. Захватив руководящие места в иерархии племен, мы сделаем их нашими союзниками, которые будут препятствовать миграции, исполняя роль наших сторожевых псов на южных границах метрополии.

– Не могу не согласиться с вами, полковник, в части касаясь участвовавших в последнее время набегов, но откуда вы знаете, что данная объединённая сила не двинется к нашим богатым городам? – поинтересовался викарий Виктории, престарелый Джонатан Руфо.

Полковник, выслушав вопрос, незамедлительно дал ответ:

– Во-первых, наша система управления поддерживается современными алгоритмами обработки информации и методами управления обратной связью. Мы не только получаем информацию о передвижении агента, но и получаем данные от самого агента о том, куда племя только думает выдвинуться. Это позволяет нам оперативно реагировать на потенциальные угрозы, пока агентурой не будут достигнуты уровни влияния в племенах, что уже позволит нам сократить военный контингент на южных границах, а оставшийся использовать более эффективно. Во – вторых, самое главное то, что у нас нет времени расточать ресурсы на военные расходы. Нам нужен космос, как задел для будущих поколений граждан метрополии. Мы способны вывести проект «Зевс» на орбиту, но не имеем возможности создать сырьевую базу, которая существовала во времена Паноптикума, на Луне.

Присутствующие в зале переглянулись. Слово «Паноптикум» прочно ассоциировалось с экстремистами из «Седьмой печати». Спектраторы устраивали жесткий террор даже в отношении тех, кто произносил это слово вслух. А сделать это в присутствии Императора было вообще непростительной ошибкой.

– Что вы себе позволяете, полковник! Какой вздор я слышу от человека, называющего себя ревнителем отчизны! – закричал глава Спектрата Алан Филипс, вскочив с места.

Император ударил своим протезом по столу с такой силой, что присутствующие замолкли. Тяжело поднявшись на ноги, он уперся руками в стол и, чуть склонившись, начал говорить:

– Алан Филипс, вам не кажется, что вы забываетесь? Может, вам напомнить историю девятилетней давности, когда благодаря полковнику была отражена кайпианская ракетная атака на наши восточные города? А ведь ракета, которую вы теперь можете увидеть в Зале Славы в качестве экспоната, могла бы уничтожить Даутсон за считанные секунды. Насколько я помню, вы находились именно там в то время, расследуя дело о внезапной смерти Ричарда Нома, занимавшего тогда пост главного Судьи метрополии, не так ли?

– Да, Ваше Императорское Величество, – пробормотал Филипс.

– Так какого черта ты, щенок, смеешь сомневаться в преданности полковника Орокина своей отчизне?! – громогласно заорал Император, у которого при этом помутнело в глазах и, схватившись за сердце, он прошипел: – Пошел вон!!!

На побагровевшем лице Императора белым цветом выделился шрам, протянувшийся от уголка рта к мочке уха, отчего его лицо стало мистически зловещим.

– С вами всё в порядке, Ваше Величество!? – проговорил на ухо Императору подпрыгнувший советник, услужливо поддержав правителя за локоть.

– Да, да, Майкл, – тяжело проговорил Император, присаживаясь обратно в кресло, – я в полном порядке. Принесите мне воды. Полковник Орокин, продолжайте...

Николас Вайс задумчивым взглядом проводил Филипса, который немедленно покинул зал Сената.

– Спасибо, Ваше Императорское Величество, – ответил Орокин. – Как член военного комитета, я уже ознакомился с подробностями проекта «Зевс». Необходимо отметить превосходное инженерное исполнение проекта, но, господа, пришло время сделать окончательный выбор – либо мы выходим в космос, либо постепенно погибаем на этой истощенной планете, чей климат окончательно убьёт человечество в ближайшие три столетия. Согласно нашим разведанным, Кайпианский союз создаёт принципиально новый космический корабль, способный долететь до любой планеты нашей солнечной системы. Даже если мы и уничтожим подземный город Хуанди выстрелом из рельсовой пушки, мы навсегда похороним скрытые там технологии, позволяющие колонизировать космос. На их достижение у нас уйдет время, которого у нас просто нет...

Договорив, полковник Орокин поклонился. В зале установилась полная тишина. Сойдя с трибуны, он проследовал на своё место. Император жестом позвал церемониймейстера и что-то тихо ему сказал. Встав на своё место, церемониймейстер произнес:

– Объявляется трехчасовой перерыв. Уважаемые гости, в конференц – зале вас ждут напитки и превосходные угощения, заботливо приготовленные нашими лучшими поварами...

* * *

Полковник Орокин стоял в конференц – зале, неспешно попивая холодный лимонный сок. Роскошное убранство зала освещали хрустальные люстры, парившие в воздухе под высоким потолком. Играла приятная спокойная музыка, а воздух наполняли ароматы благовоний. Официанты сновали между группами гостей, которые непринужденно общались.

Полковник Орокин, стоя в одиночестве, разглядывал присутствующих. Ему чужды были все эти пафосные чиновники, которые никогда не упускали случая подчеркнуть свою значимость. Они улыбались друг другу, но Орокин понимал, что скрывают эти улыбки. За масками доброжелательности эти «государевы слуги» прятали наихудшие черты человеческого характера. Полемика для них была благосклонность Императора, а оружием лести и обман. Карьера их заботила намного больше, чем проблемы государства. «Надо же, Джон Кук, викарий Сай-

бурга мило общается с Гектором Джонсом, дружески похлопывая последнего по плечу, – думал про себя Орокин. – Интересно, знает ли Джонс, что викарий написал донос в тайную канцелярию, обвинив того в связях с экстремистами из «Седьмой печати?» Нет, Гектор Джонс не знал не только об этом, он не знал и о том, что в доносе Джон Кук заявил «об определенных сомнениях в лояльности Императорской Фамилии ближайшего круга Джонса». Разглядывая плавающий в стакане лед, полковник вспомнил, что этот донос он получил из рук самого Императора, когда встал вопрос о назначении капитана на новейший флагманский крейсер «Гиперион Прайм»...

– Ты знаешь Гектора Джонса по атлантической кампании. Что ты об этом думаешь, Уэйн? – спросил тогда Император, протягивая ему бумагу с символикой Спектрата.

Ознакомившись с содержимым, полковник усмехнулся.

– Я думаю, что Гектор Джонс – преданный солдат метрополии, а эти домыслы в отношении него не имеют под собой никакого основания. Джонс отличный стратег, имеющий большой опыт военной службы и, по моему мнению, это лучшая кандидатура на пост капитана флагманского крейсера. Целью этой бумаги является устранение Гектора Джонса из числа претендентов на пост капитана, как наиболее перспективного. Следующим в рейтинге идет Абрахам Смит, а он приходится родственником викарию Джону Куку.

Император задумался, взял донос и прочитал его еще раз. Ухмыльнувшись, он посмотрел на Орокина.

– Пауки в паучьей банке, – произнес Император и, смяв бумагу, бросил её в мусорную корзину...

– Сэр, не желаете тарталетку? – голос официанта отвлек полковника от воспоминаний.

– Нет, спасибо, – ответил Орокин.

Официант, держа поднос, двинулся дальше по залу. Орокин наблюдал за ним, пока его взгляд не остановился на самой многочисленной группе. Внимание этой группы было сосредоточено на Николасе Вайсе, который заметно выделялся из толпы благодаря своему высокому росту. Он что-то увлеченно рассказывал собравшимся вокруг него людям, элегантно жестикулируя при этом руками.

Полковнику не нравился этот человек, да и в армии его особо не любили, а некоторые за глаза называли его «свадебным генералом». Не имея за спиной ни боевого опыта, ни военных заслуг, он все же занял пост главнокомандующего благодаря узам брака с дочерью Императора Луизой. Девочки–близняшки, родившиеся от этой пары, ещё более приблизили Вайса к Императору. Одержимый заговорами, Император мало кому доверял, поэтому и поставил на пост главнокомандующего человека, связанного с ним кровными узами. Вайс был довольно умен и хорошо разбирался в правилах игры высшего света. Где он действительно одерживал победы, так это в дворцовых интригах, которые невидимыми нитями опутывали высокие кабинеты.

Орокин наблюдал, как толпа, собравшаяся вокруг Вайса, дружно рассмеялась, видимо цель рассказа последнего вызвала ожидаемый эффект. Довольный собой, генерал огляделся по сторонам и встретился взглядом с полковником. Откланявшись согласно дворцовому этикету, Вайс двинулся через весь зал в сторону полковника, попутно выказывая знаки почтения особо важным персонам. Подойдя к Орокину, улыбаясь, генерал поинтересовался:

– Полковник, что-то вы совсем один, видимо, здесь у вас мало друзей?

– Собственно говоря, главнокомандующий, здесь у меня друзей быть не может, – невозмутимо ответил Орокин, пристально глядя Вайсу в глаза.

– Отчего же, полковник? Вы не считаете меня своим другом? – парировал Вайс, отхлебывая из фужера.

– Говоря о дружбе, мы с вами вкладываем разный смысл в это понятие. Дружба, как хорошая сталь, требует закалки в печи времени.

Усмехнувшись и осмотревшись по сторонам, Николас Вайс негромко произнес:

– Знайте, полковник, что даже самая крепкая сталь иногда ломается.

– Конечно, если при закалке её охлаждают в дворцовых интригах, – ответил полковник Орокин и поставил опустевший бокал на стол.

– Очень жаль полк... – начал, было, говорить Вайс, но прервался, увидев, что к ним приближается советник Императора Майкл Симмонс.

– Господа, извините, что прерываю вашу беседу. Полковник Орокин, Император хочет вас видеть в своём кабинете.

Орокин, кивнув Вайсу, последовал вслед за советником Симмонсом. Генерал, провожая взглядом полковника, крепко сжал рукою бокал. Ему не понравился поучительный тон этого человека, но больше всего ему не нравилось то, что Орокин выступил против проекта «Зевс», который мог бы принести генералу славу победителя над давним врагом метрополии – Кайпианским союзом. «Поганый плебей», – подумал Вайс и, взяв с подноса новый бокал, решительно направился в сторону членов оружейного консорциума города Нанта. Подойдя к ним, Вайс произнес:

– Господа, позвольте позаимствовать у вас Говарда Брауна. Мне необходимо выяснить детали проекта, который он нам сегодня представил. Не скрою, я был очень впечатлен от увиденного, и знайте, господа, что у консорциума на Акрите есть преданный друг в моём лице.

Откланявшись, Вайс и Браун прошли в соседнюю комнату, где стояли два кресла и чайный столик. На окнах висели занавески, а в стену был встроен бар. Закрыв плотно двери, Вайс предложил Брауну присесть.

– Благодарю, – ответил Говард Браун, пытаясь втиснуться в кресло.

Присев, Браун расстегнул верхнюю пуговицу и принялся обмахивать рукою своё лицо. Крупные капли пота ручьем бежали по его толстому, одутловатому лицу.

– Чего-нибудь желаете? – спросил Вайс, разглядывая бутылки, стоящие в баре.

– Нет, спасибо... Не могли бы вы включить охлаждение воздуха, а то у вас на Акрите ужасно жарко, – Говард тяжело вздохнул.

– Это не на Акрите жарко, Говард, а в Нанте, судя по всему, хорошо едят, – произнес Вайс, но, видя, что Браун не оценил шутку, присел на соседнее кресло и, взяв пульт, настроил температуру воздуха.

В комнате моментально похолодало. Браун обмяк в кресле, закрыл глаза и немного расслабился. Включив на пульте музыкальное сопровождение, Николас настроил громкость таким образом, чтобы собеседники могли слышать друг друга.

– Скажите, Говард, вы когда-нибудь задумывались о будущем? – спросил Вайс.

– Нет, Николас, все мои мысли заняты текущими проблемами, – промолвил Говард, не открывая глаз.

– Скажу вам откровенно, здоровье Императора постоянно ухудшается и, возможно, скоро встанет вопрос о престолонаследии...

Говард напрягся. Ему не понравились последние слова Вайса, произнесенные в таком провокационном ракурсе. Говорить о смерти Императора, который хоть и не здоров, но все – таки пока жив, было довольно безрассудным делом. Открыв глаза, Браун приподнялся в кресле и осмотрелся по сторонам, словно ища подслушивающую аппаратуру.

– Вы что, проверяете меня на преданность Империи? – напряженным голосом спросил Говард.

– Нет, я с вами беседую как с другом, – ответил Вайс, непринужденно поглядывая на собеседника.

– А почему я должен вам доверять? – недоверчиво пробормотал Говард, лихорадочно пытаясь понять, чего от него хотят.

– Потому что только я, уважаемый Говард, стою между вами и виселицей позора, которую вы могли наблюдать на имперской площади.

– Позвольте!?! – возмутился Браун, – Я прекращаю беседу и доложу об этом в канцелярию Спектрата!

При этих словах Говард попытался встать.

– Может, вам освежит память фамилия майора Арчибальда Холла?

– Какое он имеет ко мне отношение? – невозмутимо произнес Говард, однако все же сел обратно в кресло.

– Давайте сделаем так, Говард. Вы меня для начала выслушаете, а потом сделаете вывод, кто я для вас – друг или враг, хорошо? – Вайс пристально посмотрел на Брауна, как хищник, готовый атаковать свою жертву.

От этого взгляда у главы оружейников пробежал холодок по спине, а ладони покрылись липким потом. Нервозно кивнув, Браун дал понять, что готов выслушать собеседника.

– Не так давно, на одной из наших военных баз в южной Америке случился пожар, уничтоживший огромные запасы вооружений и боеприпасов. Майор Арчибальд Холл, комендант базы, заявил, что этот пожар был следствием диверсии одного из солдат, который, якобы, являлся адептом «Седьмой печати». Этого солдата немедленно казнили как военного преступника. Но военная полиция, направленная на более тщательное расследование данного инцидента, выявила интересные детали. Оказывается, что последствия пожара не соответствуют тому объему вооружений, который числился по складской документации. Иными словами, если бы объем вооружений соответствовал заявленному перечню в актах о поставках, то случившийся фейерверк был бы намного масштабнее, а последствия пожара более разрушительными. Кроме того, выяснилось, что система предупреждения и пожаротушения была внезапно отключена на плановый ремонт, который инициировал сам комендант. И надо же такому случиться, внезапно произошел инцидент, ставящий под сомнение обороноспособность наших войск в этом регионе. А самое интересное, что случилось это после того, как комендант получил извещение о готовившейся проверке материально – технического обеспечения вверенной ему военной базы.

Вайс приподнялся с кресла и подошел к бару. Взяв графин с водой, он наполнил стакан и достал из кармана упаковку каких – то таблеток. Закинув их в рот, Николас сделал пару глотков, изрядно при этом поморщившись.

– Извините, Говард, просто у меня проблемы с пищеварением, – произнес Вайс, направляясь к креслу со стаканом в руке.

– У нас у всех бывают проблемы, – ответил Говард, лицо которого выражало плохо скрываемую озабоченность. – Но скажите, Николас, какое отношение ко всему этому имею я?

– Не только вы имеете к этому непосредственное отношение, но и ваш сын Генри, – произнес Вайс, разглядывая красивые узоры под потолком.

Сердце Говарда учащенно забилось. Неуклюже достав платок, он протер массивную шею и нахмурился.

– Проведенное мной расследование, – продолжил Вайс, – выявило следующую схему: оружие, которое вы должны были поставить по государственному контракту, на самом деле реализовывалось на стороне различным военизированным группировкам Южной Америки – бандитам, революционерам, рейдерам и другому сброду, которые, в том числе, использовали это оружие против вооруженных сил Акритской метрополии. Так как эти группировки не входят в нашу денежную систему, вы обменивали это оружие на различные драгоценные металлы и камни. Ваш сын Генри незадолго до этого основал фирму, которая приобрела практически за бесценок старые выработанные рудники, не приносящие ничего, кроме убытков. И вот внезапно оказалось, что рудники Генри – это поистине великая сокровищница! Драгоценные камни и металлы ручьем потекли на рынки Акрита, сделав вашу семью баснословно богатой

и влиятельной. Хотя, как показало дальнейшее расследование, на этих рудниках мои люди не обнаружили ни одной живой души, не считая кучки вонючих мутантов. Комендант подписывал акты о якобы произведенных поставках, по которым вы, Говард, получали оплату от казначейства метрополии, согласно контракту. Весь ваш семейный бизнес с драгоценными камнями есть не что иное, как фикция, прикрывающая аферу с военным имуществом и позволяющая легализовать украденные у государства средства. Это может подтвердить видеозапись допроса Арчибальда Холла, который я проводил лично, а также финансовые транзакции между вашими структурами и женой коменданта, которая внезапно приобрела особнячок в элитном районе Тайрина. Сам комендант был казнен, а версия о происках «Седьмой печати» осталась, несмотря ни на что, официальной версией пожара. А теперь ответьте на вопрос: кем же я являюсь для вас, Говард?

Поняв, что его карта бита, Браун выдавил из себя:

– Судя по тому, что я ещё не в застенках Спектрата, я, несомненно, назову вас другом своей семьи...

«Стоило ли тебе, жирный ублюдок, ломать передо мной эту комедию, отнимая моё драгоценное время», – подумал Вайс, надменно смотря на своего побледневшего собеседника.

– Я думаю, Говард, вы получили исчерпывающий ответ на поставленный вами вопрос о доверии. Но всё же, позвольте вернуться к вопросу о престолонаследии, с которого я собственно начал... Допустим, Император умирает, и встаёт вопрос о преемнике. Так как у Императора нет детей мужского пола, то, согласно «Закону об Императорском доме» от 2569 года, в Сенате будет объявлена процедура интронизации, на которой будет избран новый Император. Круглый стол будет решать дальнейшую судьбу Империи. Голосовать будут тринадцать человек – десять викариев, главнокомандующий, глава Спектрата и главный Судья. Императором станет один из этих тринадцати. Не скрою, я буду претендовать на это место. Но будет ещё один претендент – главный Судья Брэндон Льюис. Насколько мне известно, он уже нашел единомышленников среди викариев, пообещав их семьям хорошие должности в министерстве. Наши шансы в принципе равны. Мне лишь необходима ваша дружеская услуга. Я знаю, что викарий Нанта Самюэль Граас лишь номинальное лицо, а реальной властью в Нанте обладаете вы, Говард. Эта власть стала вам доступной, в том числе, и благодаря нашей маленькой тайне. Поэтому я, как друг вашей семьи, прошу вас объяснить викарию Нанта, за кого нужно будет проголосовать в будущем...

Говард, наконец, понял, для чего был разыгран весь этот спектакль. Вайс держал его за горло, предлагая политическую сделку. Прекрасно осознавая всю безысходность того положения, в котором он находился, Говард все же спросил:

– А какие гарантии будет иметь моя семья, когда вы получите то, чего хотите?

– Во-первых, Говард, мне нужен проект «Зевс». Поверьте, что после моего избрания вы получите всё необходимое финансирование для реализации этого мега проекта. Во-вторых, – Вайс пристально посмотрел на Брауна, – вы буквально несколько минут назад признали меня другом... А дружба, знаете ли, обязывает...

* * *

Дверь с шумом захлопнулась, когда полковник Орокин вошел в императорский кабинет. В слабо освещенном помещении можно было различить силуэт Императора, лежащего на тахте, которая была обита черной матовой кожей.

– Проходи Уэйн, – произнес Император и, немного погодя, добавил. – Будь любезен, потуши эти дымящиеся фимиамы, терпеть это не могу. Черти, во что превратили мой кабинет – это какой-то дамский будуар!

Полковник Орокин подошел к столику и затушил тлеющие палочки, пропитанные ароматизированными смолами. После этого он присел в кресло, стоящее возле императорской тахты. По Императору было видно, что он был чем – то крайне недоволен.

– Скажи, Уэйн, зачем нужно было упоминать Паноптикум? Ты ведь прекрасно знаешь, что это закрытая тема. Террористы из «Седьмой печати» используют в основе своей утопической идеологии учение о Паноптикуме, – Император приподнялся с тахты. – Кроме того, эти наглецы ставят под сомнение легитимность императорской власти – власти, которая, между прочим, обеспечила им мир и порядок, дала им возможность выжить в этом безумном, раздираемом противоречиями мире...

Император знал правду. И Орокин её тоже знал. Насупившись, Император произнес:

– Клянусь колесницей Плутона, может, Эрик Злой и вправду что-то там изменил в тех исторических данных... Но это не важно, важны лишь наши результаты, Уэйн. Почему эти неблагодарные люди постоянно жалуются!? Представляешь, сейчас здесь был викарий Эритеи Дэвид ДиАнжело. Этот педант деликатно мне намекнул, что повышение ставки налога повлечет за собой социальные последствия. Ты слышишь, Уэйн!? Это говорит человек, утроивший своё состояние за те полгода, что он правил на Эритее, – Император даже рассмеялся. – Какие все – таки наглецы... Я распорядился его казнить, а имущество семьи конфисковать в пользу государства. Они мне уже надоели, эти говноеды с их лощеными мордочками и вечно заискивающими взглядами...

Орокин призадумался. Это первый викарий, приговоренный к казни за всё правление Императора Мартина Вуда. И это было далеко не рядовое событие.

– Я думаю, Ваше Императорское Величество, что этого не следует делать. Семья ДиАнжело влиятельна и богата, да и другие викарии почувствуют угрозу своему благополучию. Если у этой семьи отобрать имущество, они могут организовать бунт и вывести людей на улицы. Тем более что «Седьмая печать» имеет хорошие позиции в том регионе среди местного населения.

Император посмотрел на Орокина мутным взглядом.

– Три дня... У них есть три дня на апелляцию, после чего их имущество уйдет с молотка...

В дверь постучали.

– Войдите.

Зашел гвардеец, а следом за ним вошла девушка. В руках она держала поднос, на котором лежали ампулы. Поставив его на столик рядом с тахтой, девушка, молча, удалилась в сопровождении гвардейца.

Как только дверь закрылась, Император энергично закатал правый рукав рубашки. Сняв перчатку, он обнажил биомеханический протез, который представлял собой смесь силикона, титана и искусственных нервных окончаний.

– Что это? – спросил полковник Орокин, указывая на ампулы, лежащие на подносе.

– Мои лекарства. В последнее время я очень болею, Уэйн. Акритские медики только разводят руками. Николас привез какую – то наносыворотку из Даутсона. Вот она меня и ставит на ноги, – с этими словами Император вынул пустую ампулу из протеза. – А мне это необходимо. Ты же знаешь, Уэйн, если я проявлю слабость, эти грифы растащат меня по кусочкам... Империя уже не та... Потеря Акритом контроля над технологиями сделала Императора марионеткой в руках бюрократов. Но казнь викария Эритеи я покажу им, кто здесь главный...

Вставив ампулу в протез и нажав какую – то кнопку, Император замер. Через полминуты, размяв шею, он принялся медленно разворачивать правый закатанный рукав рубахи. Натянув перчатку на протез, он пошевелил пальцами так, будто это были пальцы живой руки. Руки, которую Император потерял в битве при Сан – Паулу. Только Орокин и сам Император знали

правду, как это на самом деле произошло. Это был их общий большой секрет, скрепленный армейской клятвой.

– Чуть не забыл, – резко оживился Император и, застегивая на ходу пуговицу на рукаве, двинулся к рабочему столу.

Взяв большой плотный конверт, Император вернулся обратно и, сев на тахту, стал его распечатывать.

– Николас сказал мне, что оставил приглашение на день рождения моих внушек на столе, – пояснил свои действия Император, лицо которого выражало крайний интерес.

Достав открытку, Император пальцем прикоснулся к условному изображению отпечатка пальца. Над открыткой стали вспыхивать голографические фейерверки. Далее появилось изображение двух девочек, которые держались за руки. Одетые во всё белое, они изображали маленьких фей. Экспозиция была ещё интересна тем, что голография добавляла им крылышки, что действительно делало их похожими на маленьких сказочных фей, парящих в воздухе.

– Любимый дедушка, – заговорила одна проекция, – приглашаем тебя на день нашего рождения!

– Приезжай, пожалуйста, мы очень тебя ждем! Все мы – я, Кати, мама Луиза и папа Николас, – произнесла вторая проекция.

Затем они закружились в вальсе среди голографических снежинок. Остановившись, проекции спросили в один голос:

– Дедушка, а теперь угадай, где Кати, а где Анна? – проекции рассмеялись и голографическое изображение погасло.

– Мои ангелочки, – сказал, улыбнувшись, Император и снова нажал на открытку.

Лицо императора – дедушки коренным образом отличалось от императора – правителя, которого Орокин видел на различных правительственных заседаниях. «Добрый дедушка, безгранично любящий своих внушек», – пронеслось в голове Орокина. Однако глаза Императора говорили еще кое-что... «Наркотик... Теперь всё вставало на свои места... Теперь понятны и резкие смены настроения Императора, и его безрассудство». «...Николас привез какую – то наносыворотку из Даутсона», – Орокин вспомнил слова Императора. Теперь ему стало понятно, что лекарство, которое принимает Император, скорее всего является каким – то синтетическим наркотиком. «Интересно, а он сам об этом знает или хотя бы догадывается?»

Полковник вспомнил дело медицинской корпорации «Д&С» из Даутсона, которая в своё время сделала большие деньги, наводняя черный рынок синтетическими наркотиками. Дельцы с атлантического побережья снабжали ими весь север Евразии. Скандал поднялся после того, когда глава Московии – Патриарх Пимен, обратился по дипломатическим каналам к Императору с призывом «остановить антихристов». Патриарх Пимен имел большое влияние на территориях восточной Европы и Зауралья. Придерживаясь политики нейтралитета в противостоянии между Акритской метрополией и Кайпианским союзом, Пимен «между строк» дал понять о том, что если просьба его святейшества не будет удовлетворена, то «он примет все необходимые меры». Под «необходимыми мерами» подразумевалось то, что территории Московии будут предоставлены кайпианцам в качестве перевалочных баз. Император не пошел на конфронтацию с Патриархом и дал уголовному делу ход, несмотря на то, что по имеющейся у полковника Орокина информации Мартин сам имел какие – то интересы в фармацевтическом бизнесе Даутсона. «Если глава государства под чем – то подобным, – подумал Орокин, – то дела дальше могут пойти просто непредсказуемо».

Орокин давно набил оскомину Спектрату, и те даже пытались лишить его «Седьмой печати». Полковник был одним из немногих в метрополии, кто имел «Седьмую печать» – особый криптографический ключ, дававший право доступа к сверхсекретной информации. Именно поэтому он был назначен главой Корпуса внешней разведки метрополии как лицо,

которому Император безгранично доверял. Информация о Паноптикуме, полученная в найденных ковчегах, подпадала под гриф «Седьмой печати».

«Всё это неспроста, – подумал Орокин. – Даже эта открытка не что иное, как напоминание «о папе Николасе». «Обыватель бы, наверно, подумал, что я бесчувственный ублюдок, – Орокин даже улыбнулся при этой мысли. – Однако в этой игре особое внимание нужно уделять деталям».

Прозвучавший бой часов возвестил о том, что нужно возвращаться в Сенат, и добрый император – дедушка снова превратился в угрюмого императора – правителя. Бережно положив открытку на столик, Император накинул шинель, после чего промолвил:

– Пойдем, Уэйн, осталась торжественная часть...

* * *

– ...Мы помним тебя, Эрик, как Первого Императора, и восхваляем твоё имя в веках, как имя основателя Акритской метрополии – законной наследницы Великой Римской Империи.

Закончив речь, Император возложил цветы к статуе, стоявшей первой в ряду из восьми скульптур, изображавших предыдущих правителей метрополии. Заняв императорское кресло, он принялся наблюдать, как другие члены Сената произносят свои торжественные тирады. Внезапно зашел церемониймейстер и быстрым шагом через весь зал направился к Императору, нарушая все церемониальные нормы. Значит, что-то пошло не по сценарию.

– Ваше Императорское Величество, за дверью сын викария Эритеи. Просит уделить ему время. Говорит, что очень срочно, информация государственной важности, – прошептал церемониймейстер на ухо Императору.

Император, кивнув, встал с места и громко, прервав церемонию, произнес:

– Господа! К нам пришел Томас ДиАнжело, сын викария Эритеи. Викарий Дэвид ДиАнжело почему-то не появился после трехчасового перерыва, возможно, немного перебрал в баре... Томас что-то хочет нам сказать. Говорит, что срочно...

Император улыбнулся и, обращаясь к членам Сената, которые с благоговением стояли возле статуй, добавил:

– Эту пьесу вы доиграете потом, господа, тем более что ваша игра просто отвратительна...

Викарии переглянулись, но, молча, заняли свои места. Император присел обратно и подал знак церемониймейстеру, чтобы тот впустил сына викария Эритеи.

В зал зашел человек среднего роста, одетый по последней акритской моде. Его длинные коричневые волосы и одежда были намочены дождем. Орлиный нос выделялся на фоне острых ушей, характерных для всех ДиАнжело. Враги Дэвида ДиАнжело даже поднимали вопрос в Сенате: не попадает ли данная форма ушей под «акт о чистоте человеческой расы»? Однако главный Судья, ссылаясь на заключение эксперта, дал отрицательный вердикт. За этот вердикт семья ДиАнжело, чей бизнес был связан с многочисленными рудниками Эритеи, щедро заплатила главному Судье. Однако глава семейства даже не догадывался о том, что идейным вдохновителем этой разводки был сам главный Судья, заплатившим врагам ДиАнжело в Сенате из полученного за вердикт гонорара.

Томас ДиАнжело подошел к возвышению, на котором стояло императорское кресло, и преклонил колено.

– Ну, – начал Император, – расскажи мне и всем здесь собравшимся, из – за чего мы прервали церемонию почитания Первого Императора!?

Томас приподнялся и попытался изобразить на лице радость.

– Ваше Императорское Величество, мы совершили невозможное!!! Мои люди арестовали группу заговорщиков из «Седьмой печати». При них был обнаружен этот артефакт, – при этих словах Томас достал прозрачный кристалл размером с ладонь ребенка и, подойдя к Императору, положил его перед ним. – Это кристалл Квинта...

По залу пробежал взволнованный шепот. Император взял рукой кристалл и, повертев, небрежно кинул его к ногам Томаса.

– Это уже не играет никакой роли, он сделала своё дело... Что-нибудь ещё? – спросил Император и пристально посмотрел на Томаса.

Радость на лице младшего ДиАнжело сменилась озабоченностью. Томас осмотрел зал и как – то неуверенно произнес:

– Ваше Императорское Величество, мне сообщили, что моего отца – Дэвида ДиАнжело, два часа назад арестовали...

Император рассмеялся. Император рассмеялся так, что полковник Орокин, наблюдавший эту сцену, невольно удивился такому повороту событий. Успокоившись, Император встал. Посмотрев на Томаса свирепым взглядом, он произнес:

– Томас, а вы не видите связи между арестом вашего отца и появлением кристалла Квинта на этом столе?

Томас, вжав голову в плечи, замолчал. Его глаза смотрели в пол.

– Молчите, Томас? – заорал Император. – Думаете, я не знал, что когда вы схватили Георга Кантора, вы подменили фальшивкой найденный в его доме кристалл Квинта? Когда вашими людьми был арестован лидер «Седьмой печати», вы, ДиАнжело, получили награду от Императора и уважение граждан метрополии... Но вам, видимо, этого показалось мало. Вы решили ещё и подзаработать на этом дельце – спихнуть бесценный артефакт коллекционерам Акрита за хорошие деньги. Вы что, правда, не знаете, что все богатые коллекционеры стучат в Спектрат!? Томас, может, вы просто тупой?

Император дико расхохотался и, достав из шинели платок, протер им глаза. Зал, молча, продолжал наблюдать за происходящей сценой. Успокоившись, Император придал лицу угрожающий вид.

– Вы, ДиАнжело, даже не представляете, какие политические последствия имели место быть от ваших необдуманных поступков... Все вы – ДиАнжело – жадные убудки... – Император злобно смотрел на Томаса.

– Отец тут не причём... Никто не знал... – промямлил побледневший Томас ДиАнжело. – Это всё мой карточный долг...

– А – а – а – а – а, так вы ещё и игрок, Томас? – Император прищурился и, понимающе покачивая головой, вдруг внезапно заорал. – Ну так летите к своей семье на Эритею, Томас, и сообщите им о том, что вы проебали всё их состояние, поставив не на ту лошадь!!!

Томас заплакал... Всклипывания отчетливо раздалось в гнетущей тишине зала. Орокин наблюдал, как все присутствующие застыли, затаив дыхание. Даже всегда раскрепощенный Вайс сидел, не шелохнувшись, выказывая полную покорность Императору. Император, указав на плачущего Томаса, обратился к Сенату:

– Вот... Вот ваша сущность, смотрите... Это вы... Вы – дети, играющие в игры. Вы, сидящие за круглым столом, думаете, что вы самые умные. Но на самом деле так думают только дети, которые играют в кукольные спектакли, где главное действующее лицо – император – марионетка. Но игры кончились, господа... Я уже устал решать вопрос об увеличении расходов на военные нужды, в то время как противостояние с Кайпианским союзом набирает обороты. Или, может, вы думаете, что мирное небо над вашими кукольными сценками обеспечивает вам ваша значимость в правительственных кабинетах? – Император опустил руку и, окинув зал взором, закричал. – Нет, господа, возможность вашего жопопротирания на этих стульях даёт вам великая и могучая акритская армия – армия, чьи штурмовики неустанно несут службу

на рубежах Империи! Солдат, пожираемый гнусом на тупиковом блокпосте в какой-нибудь южноамериканской дыре, тоже вносит свой вклад в наше общее дело... И нам нельзя заниматься бюрократическими проволочками, когда от нас зависит жизнь этих солдат. Кто вообще составлял регламент?

– Я, Ваше Императорское Величество, – сказал Вайс, приподнявшись со стула.

– Николас, какого черта? Я же просил тебя внести в повестку вопрос об увеличении военных расходов...

– Я решил...

– Какого черта ты стал что-то решать? – прокричал Император и обратился к сидящим викариям. – Вы, видимо, тоже думаете, что что-то здесь решаете с умным видом. Нет, господа, всё решает армия, чьи доблестные солдаты крепко сжимают оружие на фронтах Антарктики...

В зале наступила полная тишина. Отпив из стакана воды, Император сел в кресло. Орокин, сидя на своём месте, захлопал. Его поддержали сначала военные, присутствовавшие в зале, а затем все остальные, включая членов Сената.

«Квинт правильно определил оружие, способное разрушить Акритскую метрополию. Поистине, он был мудрым», – пронеслось в голове у полковника Орокина.

Глава 5. Эрик Злой и Квинт Мудрый

Полковник Орокин знал очень многое о Паноптикуме. Ещё он знал настоящую, очищенную от лжи и пропаганды историю возникновения родного государства.

Ровно 150 лет назад, 15 августа 2567 года Эрик, по прозвищу Злой, самопровозгласил себя Первым Императором Акритской метрополии.

Эрик появился на свет в далеком северном городе Борей. Еще будучи юношей, Эрик сколотил банду из таких же как он подростков, слонявшихся по многочисленным катакомбам Борей, вырубленных в скальной породе. Катакомбы и тоннели были похожи на паутину, центром которой являлась армейская военная база подводных лодок, скрытая от глаз неприятеля под толщей грунта. Более трехсот лет назад, накануне падения астероида база ВМФ была в спешке переоборудована в ковчег – убежище. За эти три сотни лет люди, населявшие Борей, деградировали и постепенно утратили уникальные знания, позволявшие им выживать столь длительное время...

Многие не выдерживали жизни под землей. В особенности те, кто ещё помнил восход солнца над горизонтом, пение птиц, ласковый теплый дождь, огромные открытые пространства и другие маленькие радости, которые до планетарной катастрофы казались вполне привычными явлениями, теряющими свой блеск в темпе человеческого бытия. Лишенные всего этого, люди Борей впали в уныние, а их разум, запертый в катакомбах ковчега, начал искать опору в различных верованиях и предрассудках, надеясь, наверное, таким образом перехитрить судьбу. Среди населения стали появляться различные «духовные учителя и пророки», с которыми, по их словам, говорили высшие силы. Имеющие различные названия, эти «высшие силы» были ничем иным, как проявлением психических отклонений, массово возникавших на почве острого суицидального психоза среди населения, постепенно осознающего кошмарность настоящего и бесперспективность будущего.

Хотя новые поколения, никогда не жившие на поверхности земли, намного лучше переносили тяготы подземной жизни, их развитие стопорилось различными «духовными учителями и пророками», которые, порою, собирали вокруг себя целые сообщества своих последователей, а молодёжь, ещё не сформировавшая критическое мышление к окружающему миру, энергично тянулась к «центрам общественной жизни».

Самая многочисленная религиозная секта Борей – «Орден Рыцарей Бога Анубиса», вскоре захватила политические права и казнила всех ученых города, обвинив их в распространении ереси, которая не только оскорбляла религиозные чувства адептов, но и противоречила мировоззренческим догматам их священного писания, написанного основателем ордена. Не будем вдаваться в пересказ психопатического бреда, давно почившего «великого учителя», скажем лишь о центральной линии повествования священных текстов.

Краеугольным камнем был термоядерный реактор, дававший городу энергию. Адепты ордена свято верили в то, что в реакторе спит демон «Анубис», а топливные блоки, которые необходимо было менять раз в год, – это сакральная жертва, которая на это время скрепляет договор между ним и людьми. Обслуживающие реактор люди не имели даже представления о процессах, происходящих в нем. Они лишь знали, что, согласно догматам ордена, раз в год нужно было выполнить определенную процедуру: поменять некоторые блоки реактора на новые, которые с запасом на целое тысячелетие хранились на складе глубоко под землей.

На службе у фанатиков остались лишь техники, которые разбирались в технологиях и могли обеспечить с помощью них удовлетворение насущных потребностей населения Борей. Но те, кто понимал, как всё это устроено на элементарном уровне, давно уже гнили в затхлых

болотах. Их обезглавленные тела скидывали в подземную реку, которая служила естественным коллектором Борея... И вот пришел час расплаты...

Когда отец Эрика умер, во всем городе был траур. И это был не показной траур, когда умирал очередной политик, и всем, собственно говоря, было наплевать – многие не обладали даже базовыми знаниями, чтобы прочесть его имя и фамилию в некрологе. Это был траур по Борею. Все знали, что за трауром рано или поздно придет жестокий голод.

Отец Эрика был последним человеком, который, по крайней мере на уровне узлов машины понимал, как работает органический компилятор. Способный производить из органических отходов вполне съедобную пищу, компилятор исправно насыщал желудки населения Борея, начиная с того этапа, когда современники планетарной катастрофы укрылись в ковчеге до лучших времен. Население больше интересовало не то, как устроена машина, а то, что она производит.

Остановка машины привела к голоду. Некоторые пытались держать носорогих кабанчиков, которых приносили смельчаки, делавшие удачные вылазки в прибрежные леса, но кабанчики плохо размножались в неволе под землей. Кто – то спускался в заброшенные шахты, чтобы собрать побольше насекомых, водящихся там в избытке. Были и случаи каннибализма, но как часто это происходило, история, видимо из гуманистических соображений, тактично умалчивает.

Может, Эрик так бы и остался в истории «одним из тех, кто просто выживал в новых условиях», но однажды судьба свела его с коробейником, которого банда Эрика поймала во время очередной вылазки на поверхность. Не найдя при нем ничего ценного, забрав пару тряпок, Эрик решил прикончить беднягу. Не то чтобы он любил убивать, просто это отрезвляюще действовало на остальных членов банды и помогало держать их в повиновении.

Легенда гласит, что чернокожий старик стал слезно умолять их не делать этого. Он сказал, что обладает «знаниями» и умеет чинить технику, чем, собственно, и зарабатывает на жизнь, скитаясь от поселения к поселению. Эрик сразу понял, кого он только что хотел убить. Поставив коробейника на ноги, он отвел его в мастерскую покойного отца, где все ящики были покрыты толстым слоем пыли. Осмотрев машину, коробейник сразу же принялся за работу. Иногда Эрику казалось, что коробейник просто пытался сохранить себе жизнь, но спустя месяц машина действительно заработала. Контроль над машиной дал Эрику полную власть над городом. Члены других банд стали перебегать на пятый уровень, чтобы присоединиться к банде Эрика, а некоторые группировки в полном составе перешли к нему в подчинение.

Орден Рыцарей бога Анубиса, правивший в Борею, воспротивился тому, что Эрик узурпировал для своих нужд отремонтированный органический компилятор. Они даже грозились прекратить ежегодный ритуал возложения даров спящему богу «Анубису», что по преданию должно было погрузить Борею во тьму.

Эрик, пришедший по «строжайшему приказу» ордена в мэрию, на вопрос – не признаёт ли он себя виновным, ответил тремя выстрелами из револьвера, убив магистра ордена и двух его сподручных. Объявив сидящим в зале мэрии о роспуске ордена, Эрик Злой самопровозгласил себя официальным правителем Борея. Адепт ордена, видимо хотевший что-то возразить, получил пулю в лоб, как только вскочил со стула с возмущенным видом. Судя по тому, что в зале больше не наблюдалось каких – либо попыток поставить под сомнение полномочия Эрика, его власть стала легитимной, тем более что сидящие в зале были окружены кольцом хорошо вооруженных людей.

Квинт – так звали коробейника, по его словам был родом с Акрита. Никто не знал, почему его выгнали оттуда, да и сам он как – то уклончиво отвечал на этот вопрос, но он рассказывал Эрику много интересного о богатом и процветающем городе, где люди не испытывают нужду, так как умеют создавать и контролировать машины. Лежал Акрит где – то на юге, но попасть

туда было практически невозможно. По мере того, как поверхность планеты стала более – менее пригодной для жизни, вокруг Акрита стали появляться поселения, которые поддерживали торговые и иные отношения между собой.

Ещё Квинт рассказывал о том времени, когда на земле существовал Паноптикум – «рай на земле для всех людей». Хотя Эрик не совсем понимал, что такое «Паноптикум», он, тем не менее, любил читать книги, которые давал ему Квинт. Особенно ему понравилась энциклопедия об истории Римской Империи, красочные картинки которой порою затмевали воображение Эрика. Отец научил его читать и писать, но чтобы не вступать в «теологическую полемику с орденом», как он сам об этом выражался, особо книгами сына не баловал, дабы не навлечь на него беду.

Но следующим поворотным моментом в данной истории стало то, что согласно документам, которые нашел Квинт, раскапывая муниципальные архивы, под ковчегом была секретная штольня, в которой застрял давно сломанный лифт. Эта штольня вела к складу вооружения, которое было зарезервировано в ковчеге на те времена, которые, как было записано в документах, «с определенной долей вероятности должны наступить вследствие катастрофы такого масштаба». Починив лифт, Квинт, используя какой-то хитроумный прибор, смог разблокировать доступ к складу с оружием.

Когда Эрик и его люди увидели то, что столетиями скрывал этот склад, их ликование не было предела. Огромные пространства были забиты различным вооружением, боеприпасами, какими-то роботами и прочей техникой, о которой у людей Эрика не было даже малейшего представления. Самопровозглашенный правитель Борей понял, что имея такое количество вооружения, можно завоевать даже сам Акрит. Однако Квинт его разочаровал – более детальный осмотр показал, что агрегаты многих машин за три сотни лет были испорчены временем и крысами. Квинт поведал о том, что Акрит располагает более современным оружием, чем то, что они обнаружили, да и техникой должны управлять квалифицированные операторы, которых в Борее не было. Но Квинт, получивший к тому времени приставку «Мудрый», не забыл добавить, что на складах хорошо сохранились образцы различного стрелкового оружия, и этого, по его мнению, было вполне достаточно для реализации тех идей, которыми грезил Эрик. Квинт говорил, что знает, как можно проникнуть на Акрит через систему городских коммуникаций, так как когда – то принимал участие в её проектировании.

История умалчивает о том времени, когда многочисленная, хорошо вооруженная группа под предводительством Эрика покинула Борей. Есть косвенные свидетельства того, что Эрик основал город Пир как будущий плацдарм, позволивший собрать дополнительные силы и ресурсы для атаки на Акрит. Спустя примерно два года ему всё же удалось реализовать задуманное, когда Квинт каким – то ведомым одному ему образом сумел отключить систему безопасности одного из коллекторов Акрита, находящегося за периметром города.

Акрит пал... Пал так внезапно, что самоуверенные жители, увидев на улицах грязных, вооруженных людей подумали, «что это какая – то театральная постановка, режиссируемая сэром Гарольдом – главой акритского театра искусств». Но действительность оказалась совсем другая. Вооруженные люди, занявшие стратегически важные объекты города, на которые им ранее указал Квинт, убивали всех, кто пытался оказать сопротивление.

Эрика поразила Акрит. Никогда он еще не видел такого великолепия. Он решил, что этот город будет столицей его, Эрика будущей империи, наподобие Рима времен античности. Под угрозой смерти он запретил грабить и разрушать город. Конечно, многие из его людей шли сюда за наживой, а не за реализацией честолюбивых планов предводителя, однако те, кто выразил эти мысли вслух, были сразу же вздернуты на виселице.

Глава Акрита Парацельс – худой лысый старик с большим родимым пятном на правом виске, явился к завоевателю и преклонил перед ним колени. Парацельс не только управлял

городом, но был и одним из ведущих ученых Акрита. Парацельс хорошо знал стоявшего возле Эрика чернокожего старика.

Когда Квинт был гражданином Акрита, он возглавлял немногочисленную политическую группу, которая называла себя «Второй Ренессанс». Эта группа призывала граждан Акрита поделиться технологиями «со всеми культурными очагами», пережившими падение «Анубиса». Они предлагали организовать бесплатные места в академии для одаренных студентов из других немногочисленных городов, возникших в новое время. Однако Парацельс был против, считая, что «технологии дают нам преимущество в выживании, и никто не даст гарантий, что эти технологии не будут использованы против нас». Через некоторое время Квинту предъявили обвинения в том, что он передал результаты научных исследований ученому совету Нанта – города, который конкурировал с Акритом за сферы влияния и ресурсы в североамериканском регионе. Никто доподлинно не знает, был ли Квинт действительно шпионом Нанта, или же был просто проповедником идей просвещения, но тогда его с позором изгнали из Акрита.

Несмотря на то, как с ним обошлись в прошлом, Квинт с радостью обнял Парацельса и рассказал Эрику, какой это великий человек, перечислив все его научные труды наизусть. Да и сам Парацельс, обладая силой слова, расположил к себе Эрика, который сделал его, как и Квинта, своим советником. Чуть позже Эрик женился на внучке Парацельса, укрепив тем самым свои позиции на Акрите.

Объявив себя Первым Императором, Эрик положил начало союзу армии и науки. Как следовало из записей, хранящихся в центральном архиве метрополии – Табуларии, Эрик предложил другим крупным городам потерять свою независимость и стать вассалами Акрита в обмен на технологии. Однако в дальнейшем, под влиянием Парацельса Первый Император внес определенные коррективы. В концепцию «независимость в обмен на технологии» была внесена поправка, согласно которой вводились шесть уровней доступа к информации о технологиях Акрита. Каждому уровню доступа соответствовала своя печать. Под шестую печать попадали технологии, которые, по мнению Парацельса, могли быть использованы против самого Акрита. Сохранение в тайне критических технологий позволило сделать молодую метрополию более управляемой и зависимой от главного полиса.

Но и сам Первый Император Эрик Злой решил внести в законотворчество свою лепту, введя седьмой, наивысший уровень доступа. Согласно предложенной им поправке, все исторические данные, относящиеся к Старым Временам, попадали под гриф «Седьмой печати». Новая история о временах, предшествующих падению астероида на Землю, была идеологически обработана, а местами откровенно фальсифицирована.

Учебник истории нового государства, вышедший через два года после этого события, рассказывал о великом прошлом города Акрита, который был основан самим Римскими Императором Гаем Юлием Цезарем. Акрит, по мнению авторов учебника, стал столицей Римской Империи тогда, когда последнее независимое от империи государство на планете перестало быть таковым. Время, называемое «Imperial Pactum»³, продлилось около пятисот лет до падения «Анубиса» на планету. Согласно учебнику, это было золотое время человечества, когда Акрит – столица Римской Империи, мудро правила всеми народами мира. Причем грубые искажения истории тактично насаивались на реальные исторические названия географических мест и собственных имен.

Академические круги Акрита, мягко говоря, удивились новому учебнику истории, который выковал в своих недрах идеологический комитет, названный впоследствии Спектратором. Но Первому Императору учебник очень понравился, и он «из большой любви к науке» сделал новейшую историю обязательным предметом с первых классов обучения.

³ (Лат.) Имперский Пакт

Новые поколения, ещё будучи детьми, уже знали о том, что после падения астероида Римская Империя распалась на осколки цивилизации, а Акритская метрополия «имеет приоритет права на мировую гегемонию вследствие того, что является законной преемницей Священной Римской Империи». Религия была представлена лишь как культурный феномен, причем с крайне негативным подтекстом, так как, по мнению Эрика Злого, «нужно дать поколениям время, чтобы очиститься от предрассудков, которые убили Борей».

Но как бы академические круги ни удивлялись, высказаться против этого никто не решился, ибо академики вначале думали головой, а уже потом говорили. Конечно, среди них были и те, кто впоследствии пытался тайно передать реальные исторические знания особо доверенным лицам. Но идеологи новой государственной концепции жестко пресекали такие попытки показательными казнями.

Но вернемся к середине нашего повествования. Квинт Мудрый был решительно против поправки, предложенной Парацельсом и «доработанной» Первым Императором. По словам самого Квинта, «данная поправка позволит узурпировать технологии узкой группе лиц, хотя они принадлежат всему разумному человечеству», тем более что «грубое искажение истории не смываемым позором ляжет на всех нас». Не встретив поддержки в лице Первого Императора, Квинт разочаровался в людях, которым он служил. Имея, как советник Императора, «Седьмую печать», он перенес на кристалл памяти данные, хранившиеся на серверах Акрита. Прихватив кристалл, он внезапно куда-то исчез. Его даже не стали искать, так как из всего разнообразия данных он откопировал лишь подлинную историю человечества. Злые языки поговаривали, что он нашел прибежище в Нанте, однако это не соответствовало действительности. Квинт просто исчез. До сих пор неизвестно, куда он ушел, и как сложилась его дальнейшая судьба.

Борей, Пир, Эритея, Иерихон, Тайрин и Сайбург стали первыми крупными городами, присягнувшими на верность Первому Императору. Однако Нант, создав коалицию с Корнуэлом, всячески противодействовал зарождающейся Акритской метрополии. Только сын Эрика, Второй Император Виктор Завоеватель сумел поставить эти города на колени, заставив их силой присоединиться к метрополии. Он же основал приграничный город, названный Виктория, который охранял южные рубежи государства от варварских племен, кочующих в поисках земель, пригодных для выживания.

Со временем, уже к периоду правления Седьмого Императора Константина Большого вопрос о технологиях пропал сам собою, причем некоторые крупные города, такие как Нант, Сайбург и Тайрин создали свои технологические уклады, превосходящие акритский технологический базис по многим параметрам. Но Акритская метрополия от этого не развалилась. К этому времени все города метрополии уже зависели друг от друга, связанные производственными цепочками в едином экономическом пространстве. Кроме того, укреплению единства способствовали идеологические враги Империи, основным из которых стал впоследствии Кайпианский союз.

Управление метрополией перешло из сферы технологий в сферу более гибкой политики в отношении колониальных городов. Элиты, богатые и ведущие роскошный образ жизни в новом мире, не стремились к военному противостоянию с главным полисом, ибо прекрасно понимали, что последствия сепаратизма нарушат их привычный уклад. Элиты приняли правила игры, главный сюжет которой происходил в стенах правительственных зданий.

* * *

Точно неизвестно, когда и при каких обстоятельствах всплыл кристалл памяти, который унес с собой Квинт. Этот кристалл, содержащий информацию о подлинной истории человечества, стал краеугольным камнем для группы людей, которые называли себя «Седьмой

печатью». Информация о Паноптикуме – обществе справедливости и равных возможностей, которое существовало на Земле в пору, предшествующую Великой катастрофе, полностью противоречила официальной исторической доктрине.

Паноптикум стал символом надежды той части человечества, судьбу которых вершила кучка высокопоставленных бюрократов, решавших все «вопросы на местах» силами и методами Спектрата.

Глава 6. Притаившийся во тьме

Николас Вайс неподвижно сидел на стуле в центре большого зала. Подняв подбородок, он сосредоточенно смотрел перед собой, пытаясь принять мужественный, по его представлениям, вид. Вайс заказал портрет известному художнику Акрита, но определенные трудности, связанные с творческим процессом, уже начинали его раздражать. Пытаясь отвлечься, он начал думать о предстоящей встрече с Аланом Филипсом. События двухнедельной давности, когда Император в пылу гнева выгнал Филиппа из зала Сената, навели Николааса на мысль о том, что неплохо было бы воспользоваться сложившейся ситуацией и наладить мосты с этим могущественным человеком, попавшем в опалу. Вайс располагал информацией, которая бы смогла помочь Алану Филипсу вернуть расположение Императора. Взамен Николаас попытается установить с Филипсом доверительные отношения для того, чтобы в будущем рассчитывать на его голос за свою кандидатуру. «Смерть старика – вопрос времени, – думал Вайс, – но к таким событиям нужно готовиться заранее». Устав сидеть словно скульптура, Николаас, посмотрев на часы, произнес:

– Послушайте, мсье Делакруа, может, вы всё же возьмете какой-нибудь электронный журнал или, к примеру, голографию из справочника Сената? Я устал позировать, да и к тому же у меня важная встреча!

Художник Делакруа, энергично до этого работавший кистью, прервался и с удивлением посмотрел на генерала.

– Нет, нет, сударь!!! Что вы!?! Ни одна технология не способна передать виденье художника, – сакрально проговорил мсье Делакруа. – Человеческий глаз способен увидеть лишь определённые градации, а интеллект придать дополнительный смысл...

При этом он выпучил глаза и назидательно поднял правую руку, держащую кисть.

– Интеллект??? Мсье Делакруа, меня беспокоит одно ваше... художественное решение. Знаете, когда это было наброском, меня это как – то не беспокоило, но стоило вам сегодня заявить, что «работа почти готова», я до сих пор нахожусь в ужасе, – Вайс внезапно встал, подошел к картине и указал на одного из персонажей. – Скажите, это я на картине, правильно?

Делакруа, поправив синий берет на голове, сделал возмущенную физиономию. Этот наглец мало того что мешал его работе, так ещё и ставил под сомнение очевидное сходство! Но вспомнив, что он не на экспозиции, художник осёкся и вежливо произнес:

– Да, вы понимаете все совершенно верно, господин Вайс.

– Так, хорошо, это мы выяснили. Скажите, что за прибор у меня в руках на этом полотне, с помощью которого я что-то разглядываю?

– Бинокль, это же очевидно! – с некоторым пафосом ответил художник.

Николаас усмехнулся.

– Мсье Делакруа, в наше время таких биноклей уже нет на вооружении армии. Наступил 2717 год, вы это понимаете!? Они, может, и были, когда Эрик Злой захватил Акрит, но сейчас, хочу вас заверить, такие бинокли лежат на полках музеев... – Вайс, пристально разглядывая картину, указал на лицо персонажа. – А это!? Вы ничего не замечаете?

Делакруа ничего не понимал, чего хочет от него этот человек. «Эх, знал бы, что типаж такой проблемный, не взял бы предоплату, которую к тому же уже спустил на дорогих проститутках», – подумал про себя художник, хмуря брови и разглаживая пальцами тонкие усы.

– Делакруа, ответьте! Делакруа, вы вообще меня слушаете!?! – обратился к художнику Вайс, в то время как сам Делакруа задержался на мысли о приятной стороне потраченных денег.

– Да, конечно, господин Вайс. Вас что-то не устраивает, но я не могу понять вашу критику в отношении этой работы.

– Критика? Позвольте, мсье, никто вам не говорит о критике.

Я вам заплатил хорошие деньги и теперь имею право говорить как заказчик. Так вот, данная работа не стоит тех денег, которую я за неё заплатил. Вам придется вернуть предоплату, которую вы уже, видимо, потратили, устроив грандиозный кутеж, который показывали по всем новостям, или вернуться к разговору о той картине, которую я вчера видел в вашей мастерской. Как она называется?

– Имперский ответ в Антарктике, – произнес Делакруа, вспоминая вчерашние попытки Вайса выкупить озвученную работу.

– Вот. Я хочу у вас её приобрести за те деньги, которые я вам обещал за эту картину, которую вы уже испортили, – Николас показал пальцем на полотно, стоявшее на треноге перед художником.

Для Делакруа это был плевок в лицо.

– Господин Вайс, картина «Имперский ответ в Антарктике» была написана по заказу жены викария Виктории, как подарок Императору на день его коронации. Кристина Руфо уже видела работу и распорядилась прислать рабочих для её погрузки. Правда, она пока ничего не заплатила, – уточнил Делакруа и, помолчав, добавил, – ...но я уверен в порядочности этой барышни, она, знаете ли, очень воспитанная.

Вайс поднял глаза кверху. Убрав рукой волосы со лба, он шумно выдохнул.

– Мсье Делакруа, может, к нам следует пригласить Филиппа? Возможно, он увидит в ваших произведениях признаки символизма «Седьмой печати»?

Филиппс... Нет, с этим господином Делакруа не хотел бы больше встречаться, тем более в качестве цензурируемого лица. Спектрат спокойно мог отобрать лицензию художника, а это табу на профессию, которой ты учился десятки лет. Без лицензии тебя нигде не примут, не предоставят экспозицию, не сделают телесюжет и даже не пригласят в какую-нибудь дешевую рекламу про престарелых ветеранов, которые, играя на зеленых лужайках в гольф, призывают молодежь вербоваться на контрактную службу.

В молодости Делакруа поработал в одной рекламной конторе в качестве «артиста, одобренного комитетом Цензоров». В рекламе он изображал подростка, который вышел с аттестатом из школы и, проходя мимо пансионата, увидел играющих в гольф стариков. Он поворачивался и на камеру произносил следующие слова: «Я знаю своё будущее, а ты?». Далее бежала строка: «Служба по контракту в акритской армии. Первым пятерым позвонившим гарантия службы в имперском батальоне. Телефон 8888–00–8888». Конечно, никаких мест в имперском батальоне, который базировался в столице, не было. Это была, как говорила его тогдашняя любовь Люсьен, «маркетинговая уловка». Звонивший попадал на автоответчик, который сообщал ему о том, что к нему уже едут, и перечислял вещи, которые могут понадобиться контрактнику на призывной комиссии. И через 72 часа желающие послужить вдыхали зловонные запахи гниющих джунглей на учебных полигонах Южной Америки. Уйти было можно и ранее пятилетнего срока, но то большее, что ждало отказника в метрополии – это тяжелая физическая работа либо на рудниках, либо на поселениях. Хорошо, что матушка отговорила его от службы в армии, подарив ему на юбилей лицензию художника, за которую она заплатила хорошую взятку.

– Нет, с Филиппом мне бы не хотелось встречаться, но, сударь, прошу вас быть милосердным – удвойте хотя бы цену! – немного подумав, залепетал Делакруа.

– Эта цена была вчера. Вчера двойная цена вас, видите ли, не устроила. Сегодня цена другая. Меньше в два раза. Я думаю, нужно брать, пока дают. Тем более что после этих художеств, – Вайс указал на картину, – я разочаровался в вас как в творце. Делакруа, принесите мне «Имперский ответ в Антарктике» из своей мастерской, а вместо изображения Императора, нарисуйте мой героический профиль. И мы квиты. Да, кажется я совсем заболтался тут с вами – меня ведь ждет встреча!

Не выслушав ответа художника, Вайс вышел из зала, с шумом захлопнул за собой дверь.

Делакруа был зол сам на себя. Тем не менее, он парой мазков исправил бинокль, изображенный на картине, на кое-что непотребное, упирившееся прямо в лоб ненавистному персонажу. Ухмыльнувшись, он тут же закрасил пошлый коллаж, при этом предусмотрительно посмотрев по сторонам. Если бы он знал, что у этого проблемного типажа какие – то дела с главой Спектрата Аланом Филипсом, он бы просто отказался работать.

Собирая свои художественные принадлежности, мсье Делакруа невольно содрогнулся от воспоминаний опыта работы с этим ужасным человеком...

* * *

Однажды, сам Алан Филипс заказал художнику картину. Таким людям, конечно, не отказывают. Делакруа тогда приехал в его загородный особняк, обнесенный высоким металлическим забором, вдоль которого ходили хорошо вооруженные патрули, держащие на поводках больших клыкастых псов, лающих в сторону художника, когда тот проходил мимо. Судя по системе безопасности, это был не особняк, а какая – то маленькая крепость. «Как форт», – Делакруа вспомнил названия поселений, которые основывали римские легионеры, высадившиеся на берегах континента, названного ими потом Америкой в честь римского генерала Америго Веспуччи, прозванного «Мореплавателем». Уроки истории в школе были для Делакруа всегда интересны. Позже увлечение историей найдёт отражение во многих его картинах, посвященных знаменитым победам Акритской метрополии.

Но мсье Делакруа имел и свой собственный стиль в искусстве. Особенно популярна стала его картина, названная «Соцветие патриотов». Делакруа, создавая фокус сверху, запечатлел детей, сидящих вокруг костра, который символизировал центр цветка. Дети кидали в костер шпионские листовки, на которых большими буквами было написано: «ВАС ОБМАНЫВАЮТ». Сам шпион, в черных очках и шляпе, был мертв и лежал подле сидящих, играя в композиции роль стебля. Откинутый подол его плаща символизировал лист цветка, а дети, протягивающие к костру листовки, были его лепестками...

– Не однозначно, – сказал Император, увидев его картину на экспозиции, посвященной бомбардировке Даутсона.

Маленькие глазки Делакруа тревожно забегали.

– Ваше Императорское Величество, – с придыханием заговорил художник. – Мне просто необходимо знать ваше мнение о картине в целях дальнейшего самосовершенствования...

– Делакруа, вам не интересно моё мнение. Вам интересно то, что я скажу о вас прессе, которая толпится в соседней комнате, жадно поглядывая, когда ей дадут команду, – Император перевел взор с художника на картину. – Деликатно закрасьте на листовках слова «ВАС ОБМАНЫВАЮТ». Знаете, если бы я не знал вас лично, мсье Делакруа, я бы подумал, что это какая – то провокация художников – авангардистов.

Император, смотря на трясущегося Делакруа, негромко рассмеялся.

– Делакруа, вы повесили в центре Акрита прокламацию государства, с которым мы находимся в состоянии войны... Вы понимаете это? – Император многозначительно посмотрел на художника.

– Я все понял, – услужливо закивал художник, который после этого случая стал избегать в своих работах каких – либо надписей...

...Но вернемся к истории о том, как Делакруа приехал к Филипсу создавать очередной шедевр. Художник почему-то вспомнил о той неловкой ситуации с прокламациями, когда подходил к железным воротам особняка, принадлежащего главе Спектрата. Справа от ворот стояла довольно высокая башня, оцетинившаяся оружием и камерами. Обыскав художника, охрана пустила его за высокий забор.

Перед особняком, на зеленой лужайке под ветвистым деревом стоял стеклянный столик. На столике находились чайный сервиз и шоколадный торт, который был уже изрядно подъеден. За столиком сидел человек небольшого роста в дорогих очках с круглыми линзами в черной оправе. На вид ему было лет пятьдесят. Историки говорили, что Филипп, Император и полковник Орокин, создали Триумvirат, свергнув Восьмого Императора Тиберия Предателя. Хотя статуя Восьмого Императора и стояла в Сенате, перед ней никогда не зажигали свечи и не возлагали цветы.

Возле столика стояло современное инвалидное кресло, в котором сидела хорошо одетая старушка. Она была очень пожилой женщиной, безучастно смотревшей прямо перед собой в одну точку. Иногда её правая рука немного подергивалась, а голова запрокидывалась назад.

– Мама, это мсье Делакура, я вам о нем рассказывал, – сказал Филипп, обращаясь к старушке и, повернув голову к художнику, добавил, – Мсье Делакура, это моя мама Шарлотта. Она все понимает, но плохо контролирует своё тело. Около семи лет назад моя мама пострадала в результате террористического акта. Это было спланированное покушение, целью которого должен был стать я. Террористическое движение «Седьмая печать» – это ещё и моя личная вендетта. Теперь вы меня понимаете? Я не такой, как думают обо мне люди, я такой же гражданин, как и они. Но перейдём к делу, Делакура. Я видел ваши работы и хочу, чтобы вы изобразили меня как обычного усталого гражданина, который, открыв бутылочку хорошего пивка, заваливается на диван в пятницу вечером. И именно в пятницу, так как моё лицо должно быть одухотворено осознанием двух предстоящих выходных. Я думаю, с завтрашнего вечера можно начинать...

Следующий вечер показался художнику немного странным. Филипп встретил его, лежа на диване. На нем был пластиковый фартук и резиновые перчатки, натянутые по локоть. Фартук, перчатки и диван были покрыты следами крови. Вокруг были раскиданы пустые пивные бутылки, но сам хозяин дома был абсолютно трезв. Увидев художника, Филипп улыбнулся. Встав, он протянул Делакура правую руку, одетую в окровавленную перчатку. Художник остолбенел.

– Сударь, что с вами? – с ужасом спросил Делакура.

– А что со мной не так? – с серьёзной озабоченностью спросил Филипп, оглядывая самого себя.

– Ваша одежда... И этот фартук... Он что, в крови?! – крайне удивленно спросил Делакура, делая робкую попытку сделать шаг в сторону выхода.

– Конечно!!! – воскликнул Филипп и искренне удивился. – Вы думаете, что защищать родину – это приятная работа? Я только что отпахал 12 часов в карцере одной из тюрем Спектрата и чертовски устал. Нет уж, пусть те, кто называет меня «Мясником», увидят, во что их спокойствие и стабильность обходятся мне и моей семье. Кстати, мама тоже выразила желание позировать! Я схожу за ней, а вы пока располагайтесь...

Когда Филипп вышел, Делакура пребывал в шоке. Ему было страшно. Реально страшно. Ему казалось, что он попал в какую – то иную реальность, где Филипп не «щит империи», как вещали средства массовой информации, а чертов шизик... «Нет, он не шизик, а ярко выраженный психопат, – подумал тогда Делакура и начал лихорадочно соображать, как покинуть убежище этого маньяка. – Особняк обнесен высоким забором и очень хорошо охраняется, так что...»

– Делакура! Делакура, милейший! – вдруг раздался голос Филиппа за дверьми. – Помогите мне, откройте дверь...

Художник на время подумал о том, что неплохо было бы защёлкнуть замок и вызвать... «Кого вызвать!!? Что следовало вызвать, так это ковровую бомбардировку этого проклятого места...» Однако он вовремя опомнился и открыл дверь. Коляска, в которой сидела мать главы Спектрата, автоматически заехала в дом и подъехала к дивану, уронив пару бутылок из –

под пива, стоящих на полу. Старушка, одетая во всё белое, застывшим взглядом смотрела прямо перед собой.

– Делакруа, что-то вы даже треногу ещё не поставили!? Не скромничайте, вы – режиссер. Дерзайте! – воскликнул Филипс.

Заботливо поправив на старушке белую шляпку, он присел на диван. Филипс везде, к чему бы ни прикасался, оставлял пятна крови – на ручках коляски, на диване, на шляпке своей матери. «Бедная Шарлотта, как она со всем этим справляется?» – подумал художник, ставя треногу...

...Шарлота с этим не справлялась. Она к этому уже настолько привыкла, что если бы могла говорить, спокойно бы рассказала о своём единственном сыне, который уже давно сошел с ума...

Нет, Алан не всегда был такой. В детстве он был хорошим послушным ребенком, которого любили баловать родители. Он показывал неплохие результаты в школе и даже занял первое место по стрельбе из лука. Но высшей идеей его жизни была армия. Отец, занимавшийся поставками датчиков слежения для нужд военной промышленности, был против службы сына. Однако как только Алану исполнилось шестнадцать лет, он подписал контракт и попал в гарнизон близ Сан-Паулу, где подружился с Уэйном Орокином – таким же, как и он, новобранцем.

Когда армейский пятилетний контракт Алана подошел к концу, их пути с Уэйном разошлись. Филипс пошел в «дембельский дозор» – последний патруль из Сан-Паулу до соседней военной базы, откуда их должна была забрать авиация на большую землю. Орокин, пожелав удачи другу, остался в Сан-Паулу в ожидании следующего «дембельского дозора».

Переход отрядом из десяти человек во всеоружии занимал около трех суток. Во вторую ночь отряд разбил палатку возле тихого озера под скалистым валуном. Филипс, одухотворенный будущими событиями на Акрите, где его будут встречать как героя, совершенно расслабился. Сидя у кромки озера, он, позабыв инструктаж по безопасности, начал наслаждаться сладкими плодами какого – то дерева, росшего на берегу.

Вдруг что-то забурлило на поверхности воды, и Филипс насторожился. Увидев свечение на дне озера, он забежал за скальный валун и разбудил всех своих сослуживцев.

– Одевайтесь, берите оружие... Там что-то есть, – тихо прошептал Филипс, загружая ленту в крупнокалиберный пулемет. – Какая – то живность из местной фауны, скорее всего, судя по свечению, это краснобокая зубатка. Они собираются в стаи, так что нужно быть внимательными и, рассредоточившись, удерживать периметр до утра.

Договорив, он обвязался пулеметной лентой и, молча, ушел в джунгли. Остальные, переглянувшись между собой, последовали его примеру.

Когда Филипс увидел первую зубатку, хищно смотревшую на него, он даже улыбнулся. Но когда зубатки начали обступать его со всех сторон, Филипс, понимая, что эту ночь он не переживет, истошно заорал, обращаясь к болотистым тварям:

– Сюда! Я здесь! Сюда идите...

Солдаты из его отряда, подумав, что Алану требуется помощь, двинулись на звук его голоса. Многие из них даже не успели осознать того, что по ним заработал крупнокалиберный пулемет, разрывая их тела в клочья... Филипс тем временем отстреливался от несуществующих зубаток до последнего патрона, пока не потерял сознание от действия сильнейшего галлюциногена, который он употребил в пищу возле озера.

Первое, что увидел Алан, когда пришел в себя, так это гранату, которую он сжимал двумя руками, лежа под каким – то бревном в одних штанах. Весь в порезах, окровавленный, он попытался сориентироваться на незнакомой местности. Поняв, что заблудился, Алан интуитивно выбрал направление и пошёл через густые заросли.

На следующий день его пленили партизаны. Филипс провел два года в джунглях в качестве военнопленного. Его постоянно перевозили с места на место, били и морили голодом. Наконец его обменяли на какого – то родственника местного князька.

Вернувшись на Акрит, Алан был представлен Восьмому Императору Тиберию, который наградил его почестями ветерана и предложил занять место в солдатском комитете при Сенате, после того как Алан пройдет полугодовой период реабилитации. Тиберий намекнул Филипсу – ему нужны будут «свои люди» в комитете, чтобы иметь представление о настроениях, царящих в армейской среде. Император Тиберий был выходцем из академических кругов и на тот момент проводил в жизнь непопулярные у военных реформы...

Но вернемся к Филипсу. Вернее, к воспоминаниям его матери Шарлотты, которая безучастно наблюдала за тем, как художник Делакура рисует её безумного сына. Первый сигнал, что с Аланом что-то не так, она получила спустя неделю, когда тот вернулся из плена...

Ранним утром, выйдя из загородного особняка, расположенного у озера, она увидела Алана, копающегося на берегу.

– Привет! Чем занимаешься? – спросила тогда Шарлотта, когда подошла к сыну.

– Делаю систему безопасности, – озабоченно произнес Алан, пытаясь скрутить несколько проводов.

– Алан, но...

– Мама, мы не можем знать точно, что там обитает, – резко перебив Шарлотту, Алан посмотрел в сторону озера.

Сердце матери учащенно заколотилось, а в голове появились неприятные мысли. Пытаясь себя успокоить, Шарлотта осторожно произнесла:

– Дорогой, это озеро безопасно. Мы с твоим отцом всегда думаем о безопасности в первую очередь...

Алан замотал головой и резко встал в полный рост, отчего Шарлотта даже сделала шаг назад.

– Мама, те парни из моего отряда тоже думали, что они в безопасности. Когда краснобокие зубатки придут сюда, останется только отстреливаться. Кстати, в доме есть оружие? – внезапно спросил Алан с таким видом, как будто что-то вспомнил.

– Не знаю, может, наверху у отца есть пневморужьё – он иногда стреляет чешуйчатых воронцов...

– Мама, что ты говоришь? – закричал Алан в бешенстве. – Ты говоришь о безопасности, а у нас в доме нет даже ни одного порядочного ствола? Что это вообще за блядство?

От таких слов сына Шарлотта оцепенела. Она не вынесет армейского жаргона в своём доме, но, глядя в вопрошающие и одновременно бешеные глаза своего сына, решила не высказываться по этому поводу.

Дальше всё пошло только хуже. На следующий день Алан привёз откуда-то два ящика стрелкового оружия. Когда Шарлотта зашла в свою комнату, она увидела заботливо уложенную пару дамских пистолетов на своей подушке. «Он действительно рехнулся после плена, – с болью подумала Шарлотта. – Обязательно нужно будет показать его доктору Грэм».

Когда доктор Грэм впервые увидел Алана, тот ходил по комнате и что-то искал. Заглянув под половику, проведя рукой под подоконником, он подошел к доктору Грэм и указал на то, что находится здесь небезопасно.

«Синдром войны», – констатировал доктор Грэм, когда покидал особняк Филипсов после обильного ужина. – Лечение, которое предлагает страховка ветерана – не эффективна.

Глаза Шарлотты, услышавшей вердикт доктора, наполнились влагой.

– Зигфрид, неужели нет способов помочь моему сыну? Мы заплатим любые деньги, – Шарлотта умоляющим взглядом посмотрела на доктора Грэма и, достав платок, смахнула с лица материнские слезы.

Зигфрид задумался.

– Шарлотта, я как друг семьи могу дать рекомендацию, но... в общем данная методика не совсем законна, и могут быть побочные эффекты. У меня есть знакомые специалисты, способные с помощью хирургического вмешательства помочь Алану, но гарантий того, что операция пройдет успешно, никто не даст...

Когда Алан кинул на участок соседей боевую гранату, Шарлотта всё же решила обратиться к специалистам доктора Грэма, уговорив при этом мужа. Сына отвезли в неизвестном направлении, а спустя неделю доставили обратно. Алан часто вспоминал свой первый день после хирургического вмешательства в неокортекс головного мозга...

– Алан, мы провели сложнейшую операцию, чтобы вернуть вас к нормальной жизни. Вы понимаете, о чем я вам говорю? – спросил доктор Грэм, снимая повязку с лысой головы своего пациента.

– Да, доктор. Я все понимаю. У вас есть конфеты?

Доктор Грэм внимательно посмотрел на Алана. На секунду он даже усомнился в результатах операции и, осмотрев зрачки Филиппа, спросил:

– Зачем вам конфеты Алан?

– Просто... Я очень голоден... И мне почему-то охота сладкого...

Ответ Алана вписывался в концепцию работы, проведенной доктором Грэмом. Мозг пациента после «доработки» специалистами доктора стал потреблять в два раза больше энергии, чем до хирургического вмешательства, поэтому данный ответ удовлетворил Зигфрида.

– Алан, я немедленно распоряжусь, чтобы вам сделали высококалорийный обед, – произнес Грэм, улыбнувшись.

Через пару дней выяснилось, что Алан не может уснуть. Ему в принципе и не хотелось спать, но новый образ жизни никак не укладывался в голове. С этим вопросом он обратился к доктору Грэму на плановом осмотре.

– Интересно, – задумался доктор. – Такое я впервые встречаю в своей практике. Вы говорите, что не испытываете даже утомляемости?

– Абсолютно, доктор! Я не спал две ночи, но чувствую себя отлично. Кроме того, за эти две ночи и два дня я прочитал целый том «Истории Акритской метрополии». Но самое удивительное в том, что я могу вам наизусть рассказать любой отрывок из этого семисотстраничного фолианта! Вот, доктор, проверьте!

С этими словами, он протянул электронную книгу доктору. Грэм, полистав её, недоверчиво произнёс:

– Страница 387, третий абзац.

– «Когда Третий Император Лонгин Реформатор взошел на престол, он реализовал проект земельной реформы. Вся земля, ранее де – факто принадлежавшая государству, перешла в частные руки простых граждан. Параллельно этому процессу земельные участки были разбиты на санитарные категории, – быстро проговорил Алан, разглядывая, как лицо Грэма начинает выражать удивление. – Высшая категория означала допустимую концентрацию вредных веществ в почве, что позволяло обладателям таких земель выращивать сельскохозяйственные культуры на открытом грунте. Реформа ускорила миграцию из крупных городов, что явилось причиной появления множества мелких фермерских поселений вокруг крупных городских образо...

– Феноменально, Алан! – прервал его доктор Грэм. – Мы не только вас вернули к жизни, но и сделали из вас настоящего гения! Думаю, вопрос о сне мы снимем медикаментозными средствами, а пока, Алан, извините, мне необходимо записать мои мысли по этому поводу. Возможно, я на пороге величайшего научного открытия...

Но научное открытие сорвалось, когда последующей ночью Грэма разбудил звонок.

– Доктор Грэм, у нас проблемы, срочно приезжайте, – услышал он знакомый голос своего ассистента.

Когда доктор приехал в лабораторию, он увидел беспорядок и следы крови в коридоре.

– Согласно вашим назначениям, доктор Грэм, – торопливо начал говорить испуганный ассистент, – мы дали Алану снотворное. Он уснул, а мы пошли пить чай в ординаторскую. Где – то примерно через час в коридоре послышались крики. Когда мы выглянули, то увидели, что Алан колошматил табуретом по бездыханному телу сиделки. Совместно с санитарями, мы скрутили Алана и поместили в спецблок для буйных пациентов...

Немедленно последовав к спецблоку, где содержался Алан, доктор Грэм заглянул в глазок. В углу комнаты, обитой матрасами, сидел Филипс, больничная пижама которого была измазана кровью. Он пристально смотрел на дверь. Его глаза были широко открыты, а лицо выражало неподдельный ужас. Закрыв глазок, Грэм ушел в свой кабинет и принялся делать какие – то записи. Нет, смерть сиделки не вызвала у доктора каких – либо эмоций. Будучи от природы экспериментатором, он видел и более ужасные вещи. Больше всего его беспокоило то, что Алан являлся отпрыском богатой и уважаемой семьи, которая могла поднять скандал, грозивший Зигфриду потерей статуса. «Возможно, стоит ввести Алану смертельную инъекцию, дабы упрятать результат этого эксперимента подальше в землю», – подумал тогда доктор Грэм.

Но утро рассеяло его опасения, когда ассистент вызвал Зигфрида в спецблок.

– Доктор Грэм!? Кто-нибудь меня слышит!? – доктор услышал крики Алана, как только оказался в коридоре спецблока.

– Откройте, кто-нибудь! – кричал Алан и колотил руками по железной двери.

– Алан, с вами всё в порядке? – поинтересовался доктор, заглядывая в глазок.

– Доктор Грэм, – облегченно вздохнул Алан. – Что, черт побери, происходит? Я проснулся в этом помещении без окон и... у меня следы крови на пижаме!? У меня, что, было кровотечение?

Доктор Грэм подал знак санитарам, чтобы те открыли дверь.

– Алан, голубчик, – промолвил доктор, – пройдемте ко мне в кабинет.

Кабинет доктора был похож на кунсткамеру, в которой, помимо заспиртованной органики, стояли стеллажи с медицинскими справочниками. Доктор Грэм усадил Алана на стул и показал ночную запись, сделанную камерами в коридоре больницы. Алан с ужасом смотрел на происходящее. К виду крови он был вполне привычен, а карательные рейды, в которых Алан участвовал ещё во время службы, наверное бы не оставили равнодушным самого доктора Грэма... Но это... Он абсолютно ничего не помнил. К тому же, та неистовая злоба, с которой он выколачивал последние остатки жизни из бедной сиделки, даже его самого немного пугала. Вдруг Алан подумал о родителях... «А как же они? А что, если это случится дома, и он будет не осознавать происходящее...» Ему стало дурно от этих мыслей.

Доктор Грэм выключил запись и многозначительно произнес:

– Алан, пусть это останется между нами. Тело мы утилизируем, но твои родители ничего не должны узнать. Я ещё не совсем понимаю механизм произошедшего, но вполне могу предположить, что это связано со сном, в который мы тебя ввели медикаментозными средствами. И не распространяйся, что ты не можешь спать – создавай хотя бы видимость сна для других, ты понимаешь меня?

– Доктор, а если я всё же захочу спать? – с ужасом спросил Алан, вопрошающе посмотрев на Грэма.

– Тогда немедленно звони мне, – ответил доктор и положил свою руку на плечо молодого Филипса...

Когда Алан вновь оказался дома, Шарлотта не могла налюбоваться сыном и слёзно благодарила доктора Грэма за то, что тот вернул её сына к нормальной жизни. Алан снова стал

активным, перестал быть раздражительным и со смехом вспоминал тот случай со злополучной гранатой. У него появились какие – то дела в солдатском комитете, и он стал часто отлучаться на заседания в Сенате, где, как рассказывал, встречался со своими старыми товарищами по службе. Он стал обычным молодым парнем, который, отработав свой первый армейский пятилетний контракт, делал карьеру в стенах Сената.

Шарлотту распирала гордость за сына, когда тот после свержения Тиберия Предателя стал одним из трех членов Триумvirата, а затем, после коронации на престол Мартина Вуда, занял должность главы Спектрата – это была величайшая честь для их семьи! «Главная опора Императора!» – хвасталась Шарлотта своим завистливым подругам.

Однако она даже не догадывалась о том, что происходило, когда наступала ночь. Алан закрывал на ключ свою дверь и задергивал занавески. Затем он садился на стул и тихо, не двигаясь, ждал наступления рассвета. Он не спал... Алан не спал с тех пор, когда ему сделали операцию в лаборатории доктора Грэма.

Однажды племянница Шарлотты София как – то обмолвилась, что люди называют Алана, занимающего пост главы Спектрата, «Мясником» – за его методы. Тогда Шарлотта не придавала этому значения, кухня всегда любила преувеличивать. Но когда муж бросил на стол электронную газету с огромным заголовком «Филип по прозвищу «Мясник» просит Сенат окончательно развязать ему руки», она все – таки решилась поговорить об этом во время вечернего ужина.

Алан жадно ел мясной бифштекс и рассказывал, как он и полковник Орокин дебатировали в Сенате.

– ...на что Орокин мне возразил какой-то либеральной идеей о «гражданских свободах». Какой абсурд. И это говорит мой друг, который сражался со мной в одном строю. Я разочарован Уэйном, не ожидал от него подобного, – закончил Алан, задумчиво уставившись на бифштекс.

Шарлотта, взглядом получившая от мужа разрешение, спросила:

– Алан?

Алан не отреагировал на обращение, уставившись немигающим взглядом на бифштекс с кровью. Шарлотта ещё раз взглянула на мужа и более громким голосом повторила:

– Алан?

Шарлотта уже, было, хотела встать, как сын внезапно поднял глаза на неё и произнес:

– Да, мам, я тебя слышу. Ты повторяешься... – Алан улыбнулся.

Шарлотта, собравшись с духом, стала расспрашивать его о том, как он себя чувствует, так много работая?

– Отлично, мам, – сказал Алан, пытаясь отрезать кусок мяса. – Я занимаюсь надводными лыжами с викарием Пира. На Большом Медвежьем озере отличная природа, и мне это хорошо помогает. Но больше всего удовлетворения я нахожу в процессе своей работы...

– Алан, сегодня в «Акритских новостях» писали, – осторожно начала Шарлотта, поглядывая на мужа, – что Спектрат обвиняют в похищениях и пытках людей без ордера, это правда?

Алан безразличным взглядом уставился на мать. Неизвестно, сколько бы продлилась эта неловкая пауза, если бы из – за стола не встал отец.

– Сын, – строго произнес он, – если это правда, и ты действительно устраиваешь террор среди населения, я не хочу с тобой сидеть за одним столом.

Шарлотта с ужасом посмотрела на мужа. Тот выжидающе стоял, всем своим видом требуя ответа на поставленный вопрос.

– Папа, ты это о чем? – с неподдельным удивлением спросил Алан, предварительно перед этим посмотрев на мать. – Какой террор, где это пишут?

– Вот, в «Акритских новостях», – отец положил перед ним электронную газету.

– Папа, «Акритские новости» это газета, владельцем которой является моим оппонентом в Сенате! – Алан с сожалением покачал головой. – Там писали про «террор в общем», или дей-

ствительно есть какие – либо факты? Отец, это очередная газетная утка моих политических противников, не более...

– Тут пишут о том, что люди видели, как Спектраторы расправились с одним из учёных акритской академии прямо на глазах у многочисленных студентов, – неуверенно произнес отец.

– Папа, ну что значит «люди видели»? Где эти люди, которые должны были заявить в полицию, как сознательные граждане? Где их имена и фамилии? Стандартный политический приём, когда за заголовком «Филипс Мясник» на первой полосе через месяц после суда о клевете последует опровержение, но фамилия Филипс уже будет отождествляться с приставкой «Мясник». Папа, мои противники не брезгуют черным пиаром, и мне очень жаль, что ты поверил этим ушатам грязи, которые они выливают на нашу фамилию... Отец, неужели я – ветеран и слуга государства, способен на террор своих сограждан? – Алан гордо и вопросительно посмотрел на стоящего отца.

Немного выждав, отец снова сел за стол, проклиная газетчиков. Он подобрел и разговорился с сыном о перспективах своего нового инженерного проекта, а в конце разговора признался, что был сегодня действительно в идиотском положении перед Аланом, о чем сильно сожалеет.

– Пустяки, отец, – по-доброму сказал Алан. – Я уже сам в шутку называю своего помощника «Мясорубкой».

Отец, оценив шутку, посмеялся вместе с Аланом.

На следующий день отец уехал по работе в столицу, поцеловав на прощанье жену. Больше никто его не видел... Он просто исчез... А следом закрыли «Акритские новости», «за распространение сведений, порочащих честь и достоинство государственных мужей». Шарлотта даже видела по первому государственному каналу репортаж из здания Цитадели Закона, где бывший главный редактор «Акритских новостей» давал признательные показания в том, что делал заказные репортажи, порочащие государственных служащих, на деньги иностранных агентов, работающих на Кайпианский союз. Его вроде казнили – Шарлотта тогда особо не следила за этим процессом, так как все её мысли занимал бесследно пропавший муж.

– Мама, – успокаивал её тогда Алан, – я клянусь, что найду отца! Я его найду, ты слышишь?

Шарлотта иногда задумывалась о том, нет ли связи между пропажей мужа и тем ужином, но вслух этого она не говорила, потому что при воспоминаниях об отце на глазах Алана наворачивались скупые мужские слезы.

Спустя пару лет после исчезновения мужа, сын сообщил Шарлотте о том, что они переезжают в новый особняк. Тогда Шарлотта и представить себе не могла, что это будет начало абсолютно новой жизни...

– Алан, зачем это всё? – удивленно спросила тогда Шарлотта, впервые сделав шаг за железные ворота, которые громко захлопнулись за её спиной, отчего она даже немного вздрогнула.

– Да что же это такое, – проигнорировал её вопрос Алан, – ворота так громко хлопают. Мне кажется, нужно их заменить, ты так не считаешь?

Но мать Алана была далеко не в восторге – весь этот укрепленный и хорошо охраняемый особняк был похож на тюрьму с улучшенными условиями содержания.

– Алан? – мать с беспокойством посмотрела на сына. – Мы что, будем здесь жить!?

– Да, мама, теперь это наш дом, и он полностью защищен... Полностью, ты слышишь? – Алан поставил руки на пояс и удовлетворительно покачал головой, осматривая особняк. – Тут, под спецучастком пятиметровый фундамент. Ты ещё дома не была, пойдем, покажу...

– Алан, – остановила его мать, – мне нужно ещё заехать к тетке, может, посмотрим особняк чуть позже, нам ведь всё равно здесь жить?

Шарлотта натянуто улыбнулась. Выйдя за этот забор, она уж точно никогда в жизни не вернётся обратно. Дикий страх от этого места привел её сознание в ясный ум, и она окончательно поняла, в какое чудовище превратился её сын. Находясь внутри периметра этого ужасного места, Шарлотта осознала, как сама себя обманывала. «Доктор Грэм не вылечил моего сына – он как будто... как будто надел на того маску нормальности, отчего шизофреник, сидящий под этой маской, стал не только более умен и осторожен, но и превратился в государственного служащего, у которого в руках почти безграничная власть. Только Император обладает правом вето на постановления Спектрата. Но именно такой глава Спектрата, как Алан Филипс и нужен был Императору как рычаг давления на викариев, акритскую академию и всех остальных граждан...» – Шарлотта тогда настолько ужаснулась от этой мысли, что у неё пересохло во рту. Алан, внимательно посмотрев на мать, произнес:

– Мама, обещаю, завтра тебя увезут к тёте Клэр. Я сегодня приготовился к новоселью – нас ждет чай, пряники и художественный фильм, как ты думаешь, про кого? – Алан, улыбнувшись, вопросительно посмотрел на Шарлотту.

– Я не знаю, Алан... – в замешательстве проговорила мать.

– Про меня, мама, – Алан улыбнулся ещё шире. – Нам выделили хорошие деньги на культурное просвещение Спектраторов. Некоторые политики заявили о том, что мои люди, якобы, своим поведением в общественных местах наносят урон престижу органов власти. Так вот, Император выделил мне немалую сумму на культурпросвет Спектрата, так что мы теперь снимаем собственное кино и делаем его даже в проекции. Пойдем!

С этими словами он взял мать под ручку и повел её в особняк. Бережно усадив Шарлотту на новый диван, Алан включил проектор. На экране появился логотип Спектрата в виде глаза на вершине пирамиды, а внизу, под логотипом побежала строка: «Одобрено комитетом Цензоров. Ограничений для личного просмотра не имеется. Просмотр рекомендован с 5+».

Фильм назывался коротко и незатейливо – «Опасные джунгли». Голос за кадром сообщил, что эти события основаны на армейских мемуарах славного патриота метрополии – Алана Филипса, главы Спектрата, щита родины. Далее сюжет рассказывал о том, как отряд Филипса в дембельском дозоре нарвался на стаю краснобоких зубаток. Судя по декорациям, бюджет фильма был вполне впечатляющий. Актер, игравший молодого Алана, после того как голыми руками завалил с десятков зубаток, принялся до конца фильма крошить джунгли из крупнокалиберного пулемета. Нет, там была и сюжетная линия, но состояла она в основном из того, что актер – Алан ввязался в неравный бой с зубатками, с целью отвлечь их на себя, пока трое его товарищей спасались бегством. Одна из зубаток оторвала главному герою нижнюю часть туловища и тут же её проглотила. Еще минут десять фильма верхняя половина киношного Алана ползла куда-то, отстреливая последний боекомплект. Когда он вылез на поляну, перемещаясь с помощью одних рук, у него был только нож, который актер – Алан держал в зубах. На полянке лежал ящик с большой красной кнопкой.

Но неожиданно между главным героем и заветным ящиком появилась зубатка. Причем она была раз в пять больше своих сородичей, которые ранее, по сюжету фильма, напали на актера – Алана. Видимо, по задумке сценариста, это была финальная Мега – зубатка. Но то, что случилось дальше, даже Шарлотту, которая была в молодости актрисой и снималась во второсортных телефильмах, привело в состояние величайшего удивления, граничащего с отвращением. Укороченный наполовину актер – Алан закричал: «За империю!» и с помощью одних рук быстро забрался на стоящее рядом дерево, оставляя на его стволе обильные кровавые выделения. Раскачавшись, половина героя прыгнула на Мега – зубатку. Оказавшись у неё на шее, актер – Алан попытался ударить её ножом. Зубатка дернулась, и нож выскользнул из окровавленных рук. Но герой не сдался. Он достал собственную кишку и проворно намотал на шею Мега – зубатки, сделав при этом пару гимнастических кульбитов...

Шарлотта не смогла смотреть дальше этот отвратительный фильм и, отвернувшись, устала в сервант. У неё потемнело в глазах.

– Где тут туалет, – тихо промолвила она.

– Третья дверь слева по коридору, – сказал Алан, не отвлекаясь от просмотра.

Пройдя в туалет, Шарлотта умылась и немного пришла в себя. Она была как будто в каком – то другом – сюрреалистическом мире. Она прекрасно понимала, что мир ничуть не изменился – просто у неё отпали всякие сомнения насчет Алана. «Надо хотя бы выбраться отсюда. Завтра же я покину эту страну». Её единственный сын, второй человек в государстве, являлся безумцем!!! Но самое страшное, что никто ему не мог сказать об этом в лицо... Никто, кроме Орокина, его бывшего друга.

– Мама, у тебя там всё в порядке? – раздался из зала голос Алана.

– Да, да. Сейчас иду...

Вытерев полотенцем лицо, Шарлотта глубоко вздохнула.

– Мама, иди скорее, уже финал, ты всё пропустишь!

Шарлотта покинула уборную и, вернувшись в комнату, села обратно на диван. В финале показывали мертвую Мега– зубатку и ползущего к красной кнопке окровавленного героя. Бесчисленное множество зубаток помельче, окружая верхнее туловище Алана – актера, громко клацали острыми, как бритва, зубами. Ладонь героя опустилась на заветную кнопку, и последовал ядерный взрыв, чья мощь испепелила всё живое в радиусе сорока километров. Далее появилась надпись, озадачившая Шарлотту: **«Спектрат это не образ жизни. Спектрат это образ мыслей»**.

– Ну как? – торжественно спросил Алан, уставившись на мать.

– Я... Я не знаю, Алан, – произнесла Шарлотта и, попытавшись выкинуть сцены с окровавленными кишками из головы, совсем растерялась. – Может, тебе налить чаю?

Улыбка исчезла с лица Алана. Он серьезно посмотрел на мать и спустя мгновение промолвил:

– Мама, с тобой всё в порядке? У тебя какой-то бледный вид. Мы, наверно, не поедим к тётке Клэр, ты явно больна...

«Всё... Всё, ловушка захлопнулась...» Ловушка захлопнулась с таким эффектом, что Шарлотта внезапно для себя разрыдалась.

– Алан, что ты от меня хочешь? – заговорила она, захлебываясь в слезах. – Хочешь знать моё мнение о фильме? Это ужасно, Алан!!! Ты сумасшедший, ты это сам понимаешь?

– Мама, я хочу знать твоё мнение о фильме, – спокойно проговорил Алан. – И давай не будем переходить на личности...

– Да это полный абсурд!!! – прокричала Шарлотта, пребывая в истерике. – Даже твой герой в конце умирает. У тебя что, в мемуарах написано, что ты умер в том дембельском дозоре?

Алан с удивлением посмотрел на мать.

– Да, мама, – спокойно проговорил он. – Там даже есть такие строки: «И он умер... Вернее, просто перестали существовать связи между нейронами... И в этом теле Алана Филиппа возродился солдат империи, который наконец осознал истину того, что он в первую очередь Имперец, а уже потом Алан Филипп!»

Филипп так разулыбался, будто его ответ снял все вопросы.

– Мама, это фильм – метафора, – внезапно его лицо стало серьёзным. – А ведь ты всегда говорила, что читала мои книги... Ты мне лгала?

Шарлотта была в отчаянном положении. Ну раз уж она начала говорить правду, то останавливаться не собиралась.

– Алан, я не осилила и трех страниц этого бреда. Да, я говорила это из уважения к тебе... – рыдая, произнесла она.

Алан нахмурил брови.

– Я всегда подозревал, что ты не лояльна Спектрату, мама. Но я всегда пытался поддерживать те правила игры, которые ты установила в наших отношениях. Но сама – то ты их сейчас нарушаешь... – Алан пристально поглядел на мать. – Ну раз мы прекратили играть в игры, мама, позволь указать тебе на то, что я, как гражданин метрополии, должен сообщить о тебе в тайную канцелярию... И ты сейчас ставишь меня перед трудным выбором: либо ты, либо нарушение присяги, данной Императору...

Алан задумчиво прошел к книжному сканеру и выбрал какую-то книгу. Найдя нужную страницу, он произнес:

– Это гражданский кодекс метрополии. Статья 117.1 гласит: «Гражданин Акриты обязан доложить о «нелояльном лице» в тайную канцелярию». Месяц назад я внес поправку, которая звучит так: «...в тайную канцелярию ЛИБО НАЧАЛЬНИКУ СПЕКТРАТА ЛИЧНО», – Алан внимательно посмотрел на мать. – Я это сделал ради тебя, понимаешь? Эта поправка сняла все противоречия с моим кодексом патриота – я как бы доношу на тебя самому себе. Но к тете Клэр мы завтра точно не поедим – это факт. Ты вообще никогда больше не покинешь это место...

Шарлотта до сих пор помнила те слова... Вначале она тешила себя надеждой на то, что сбежит, или, по крайней мере, сообщит Клэр. Но время шло. Она уже давно сбилась со счета, сколько лет она не покидала этот проклятый периметр...

Однажды Шарлотте всё – таки удалось украсть персональный интегратор сына. Когда она нажала на экран, появилось изображение Алана, который качал головой и произносил фразу: «Мама, это мой интегратор... Ты, наверно, перепутала его со своим, который давно в ремонте». Это взбесило Шарлотту настолько, что она выбежала из особняка и запустила интегратор в стену.

– Чертов ублюдок, – заорала она. – Помогите! Кто-нибудь!?

В ответ на вышке включили гимн Спектрата. Причем сделали такую громкость, что Шарлотта даже сама себя перестала слышать.

Именно тогда она твердо решила убить Алана. И она бы этого обязательно добилась, если бы не тот случай, который сделал Шарлотту инвалидом.

Как – то раз Алан уехал в очередную командировку, приставив к ней солдата, который приносил Шарлотте еду и запирал её на ночь в спальне. Заметив, что на поясе Спектратора висят боевые гранаты, Шарлотта решила пойти на хитрость, попросив Спектратора достать со шкафа коробку с вещами. Когда тот встал на высокий стул и пытался дотянуться до коробки, лежащей на шкафу у самой стены, она успела незаметно снять с его пояса одну из гранат. Шарлотта даже поразило то, с какой ловкостью и решительностью она провернула кражу. Когда Спектратор всё же достал коробку, она, как ни в чем не бывало, поблагодарила его и предложила чаю. Сославшись на инструкции, солдат сухо отказался и покинул периметр, не подозревая о пропаже.

Ликованию Шарлотты не было предела! Доведенная до отчаяния, она уже не считала Алана своим сыном. Она считала его душевнобольным ублюдком, смерть которого сделает этот мир чуточку лучше. «Наконец-то я смогу освободиться из этой благоустроенной тюрьмы, отправив своего главного надзирателя к праотцам. Осталось понять, как устроена эта штука». Отсутствие опыта обращения с подобными вещами совсем не пугало её. Шарлотта больше боялась того, что уже никогда в жизни не сможет выйти за периметр этого проклятого места. Но оружие не прощает дилетантского подхода.

Запертая у себя в комнате, Шарлотта пыталась понять принцип действия гранаты, вертя её у себя в руках. Неожиданно для неё на гранате замигала зеленая лампочка. Шарлотта ещё больше насторожилась, когда зеленый цвет внезапно сменился красным. Не представляя себе, что делать в данной ситуации, она откинула гранату в дальний угол комнаты, после чего последовал взрыв...

...Шарлотта, пребывая в темноте, услышала, что её кто – то зовет. Затем к Шарлотте пришло понимание того, что она видит больничный потолок и Алана, склонившегося над ней. Как только хлопнула дверь, Алан исчез из её поля зрения.

– Доктор Грэм, – Шарлотта услышала голос Алана, – моя мать пролежала около года в коме, вы уверены в том, что она меня слышит?

– Конечно, Алан, – ответил низкий тембр доктора Грэма, – это подтверждают датчики мозговой активности. Она прекрасно вас слышит, но не может вам ответить ввиду того, что речевые и двигательные центры её мозга были повреждены в результате теракта. Её сознание заключено в теле, которое вашей матери, к сожалению, уже не подвластно.

Алан снова появился в поле зрения Шарлотты и произнес:

– Мама, если ты меня слышишь, то знай – террористы были пойманы и получили сроки, с которыми им уже никогда не увидеть свободы. Они понесли справедливое наказание за то, что сделали с тобой. Не переживай, мама, завтра я заберу тебя из этого ужасного места в наш уютный особнячок, который так тебе нравился.

Если бы Шарлотта могла говорить, она бы истерично засмеялась. Теперь она навсегда станет безмолвным свидетелем безумия своего сына...

...Громкий голос художника Делакруа вернул старушку из жутких воспоминаний в не менее жуткую реальность. Она безучастно наблюдала, как художник испуганно смотрит на Алана, облаченного в окровавленный фартук и перчатки.

– Господин Филипс, на сегодня моя работа выполнена.

– Отлично, мсьё Делакруа! – Алан поднялся с дивана и подошел к треноге. – Мама, ты хочешь посмотреть эскиз?

Старушка смотрела в одну точку, сидя в инвалидном кресле рядом с диваном.

– Нет, она не хочет этого, – подытожил Алан. – Если бы хотела, она бы дернула рукой.

Проводив художника до ворот, Алан произнес:

– Тогда до следующей пятницы, Делакруа!

Таких пятниц было ещё три. Художник старался как можно деликатнее и быстрее закончить все встречи с этим человеком. На третью пятницу его нервы не выдержали, и он решил, не вдаваясь в детализацию интерьера, на который уходило немало времени, закрасить красной краской эти места. В один момент он даже, было, испугался, так как складывалось впечатление, что герои картины живут на скотобойне.

– Всё, работа закончена, – торжественно произнес Делакруа, с опаской поглядывая в сторону Филипса.

Алан, посмотрев на работу, воскликнул:

– Да вы чертов гений, Делакруа! Мама, этого художника я буду советовать всем своим друзьям!

Художник тогда даже улыбнулся. Улыбнулся не потому, что был признан его неоспоримый гений, а потому, что этот человек заговорил о друзьях. «Какие же могут быть друзья у этого человека?»

* * *

Художник Делакруа, собрав свои принадлежности, с помощью которых он рисовал портрет Николаса Вайса, вдруг вспомнил, как при первом знакомстве с главнокомандующим тот сказал: «Вас мне посоветовал один мой друг...» «В следующий раз, – подумал художник, – нужно будет спрашивать имена друзей, перед тем как брать предоплату».

Упаковав кисти, Делакруа прихватил остальной скарб и вышел в коридор, закрыв за собою двери на замок. Посмотрев на ключ в руках, он вспомнил, что его нужно отдать сек-

ретарю Вайса – прекрасной Агнес. Взяв под мышку треногу, мсье Делакруа неспешно пошел, разглядывая узорчатые потолки военного министерства.

Когда художник приблизился к столу, за которым сидела Агнес, он положил перед ней ключи и, украдкой посмотрев на глубокий вырез в районе декольте секретарши, включил всё своё обаяние.

– Агнес, вы великолепны, – томно протянул Делакруа и вдруг зажмурил глаза, изображая боль. – Ой!

Агнес, молодая красивая женщина, привстала и с ноткой беспокойства в голосе спросила:

– Мсье Делакруа, с вами всё в порядке?

– Да... – прошептал художник и, открыв глаза, улыбнулся. – Просто ваша красота настолько ослепительна, что я не могу смотреть на неё невооруженным глазом...

– Мсье, а вы... хулиган, – кокетливо произнесла Агнес и присела обратно на стул.

Делакруа, сначала изобразив на лице удивление, затем как будто что-то вспомнил.

– Кстати, я сейчас работаю над одним интересным проектом, не желаете поучаствовать в моём творчестве в качестве натурщицы?

Агнес, облокотившись на стол, положила свой изящный подбородок на внешнюю сторону ладоней и одарила художника неотразимой улыбкой.

– К сожалению, мсье, кодекс государственного служащего не позволяет мне...

– Мсье Делакруа! – Чей – то низкий голос, внезапно раздавшийся за спиной художника, прервал Агнес. – Надо же, какая встреча!

Делакруа обернулся и увидел стоящего за собой Алана Филипса. Немного сникнув, он всё же улыбнулся и присел в реверансе.

– Бросьте эти ужимки, Делакруа, я вам не Агнес! – Алан улыбнулся. – Знаете, я повесил вашу картину в спальне мамы. Картина ей очень нравится. Кстати, она передавала вам привет...

Когда художник вспомнил тот сюжет, в котором фигурировало упомянутое Филиппом полотно, Делакруа посмотрел на часы и быстро затараторил:

– Ой, извините, меня ждет очередной заказчик. С удовольствием поболтал бы с вами, сударь, но, знаете, видимо, не судьба...

– Так я вам могу прислать приглашение в Спектрат. Мы с вами обстоятельно там и побеседуем. Может, как надумаете, я пришлю за вами машину?

– Нет, спасибо, я как с работой разберусь, обязательно приеду сам... – натянуто улыбнулся Делакруа. – Извините...

Поцеловав ручку Агнес, художник поклонился и стремительно последовал на выход. Филипс, провожая взглядом удаляющегося Делакруа, негромко спросил у секретарши:

– Он у себя?

– Да.

– Кто-нибудь заходил к нему?

– Он два часа позировал мсье Делакруа, а потом взял у меня имперский бланк и заперся в кабинете. Далее, к нему заходил хранитель печатей, и они о чем – то разговаривали. Потом хранитель ушёл. Это всё.

Филипп, посмотрев куда-то в сторону, тихо произнес:

– Хорошо, Агнес. Давайте побыстрее узнаем, что нам приготовил господин Вайс.

Секретарша послушно сообщила своему начальнику, что пришел господин Филипс.

Когда Алан вошел в кабинет, Вайс встретил его у дверей, крепко пожал ему руку и усадил на кожаный диван.

– Чего-нибудь изволите? – услужливо поинтересовался Николас.

– Не откажусь от кофе. Подсел на него во время службы.

Вайс с пониманием кивнул и, нажав кнопку, произнес:

– Агнес, сделайте пару кружек кофе, пожалуйста...

Свой длинный монолог Вайс начал с хвалебных речей в адрес Филиппа. У Алана уже давно выработался иммунитет к лести, поэтому он с безразличием слушал Николаса, который, тем не менее, смог заинтересовать Алана упоминанием о том, что был одним из членов комитета Цензоров на премьере фильма «Опасные джунгли».

– Да!? – удивился Филипп. – Ну и как вам фильм?

Вайс посмотрел в окно и, используя актерское мастерство, произнес:

– Шедеврально! Не скрою, это лучшая картина, которую я смотрел за последнее время. Спецэффекты просто потрясающие, сложилось впечатление, что ваш герой выкосил половину джунглей из МГ-435. Я наслаждался каждой минутой той премьеры. Замысел просто грандиозен!

– А как вам концовка? Вас не удивило, что в фильме тот Алан погибает? – с большим любопытством спросил Филипп.

– Да это же метафора!!! – в исступлении произнес Вайс. – Кроме того, нельзя останавливаться, нужно обязательно снимать продолжение этой грандиозной эпопеи!

– Да!? – удивленно произнес Филипп. – И как вы это видите?

– Ну, к примеру... – задумался Николас и тут же сделал вид, как будто его озарила приличная идея. – К примеру, после финального ядерного взрыва армейская медицина собирает главного героя по кусочкам, и он выкашивает вторую половину джунглей...

– Ха, – внезапно воскликнул Филипп, – вы мне нравитесь, Николас! Раньше у меня по поводу вас были кое-какие сомнения, когда вы подсадили Императора на наркоту...

Лицо Вайса приняло серьёзный вид.

– О чем вы? – медленно спросил он, хмуря тонкие брови.

– О чем я? – Филипп усмехнулся. – О том лекарстве, что вы привезли из Даутсона...

– Позвольте, вы явно что-то путаете, господин Филипп! – настойчиво произнес Вайс. – Проксицин есть в перечне разрешенных обезболивающих...

Филипп, поправив очки, внимательно посмотрел в глаза Вайсу.

– Прекратите, Николас, а то я могу выйти из себя, – решительно заявил Алан. – Думаете, я не в курсе, что вы по выходным играете в крикет с председателем комитета, который регулирует этот перечень? У меня такая работа – за всех всё знать, понимаете? Я даже знаю, как Император был недоволен выбором Луизы, когда она сообщила ему о помолвке с вами. Император сначала не доверял вам, так как вы были дальним родственником Тиберия, которого он, я и Орокин низложили с престола, основав затем Триумвират. Мартин даже собирался отправить вас в самую горячую точку южноамериканского континента, как он сам тогда говорил, «чтобы белый пирожок немного подрумянился». Но слёзы Луизы оставили вас служить в канцелярии при штабе, где вы быстро освоили науку интриг. Когда же у вас родились близняшки Анна и Кати, ваша карьера стремительно пошла в гору. Император принял вас в семью, а вы нагадили ему прямо в протез...

Дверь скрипнула, и на пороге появилась стеклянная тележка, на которой стояли две чашки кофе. Вайс смотрел, как Агнес подходит к дивану, но мысли его были заняты не этим... Он был в растерянности... Нет, он даже пребывал в каком – то отчаянии. Всё явно пошло по незапланированному сценарию. Как он, оказывается, плохо знал Филиппа и наивно полагал, что сможет легко «прикрутить» его голос в Сенате за свою кандидатуру после смерти Императора... А тут сам Филипп скатал его в пластилиновый ком и делал из него посмешище... «Нет, он не просто «Мясник», как некоторые думают. Этот тип довольно умен, и шутить с ним не следовало. Хоть Спектрат и не трогал особ императорской семьи, но всё же...»

– Извините, – произнесла Агнес и захлопнула за собой дверь.

Взяв со столика чашку, Филипп продолжил:

– Поначалу я всё думал, зачем вам всё это нужно? Не в том смысле, зачем вам нужна власть, а в том, для каких целей? Поначалу, из – за ваших корней я подозревал, что вы враждебный элемент, который, придя к власти, разрушит скрепы метрополии. Но как я выяснил, вы просто пользуетесь болезненным состоянием Императора, который порою не смотрит даже те документы, которые подписывает. Подрабатывая по совместительству лоббистом крупных промышленников, вы имеете хороший доход, Николас. Скажу вам откровенно – я не против этого, так как любой крупный чиновник, имея доступ к телу Самого, сделал бы то же самое. Но меня больше беспокоит моё будущее, чем ваше... Император медленно, но верно угасает. Проблема в том, что его разум угасает гораздо быстрее, чем тело. И сюжет, произошедший в Сенате две недели тому назад, лишнее тому подтверждение. Во избежание государственного коллапса, я предлагаю вам подумать о том, как избавиться от тестя побыстрее, причем без лишнего шума. На интронизации вы получите мой голос, будьте в этом уверены. Вы настоящий патриот, и я уверен, мы с вами в дальнейшем найдем общий язык. Тем более что сейчас вы мне пообещаете переназначить мою кандидатуру главой Спектрата, когда вас выберут...

Вайс даже немного опешил от такой откровенности. «Иметь такого союзника не только желательно, но и крайне необходимо».

– А почему вы так уверены в том, что я сдержу своё обещание? – задумчиво произнес Вайс.

Филипс поправил очки и усмехнулся.

– Да потому, что всё ваше влияние базируется не на вашем авторитете, а на авторитете Императора. Свой авторитет нужно для начала заработать, а в этом вам может помочь только Спектрат, который в случае моей отставки рассыплется как карточный домик – я об этом позабочусь, будьте уверены. Без меня у вас не будет рычага управления этим государством, и вы станете откровенно слабой политической фигурой, которую в скором времени уберут с акритской шахматной доски... – Алан сделал глоток кофе и посмотрел на Вайса.

Вайс конечно огорчился низкой оценкой своей персоны, но вида не подал. Он, наоборот, широко улыбнулся и, протянув Алану руку, произнес:

– Конечно, я гарантирую вам ваше будущее переназначение. Очень рад, мистер Филипс, что эта встреча состоялась, и мы пришли к полному взаимопониманию в наших отношениях...

– Интересы Империи превыше всего, – многозначительно произнес Филипс и крепко пожал Вайсу руку.

– Кстати, по поводу интересов Империи... – произнес Николас, будто что-то вспомнив. – Вам ведь знаком Альберт Прайс?

– Мне он достаточно известен, но зачем вы спрашиваете?

– Я знаю, какую головоломку вы решаете, – ответил Николас Вайс. – Император поделился ею со мной. Недавно я сообщил командору флага Гектору Джонсу о том, что «Гиперион Прайм» отправится в патруль на тихоокеанское побережье, а после встанет на верфи Эритеи для прохождения планового технического осмотра. Услышав это, Джонс обрадовался и сообщил мне, что заодно посетит на Эритее свою двоюродную тетку Эву, которую он давно не видел. Так вот, Алан, Эва является женой Альберта Прайса и проживает с ним в одном особняке. Возможно, вы захотите использовать эту информацию в наших общих интересах, чтобы угодить Императору, уходящему на покой.

– Интересно, я над этим обязательно подумаю, – произнес Алан Филипс, задумчиво покачивая головой.

* * *

Да, Альберт Прайс был очень хорошо знаком Филипсу. По представлению самого Алана, Альберт Прайс являлся хорошо законспирированным агентом Кайпианского союза, кото-

рого давно бы следовало убрать. Но публичная расправа была невозможна по причине того, что Прайс был весьма весомой общественной фигурой, за которой стояло множество военных.

В период, когда, согласно официальной исторической доктрине, Восьмой Император Тиберий предал армию и интересы империи, Альберт Прайс был командующим военным контингентом акритской армии в Южной Америке. Тогда военные оказались в весьма тяжелой ситуации в связи с тем, что Тиберий в четыре раза сократил расходы на военные нужды. Это привело к тому, что компанию в Южной Америке решили свернуть, а армейский контингент расформировать, причем, не оплатив даже программу эвакуации.

Представьте, что солдат, находящийся на далеком форпосте, отстреливается от хищной фауны, которая смотрит на него как на добычу. Он с нетерпением ждёт подмоги, так как двух его сослуживцев уже растерзали какие – то твари. И он, усталый и измотанный, не спавший трое суток, получает на интегратор следующее сообщение:

«Здравствуйте, военнотружущий! Согласно п. п. 5 контракта, Акритское правительство имеет право в одностороннем порядке расторгнуть свои соглашения до истечения срока контракта. С момента прочтения этого сообщения вы становитесь гражданским лицом. Правительство в течение трех месяцев выполнит оплату задолженности перед вами. Спасибо за службу, гражданин!»

И всё... Ты буквально в один миг оказываешься гражданским, который должен покинуть оккупированную территорию. Причем, сам. «И на свои, блять, денюжки, которое правительство тебе даже ещё не заплатило!» – примерно так думала половина военных, в то время как другая думала о том, что это либо компьютерный вирус, либо, на худой конец, чья – то злая шутка. Бюрократы кинули их в джунглях, сведя дебет с кредитом.

Брошенные своим правительством военные, тем не менее, приспособились к новым условиям, благодаря Прайсу, вернее его связям в Южной Америке и предпринимательскому таланту. Именно Альберт поспособствовал созданию крупнейшего наркосиндиката этого континента, собрав двадцать четыре крупных наркоторговца в местечке под названием Лития...

Разношерстные бандоганы сидели на старой военной технике, когда к ним вышел рослый, одетый в чистый камуфляж военный, в сопровождении двух солдат. На его голове была кепка цвета хаки с большим вытянутым козырьком. Характерной чертой Прайса были черные ухоженные усы и большие черные очки, с которыми он практически никогда не расставался.

Посмотрев на собравшихся обезоруженных наркоторговцев, окруженных группой его солдат, Прайс вынул сигару из кармана, зубами оторвал кончик и вставил в рот. Солдат, стоявший рядом, немедленно воспользовался зажигалкой и поднес пламя к сигаре. Затянувшись, человек в очках выпустил клубы табачного дыма.

– Господа, разрешите представиться – Альберт Прайс, – произнес человек с сигарой, разглядывая собравшихся наркоторговцев, многие из которых попали сюда под конвоем военных. – Некоторые из присутствующих здесь знают меня как человека ответственного, человека, так сказать, с репутацией. Так как правительство отказалось от оплаты наших расходов, я, как командующий вооруженным контингентом акритской армии в Южной Америке, объявляю вам следующее. Из государственной структуры армия под моим командованием превратилась в военную корпорацию с частным капиталом. Я являюсь председателем совета директоров и имею пятьдесят процентов акций плюс одна, что даёт мне единоличное право определять всю дальнейшую политику корпорации.

Господа, хочу сделать акцент на том, что только ввиду особых обстоятельств я предлагаю вам стать членами моей организации, которая всех нас сделает баснословно богатыми. Это лучшие инвестиционные возможности, которые вам может предоставить рынок сегодня. С вас вступительный взнос, и вы попали в пул избранных!

Наркоторговцы переглянулись. Один из них посмотрел на автоматы солдат, направленные в их сторону, но всё же спросил:

– Ты нам, что, предлагаешь официальную «крышу»?

Прайс усмехнулся, выпуская клубы густого дыма из ноздрей. Поправив кепку, он произнес:

– Нет, сынок. Это раньше я предлагал вам крышу, теперь я вам предлагаю рынки... инфраструктуру, понимаете? Раньше вы, получив товар в своих лабораториях, пытались толкнуть его либо местному населению, дёсны которого и без того забиты кокой, либо корабейникам с севера... Да, среди вас есть и те, кто толкал это дерьмо на другие континенты небольшими суденышками, которые частенько не могли переплыть и пол океана. Я же предлагаю вам сосредоточиться на сборе сырья и процессе производства, стремясь тем самым к увеличению объёмов продукта, понимаете? Рынки и безопасность – это моя работа. Кроме того, мы сможем легализовать ваши богатства, хранящиеся в драгметаллах и камнях в денежной системе Акритской метрополии. Это даст вам возможность побыть в этой жизни заслуженными пенсионерами, господа...

Один из бандитов, сидевших на старом танке, прыгнул на землю и спросил:

– Мистер Прайс, давайте перейдем к вопросу о взносе... Назовите цену...

– Один миллион четыреста тысяч акритских долларов золотом или камнями по курсу Акритской биржи расчетами на завтра, с каждого, – произнес Прайс.

Вдруг один из присутствующих бандитов громко рассмеялся.

– Так, – внезапно распорядился Прайс, снимая небольшую телескопическую дубинку с пояса. – Приведите ко мне этого ублюдка, который вздумал смеяться в то время, когда мои люди брошены среди этих ёбанных джунглей своим ёбанным правительством и испытывают большие тяготы...

Солдаты моментально уронили на пол весельчака и, заломив ему руки, подтащили к Прайсу. Тот, расправив металлическую дубинку, принялся молотить ей по голове стоящего на коленях человека, приговаривая:

– Я тут вам, блять, не лектор, а это, блять, не лекторий, сынок. Там мои люди, – Прайс показал куда-то в джунгли окровавленной дубинкой, – умирают за Империю, выцарапывая врагу глаза. А знаешь, почему они это делают, ёбанный хохотун? Потому что их боезапас давно уже закончился, а я всё торгуюсь с каким – то хуесосом, который, видимо, решил тут, блять, что я какой-то забавный клоун...

Вытерев и сложив дубинку, он, далее, поклялся остальным присутствующим, «что вышерстит крылатыми ракетами все нарколаборатории, укрывшиеся в горах». Но наркоторговцев больше всего беспокоило бездыханное тело их коллеги, лицо которого превратилось в кровавую кашу. Конечно, они пошли на сделку, необходимость которой наглядно выразилась...

Самый интересный момент в этой истории заключался в том, что Прайс блефовал... Да, он блефовал, но был уверен в том, что это сработает... У него уже не было ни крылатых ракет, ни армии за плечами. Его коды доступа к вооружению были аннулированы – он, как и все военные в Южной Америке, стал гражданским лицом, но, тем не менее, Альберт не упустил случая воспользоваться ситуацией.

Генштаб решил, что расходы на эвакуацию армейского имущества будут больше стоимости самого имущества, поэтому генералитет вывез только стратегические наступательные вооружения и корабли воздушного флота, которые были на ходу.

Совместно с единомышленниками, которые были у Прайса под началом, он де-факто приватизировал военное имущество, брошенное в Южной Америке. Но для содержания этого имущества нужны были люди и ресурсы. У Альберта была предпринимательская жилка – он понял, как можно с умом использовать армейские активы, но нужен был стартовый капитал, чтобы удержать профессиональных военных на объектах и отремонтировать брошенные суда.

Собрав взносы с наркоторговцев, он организовал частную военную корпорацию на базе брошенных военных активов метрополии. Корпорация Прайса, получившая название «Меридиан», стала оказывать различные услуги – от охраны собственности граждан метрополии на южном континенте, до заказных убийств на всей территории земного шара. Но главным источником дохода стал кокаин и опиум.

Военные, которых выкинули со службы до истечения пятилетнего контракта, не получали на родине никаких привилегий, поэтому многие из них подписали контракт с организацией Прайса. Со временем корпорация стала настолько богата, что при определенных обстоятельствах собственными силами смогла бы выбить из Антарктиды союзников, которые на тот момент уже вовсю осваивали нетронутые ресурсы этого континента.

В самой метрополии об Альберте Прайсе говорили с большим уважением, особенно в военных кругах. Говорили, что на собственные сбережения Прайс организовал эвакуацию солдат с дальних рубежей, что соответствовало истине лишь отчасти, так как показательные эвакуационные рейды были проведены лишь для улучшения имиджа и легализации прав корпорации на военное имущество, брошенное армией. Тиберий распорядился не поднимать вопрос об активах, дабы не провоцировать повышение градуса возмущения в среде бывших военных, с которыми родина и так несправедливо обошлась. Пусть лучше граждане Акрита управляют этими активами, рассуждал Тиберий, чем какие-нибудь южноамериканские революционеры. Кроме того, Восьмой Император планировал урезать пенсионные выплаты ветеранам, что и так должно было создать определённые проблемы.

Альберт Прайс поддержал свержение Тиберия, получив от заговорщиков обещание, что те не поднимут вопрос об имуществе его корпорации. Но Мартин Вуд, ставший впоследствии Императором, нарушил клятву. Вернее, он её юридически обошёл, запустив в СМИ скандал о том, что «Меридиан» причастен к сбыту наркотиков на территории Акритской метрополии. На фоне этого скандала Прайс, проживавший тогда с родными в Даутсоне, закулисно решил с властями вопрос о том, что в обмен на почетный и заслуженный покой он, как владелец ста процентов акций «Меридиана», передаст управление организацией Николасу Вайсу, зятю Императора Вуда.

Однако военные всё равно нуждались в связях Прайса в северной Евразии – крупнейшем рынке сбыта наркотиков, поэтому он продолжал иметь неформальный вес в среде военных. Со временем правительство выкупило у Прайса его контрольный пакет за половину рыночной стоимости, приобретая себе силу для броска на Антарктику. Но и этих денег Прайсу хватило, чтобы стать неслыханно богатым. Он стал вести праздную обеспеченную жизнь богатого пенсионера, склонного эпатировать публику своими интервью в различных СМИ.

Но, очутившись в Эритее, Альберт стал вдруг замкнутым и перестал появляться в прессе, отчего стал ещё более медийной фигурой. В высшем свете поговаривали, что он свихнулся. Говорили, что однажды, на одном научном симпозиуме, посвященном истории Акритской метрополии, этот, уже весьма пожилой мужчина, встал и произнес:

– Это всё чушь. И вы, – он тогда громко обратился к залу, – всё это знаете, но делаете вид, что это не так.

Тогда Прайс молча покинул зал, сопровождаемый немymi взорами.

Но главной антигосударственной выходкой, по мнению Филиппа, стало то, что Альберт Прайс вызвался защищать Георга Кантора. Тогда он произнес крамольную речь, опорочив имя Императора Мартина Вуда...

Георг Кантор являлся одним из основателей и активистов профсоюзного ветеранского движения, которое при нём обрело заметное политическое влияние. Многим бывшим военным, ушедшим на гражданку, Спектрат не особо нравился за то, что они творили с собственным населением. Собравшись под знамёна профсоюза ветеранов, который щедро финансировался Альбертом Прайсом, они довольно организованно противостояли Спектрату. Членом

профсоюза ветеранов мог стать гражданин Акритской метрополии, имеющий два завершённых армейских контракта. Если член профсоюза попадал в лапы Спектрата, то задействовались различные закулисные рычаги, вплоть до угроз организованно выйти на улицы с оружием в руках.

Обаятельный и остроумный, Георг всегда уделял внимание людям, независимо от чина и звания. Какая – то харизма была у него в глазах. «Этакий народный герой», – как думал про него Император. Но в один прекрасный момент, видимо, почувствовав почву под ногами, Кантор сменил общую риторику на критику правительства, которое назначал сам Император. Мартин Вуд не простил это «народному любимцу» и очень обрадовался, когда Филипс доложил ему о том, что есть информация, полученная из достоверных источников, о причастности Георга Кантора к основателям «Седьмой печати». Более того, достоверный источник через месяц сообщил о том, что Кантор вообще является лидером «Седьмой печати», и якобы у него имеется легендарный кристалл Квинта, который Георг приобрёл у Эсмонда Мортиса, возглавлявшего в то время преступное сообщество Эрители.

Кристалл Квинта, по мнению Филипса, должен был идеально лечь в основу обвинения в измене Империи. Император, заверенный Аланом в том, что информация полностью достоверна, отдал приказ на тайный арест и экстрадицию на Акрит этого вольнодумца из Эрители. Спектраторы, подключив семью викария ДиАнжело, чётко исполнили приказ, схватив Кантора в его горном имении, где также был найден и кристалл Квинта. Император тогда был вне себя от радости и даже позабыл про боли в позвоночнике, которые не давали ему спать весь последний месяц.

Но когда начался судебный процесс, выяснилось, что кристалл Квинта – фальшивка. Более того, один из трех арестованных сподвижников Кантора на суде признался, что оговорил Георга под пытками Спектрата. Прокурор, дабы придать кристаллу юридическую силу, привлёк в качестве свидетеля обвинения чернокожего заключенного из ЛСА–12 (лагеря социальной адаптации) по имени Эсмонд Мортис. Тот пояснил, что перед своим арестом продал Кантору кристалл Квинта, который его люди нашли в каких – то развалинах в долине Горного ручья. В общем, обвинение строилось, по сути, из надуманных и додуманных самим прокурором идей и показаний сомнительных свидетелей, поэтому для переполненного зала Цитадели Закона не стало сюрпризом, когда Георг Кантор официально заявил отвод прокурору и судье.

Но Император решил идти ва-банк и кинуть вызов профсоюзу ветеранов. Оправдание Георга Кантора, по мнению Императора, было бы равносильно тому, чтобы расписаться в своём бессилии и потерять контроль над Империей, экономика которой страдала от чрезмерных расходов на военные нужды. Он решил, несмотря на абсурдность судебного процесса, всё же казнить Георга. По мнению Вуда, в случае оправдательного приговора викарии бы почувствовали, что могут «немного самостоятельнее» распоряжаться финансовыми потоками, что привело бы к экономическому краху Акритской метрополии...

Главный судья Брэндон Льюис уже знал окончательный вердикт, который вынес за кулисами Император, однако вынужден был соблюдать процессуальные нормы. Судья, обратившись к переполненному залу, произнёс:

– Есть ли желающие высказаться в защиту Георга Кантора, обвиняемого в государственной измене?

С первого ряда встал пожилой человек в армейском кителе.

Китель был украшен орденами и медалями, а под золотистым генеральским погоном лежал свёрнутый чёрный берет. Голова старика была гладко выбрита, а на глаза были надеты темные очки. Его седые усы были тщательно ухожены, да и он сам вполне хорошо выглядел для своих лет. «Такой, мощный старик», – подумал тогда Император, наблюдая, как Альберт Прайс уверенной походкой взошёл на трибуну.

– Представьтесь для начала, – промолвил главный Судья, разглядывая какие – то документы.

– Альберт Прайс... Полное имя Альберт Марс Прайс...

– Чем занимаетесь, мистер Прайс?

– Я... – Альберт на секунду задумался. – Я заслуженный пенсионер...

По залу прокатились смешки.

– Я понимаю, что вы пенсионер, – произнёс Брэндон Льюис, одетый в чёрную мантию. – Чем вы занимаетесь на пенсии?

Услышав вопрос, Прайс комично повернулся в сторону Судьи, выразив полное удивление. Посмотрев в зал, он громко произнёс:

– Ну, я иногда сажусь в кресло и качаюсь... Иногда моя жена укрывает мне колени шерстяным пледом и ставит передо мной тазик с тонизирующими лекарствами для моих больных ног... Ещё я, когда позволяет здоровье, ловлю горную форель на личинки песчаного жука...

Зал, понимая сарказм, сказанный Прайсом, вновь засмеялся. Главный Судья заколотил молоточком, призывая присутствующих в зале к спокойствию.

– Прекратите! Это Цитадель Закона, а не шапито! – вскричал в ярости Брэндон Льюис. – Защитник, прекратите ломать комедию перед уважаемой публикой!

– Так вы первые устроили этот балаган с «охотой на ведьм», – обратился к Судье Прайс. – Вы схватили ни в чём неповинного человека, разыграли какой-то фарс и сейчас попытаетесь отправить его на виселицу. Прежде чем это сделать с одним из нас, просчитайте политические последствия своих решений, господа...

– Это вздор! – вскричал Брэндон Льюис, вскочив со своего судейского кресла. – Спектраторы, выведите этого шантажиста из зала!

Четыре Спектратора двинулись к трибуне. В ответ примерно половина зала встала, молча выражая Прайсу поддержку. Атмосфера накалилась до предела. Встали в основном члены профсоюза ветеранов, которые легко могли повернуть историю метрополии в данное время и в данном месте. Император прекрасно это понимал. Пытаясь разрядить обстановку, он произнёс:

– Стойте! – Спектраторы, услышав голос Императора, послушно остановились. – Дайте истинному слуге Империи, который поддержал свержение Тиберия Предателя, выговориться...

Спектраторы последовали на своё место, зал сел, а Судья громко произнёс:

– Альберт Прайс, у вас есть десять минут, чтобы высказаться в защиту обвиняемого Георга Кантора.

Альберт, осмотрев зал сквозь тёмные очки, бодрым тоном произнёс:

– Моя речь будет в форме монолога с Императором, который клялся нам, ветеранам, в том, что он до конца жизни будет следовать нашим идеалам. Но наши идеалы, Ваше Императорское Величество, не вяжутся с тем, что здесь сейчас происходит. Этот унижительный процесс над нашим братом Георгом – сигнал нам всем, что наш бывший боевой товарищ и просто славный парень Мартин Вуд полностью растворился в личине Императора... Мы его потеряли... – Альберт на мгновение замолчал и перевел взгляд с Мартина на сидящих в зале людей. – Господа, Император уже решил, что Георг Кантор умрёт... Вердикт определён. Уже неважно, какое мнение выразят ветераны в моём лице... Важно лишь то, что безумие Императора выливается в тёмных делах Спектрата, от которого страдают не только наши близкие, но и все граждане метрополии, которых мы, давая армейскую присягу, обязались защищать.

Мартин, неужели ты не видишь, какими грязными методами вершится твоя политика? Мы устали жить как беженцы в своей стране, за которую мы воевали. Да, у нас хорошие пенсии, а у некоторых есть даже частичная медицинская страховка... Но у нас нет абсолютно никаких

прав. Даже для того, чтобы нам просто собраться вместе, мы должны согласовать кучу никому не нужных разрешающих документов у твоих бюрократов. Дошло уже до того, что собрание более пяти членов профсоюза ветеранов в одном месте без разрешительных документов расценивается как попытка митинга в неполюженном месте. Спектраторы хватают людей в баре, когда те приятно проводят совместное общение, попивая пиво. Пока это подпадает под административный кодекс и карается штрафами. Но что будет дальше, Мартин? Дальше, когда твой назначенец – Судья Брэндон Льюис вынесет вердикт, который тебе нужно будет лишь заверить своей печатью?

Казнь Георга станет отправной точкой крушения твоей власти. Придут в движение те слои общества, которые не только осознают хрупкость своего положения, но и не побоятся посмотреть в глаза смерти. Они заявят на улицах о твоих нелегитимных правах на власть. Причём заявят, основываясь не на данных о Паноптикуме, содержащихся в кристалле Квинта, а сделают это на основании полученного опыта общения с властью... Одумайся, Мартин... Это проигрышный вариант...

Но Император не только не считал такой вариант проигрышным, но и видел потенциальный политический капитал, который можно извлечь из этой затеи. Да, эта затея была довольно неказиста и авантюрна из – за отсутствия прямых улик причастности Кантора к «Седьмой печати», но партия уже была разыграна.

После суда, когда Брэндон Льюис озвучил свой вердикт об отправке Кантора и его сподвижников на виселицу, Император разнёс в пух и прах Алана Филиписа, дававшего ему гарантию на достоверность источника информации. В дальнейшем Филипис выяснил, что источник действительно не врал. Дело в том, что отпрыск викария Эрители – Томас ДиАнжело, участвовавший со своими людьми в аресте Георга Кантора, подменил настоящий кристалл Квинта фальшивкой, надеясь на этом хорошо подзаработать, чтобы расплатиться по карточным долгам. Информация о Томасе, который толкал легендарный артефакт на черных рынках Акрита, быстро попала в аналитический центр Спектрата, а оттуда – Императору. Император рассчитался за политические риски, возросшие благодаря необдуманному поступку Томаса, казнью его отца и конфискацией имущества семейства ДиАнжело в пользу государства.

Но Император не удовлетворился казнью Георга. Взбешённый речью его защитника – Альберта Прайса, он был готов задушить последнего голыми руками. Но на суде он сдержался, ибо прекрасно понимал, что задушенный перед камерами Прайс станет толчком к гражданской войне, которую Император предпочёл не допускать при любом раскладе. У ветеранов в действующих войсках были крепкие связи, так что императорской опрличнине придётся иметь дело не с кучкой городских маргиналов, вооруженных винтовками и бегущими в неразберихе по улицам Акрита, а с хорошо укомплектованной частью акритской армии, опыт которой получен в реальных локальных конфликтах. Какая именно часть перестанет в этом случае быть лояльной императорской фамилии, Император плохо понимал, поэтому старался обеспечить нужный уровень лояльности хорошими финансовыми вливаниями. Но финансовые ресурсы государства в связи с расширением горизонта боевых действий в Антарктике начали стремительно сокращаться. Сократились, соответственно, и возможности Императора.

Именно поэтому Мартин Вуд запретил главе Спектрата устраивать любые разборки с ветеранами в публичной сфере, но тайно приказал Алану Филипису по – тихому расправиться с «кошельком профсоюза ветеранов» – Альбертом Прайсом.

– И не наследите, – сказал напоследок Император Филипису, – сделайте это тихо, ни один след не должен привести к нам, Алан, иначе люди могут выйти на улицы...

Глава 7. Анна и Кати

Рамина, сопровождаемая доктором Грэмом, ехала в шикарном лимузине, с интересом разглядывая улицы и здания Акрита. Уже прошло полтора месяца с тех пор, как она начала процедуру разморозки инфицированных тел. Это был довольно длительный процесс, так как мгновенный переход тела в другое состояние привел бы к потере жизненных функций.

Все это время она проживала в апартаментах, расположенных на верхнем этаже здания, многоуровневые подвалы которого занимала лаборатория доктора Грэма. На вопрос о том, не является ли это нарушением норм безопасности, Зигфрид пояснил, что оборудование, способное вывести тела из ультранизких температур, имеется только здесь. Ввиду того, что страна ведет кровопролитные бои на всём земном шаре, и денег на медицину выделяется немного, лучшие образцы медицинского оборудования есть только в частном секторе услуг, которые, собственно говоря, Зигфрид Грэм и предоставлял.

– Частно – государственное партнерство, – пояснил тогда Грэм. – Мне платят из бюджета, а я провожу исследования... У меня был, так сказать, опыт работы на удаленной местности с органическими материалами, но я не смог этого вынести. Понимаете, Рамина, когда на вас падают мины, а сквозняки от пуль в стенах сдувают опытные образцы с чашки Петри, я начинаю думать, а не покроюсь ли я этим тропическим геморроем на следующий день. Это, знаете ли, очень мешает сосредоточиться на работе. Так что лучше работать здесь в безопасности, тем более нет времени на все эти нормативы...

– То есть, вы ставите свою жизнь выше жизней миллионов своих сограждан? – с удивлением спросила Рамина.

– Ни в коем случае, коллега! О согражданах я позаботился, оплатив крупный счет за систему безопасности, которая может отследить бактерию на всех уровнях подвала. Да, мельчайшей бактерии мы можем присвоить номер и отследить её происхождение. Наши ИТ ресурсы позволяют контролировать миллиардные колонии бактерий, – с восклицанием произнес Грэм.

Сказанное доктором несколько не удивило Рамину. Подобные системы у неё на родине были обязательным элементом каждой лаборатории... Каждой... «Видимо, медицина метрополии отставала от медицины Кайпианского союза».

Когда лимузин остановился, Рамина обратила внимание на большое конусное здание, удачно сочетающееся со сложной композицией каких – то разноцветных кубов, полупрозрачные стены которых отражали блики солнечного света. Сидевший на соседнем сиденье доктор Грэм пытался пальцами выловить вишенку из бокала, не обращая никакого внимания на толпу зевак, собравшихся у красной дорожки, которая вела к развлекательному комплексу. Зигфрид был уже изрядно пьян, поэтому его пухлые пальцы застряли в фужере. Заметив, что Рамина смотрит, как он пытается выйти из этой неловкой ситуации, доктор Грэм произнес:

– Вам нравится?

– Что, простите? – не поняла вопроса Рамина.

– Город. Вам нравится город, коллега? – Грэм продолжал с невозмутимым видом решать шарату с фужером.

– А, город, – ответила Рамина, закивав головой, – город просто замечательный. Только почему-то очень мало людей на улицах... И очень много политических транспарантов, которые портят городской пейзаж.

– Коллега, мы с вами приехали на светское мероприятие. Вы недавно мне жаловались на то, что вам не хватает общения, а лаборанты игнорируют все ваши вопросы. Ваши пожелания были услышаны генералом Вайсом, и он любезно пригласил вас на день рождения своих дочерей. Поэтому не задавайте в «Кубе» лишних вопросов, а просто улыбайтесь для репорте-

ров и гостей вечеринки, хорошо? Вы ещё не понимаете многих вещей – особенностей, так сказать, национального колорита. Это может привести к тому, что вы окажетесь в неловкой ситуации. Так что лучше больше слушайте и меньше говорите, коллега...

Водитель лимузина внезапно объявил о том, что их выход на красную дорожку следующий. Грэм начал судорожно вытаскивать пальцы из фужера, и стекло треснуло, порезав пальцы доктора. Подпрыгнув от боли, он ударился головой о потолок и инстинктивно схватил окровавленной рукою падающие очки. Дверь открылась, приглашая пассажиров лимузина на выход. Грэм напялил очки и, по-быстрому замотав платком рану, сунул порезанную руку в карман. Вылезая в суматохе из машины, он понял, что на одной из линз имеется неосторожно оставленный кровавый отпечаток. Доктор даже подумал о том, не скажется ли на его карьере этот конфуз на красной дорожке? Но толпа за ограждением, видимо, подумав, что это какой-то трэш-шевый режиссер, стала бойко махать руками и скандировать слова, выражающие любовь и признательность. Доктор взял под ручку Рамину, одетую в шикарное вечернее платье с глубоким вырезом на спине. Проследовав по красной дорожке мимо восторженной толпы, они оказались в большом фиолетовом кубе.

Изнутри куб представлял собой роскошное помещение с богатой отделкой в фиолетовых тонах. Кругом стояли стеклянные столики, на которых горели неоновые свечи, а между столиками были расставлены кожаные диваны. Празднично одетые посетители непринуждённо общались между собой, одаривая друг друга улыбками и восхищенными взглядами.

Усадив Рамину за свободный столик, Грэм, откланявшись, пошел в уборную, чтобы привести себя в порядок. Спустя пару минут, свет в зале погас, и на небольшой сцене, находившейся в углу кубического помещения, появился конферансье, освещенный ярким лучом прожектора.

– Добрый день, дамы и господа! Рад приветствовать вас в фиолетовом кубе! Меня зовут Бобом, и сегодня я – ваш ведущий! Сейчас мы начнем подыматься на высоту одного километра, чтобы присоединится к общей вечеринке по случаю пятилетия многоуважаемых внучек многоуважаемого Императора. А пока наслаждайтесь нашей программой. И я представляю вам первый номер, труппу «Два арлекина» – встречайте!

После бурных оваций свет в зале погас. Рамина еле уловила, как куб начал движение наверх. Прожектор осветил сцену, на которой появились два человека. В костюмах, стилизованных под каких – то грызунов, актеры ползали по сцене и что-то вынюхивали. Обнаружив провод на сцене, один из них, который был довольно толстым, начал его грызть. Внезапно его тело начало биться в конвульсиях – судя по всему, актер изображал удар от разряда тока. Зал засмеялся так, что Рамина даже вздрогнула от такой неожиданной для неё реакции публики. Далее вторая мышь огляделась по сторонам и достала из кармана резиновые перчатки. Надев их, она вставила толстому грызуну провод в зубы и со словами: «Не прав ты был, Джо, перчатки всё – такигодились», – нажала на голову толстого комика, играющего роль мертвого грызуна.

Свет прожектора погас, а в темноте раздался смех и бурные овации почтенной публики.

Рамина, мягко говоря, была удивлена таким номером. «Какой примитивный юмор у этих людей... – подумала она. – Хотя, возможно, я что-то не понимаю? Может, в этой постановке есть намек на какую – то фишку, которую комики использовали в предыдущих номерах?» Рамину эта мысль успокоила, но на минуту её пробрало ощущение того, что она сидит в темноте с какими-то упырями.

Возле соседнего столика послышался голос доктора Грэма, который, возвращаясь, заблудился в темноте зала и потерял свою спутницу.

– Коллега, вот вы где, наконец – то я вас нашел...

Послышался звон опрокинутых бокалов и звук упавшего человеческого тела.

– Свет! – закричал кто – то. – Дайте свет!

Свет постепенно появился, и Рамина узнала костюм доктора Грэма, который был надет на полноватое тело, лежащее между столиков. Рядом с телом стояли какие – то военные и их дамы. Один из них пощупал у Зигфрида пульс.

– Что здесь происходит? – произнес подошедший к военным мужчина, на вид которому было за пятьдесят.

Военные вытянулись в струнку, и один из них, отдав рукою честь, отчеканил:

– Полковник Орокин, этот гражданин начал лапать мою даму, которая проводит со мной эти прекрасные выходные. Я встал и объяснил ему, что так делать не нужно. Он откланялся, но, случайно споткнувшись, упал на пол. Он жив, ему нужно лишь минут десять побыть в уборной...

Молодые военные еле сдерживали смех.

– Вот и помогите ему туда попасть, – сказал полковник, оглядывая сидящих за столиками людей.

Военные поставили туловище Грэма вертикально, держа под руки. Его разбитые очки болтались на сломанной дужке, а лоб украшала приличных размеров шишка. Увидев лицо пострадавшего, полковник воскликнул:

– Да это же доктор Грэм – повелитель бактерий и большой знаток человеческого мозга. Я знаю его по долгу службы. У него действительно бывают проблемы с координацией, – сказал полковник, поддержав тем самым высказанную версию падения доктора Грэма, которую изложил коренастый военный. – Он один?

– Я с ним, – промолвила Рамина, наблюдая эту сцену.

Когда военные увели доктора в уборную, и концерт продолжился, Орокин подсел за столик к Раминае.

– Простите, это вас сопровождал доктор Грэм? – произнес он, проявляя интерес.

– Совершенно верно, – ответила Рамина, комкая салфетку. – Доктор Грэм, которого вы сейчас деликатно избили, был моим сопровождающим.

– Рамина Джоши, – улыбнулся полковник, – если бы вы знали то, что знаю я о докторе Грэме, вы бы непременно встали из- за столика и пнули бы его в бок остриём своей маленькой туфельки...

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – поинтересовалась Рамина, выражая удивление.

– Кайпианский акцент, южное наречие. У нас здесь не так много носителей языка, их можно пересчитать по пальцам. Кроме того, я присутствовал на заседании Сената, где доктор Грэм рассказывал о тех телах, случайно захваченных в Антарктике. Там фигурировало ваше имя... Да, – полковник словно вспомнил что-то, – забыл представиться, полковник Уэйн Орокин, глава Корпуса внешней разведки. Скажите, как вам этот вечер?

Рамина на мгновение задумалась и, вспомнив первый номер концертной программы, задала встречный вопрос:

– Скажите, полковник, а как вам тот номер про мышей? Мне, например, он показался чудовищным, хотя некоторые в это время аплодировали и гоготали, словно обезумевшие гуси...

– Вы хотите знать, принадлежу ли я к этим «обезумевшим гусям»? – Уэйн усмехнулся и посмотрел на Рамину. – Поймите, в этой стране культуру делает Император. Ему как – то понравилось выступление труппы «Два арлекина», и те мгновенно стали популярными. Стало модно заказывать их на различные богатые вечеринки. Некоторые их постановки – это какой-то стеб над самим зрителем. Вы ещё не видели их знаменитый комедийный номер под названием «Невидимка». Это вообще номер, построенный на эмоциях самой толпы...

– А можете рассказать поподробнее? – Рамина проявила интерес к особенностям национального колорита, о которых так любил говорить доктор Грэм.

– Разрешите, я как-нибудь вас приглашу, и мы ходим на комедию «Невидимка» вместе?

Рамина расценила это как ухаживание. Ей было необходимо с кем-нибудь общаться, а полковник был пока единственным из всех, кто стал разговаривать с ней совершенно открыто. «Впрочем, Уэйн Орокин был хоть и в возрасте, но ещё хорош собой...» – подумала Рамина, но откинула эти неожиданные для себя мысли.

– Я под охраной, полковник, и не могу так просто выйти из апартаментов и пойти гулять по Акриту, – произнесла она.

– Не беспокойтесь, Рамина, я всё устрою...

– Разрешите присесть, – полковник, услышав за спиной голос доктора Грэма, обернулся.

Доктор стоял в испачканном костюме, рукава которого были мокрые по локоть. Забинтованной рукой он держал на лбу влажный платок и немного пошатывался. Его разбитые очки торчали из нагрудного кармана пиджака.

– Грэм, с вами всё в порядке? – спросил полковник, пододвигая стул доктору.

– Да, всё отлично, полковник... Не могли бы вы нас оставить с коллегой. У нас должен состояться профессиональный разговор...

– Так внезапно? – удивился Орокин. – Может, вам стоит ещё раз сходить в уборную?

– Нет, спасибо, я уже был там, причём два раза. Третий раз моё здоровье, я думаю, не выдержит, полковник... Позвольте... – настаивал Грэм.

Орокин встал и, откланявшись, удалился. Рамина и Грэм, молча, продолжили смотреть концерт – выступала какая – то певица, сценический костюм которой переливался отблесками софитов, установленных вокруг сцены. Военные стали посвистывать, когда та элегантно оголила свои красивые ножки. Потом на сцену вышел фокусник и принялся показывать ловкость своих рук.

– Рамина, я вам не только как коллега, но и как друг рекомендую держаться подальше от этого солдафона, – поглядывая на сцену, внезапно пробормотал Грэм. – Я уверен, что сейчас с его стороны была попытка завербовать вас... Это так?

– Нет, он мне рассказывал о культурных различиях наших государств... – произнесла Рамина, но концовка сказанного утонула в шуме колонок.

– Господа! – объявил голос ведущего Боба. – Мы почти на вершине Вавилонской башни!

Послышались радостные возгласы и выкрики. Теперь Рамина обратила внимание на полупрозрачные фиолетовые стены и очень удивилась, когда увидела, что куб поднялся на очень большую высоту. Как на ладони Рамина увидела часть Акрита, которая раскинулась на берегу большого озера. «Как красиво», – подумала она и заметила, что их фиолетовый куб стыкуется с другими кубами, которые находились в плоскости, параллельной земной поверхности. Когда кубы соединились, стены, смежные с другими кубами, уехали куда-то вниз, а помещение, где находилась Рамина, стало частью одного большого зала. Народ начал разбредаться, а Рамина, сидевшая за столиком с Грэмом, стала с интересом наблюдать за последующими трансформациями. Сквозь прозрачные стенки она отчетливо различила, что приехал ещё куб, который также превратился в часть общего помещения. Но даже отсюда она видела зеленый куб, стенки которого продолжали оставаться закрытыми.

– Доктор Грэм, а почему зеленый куб закрыт? – любопытствовала Рамина.

– Это детская. Помещение для детей, где они только учатся делить песочницу... – доктор ехидно улыбнулся. – Его откроют, когда на торжество придет сам Император, а пока детишки играют в свои, пока ещё детские игры. Именно там сейчас находятся виновницы этого торжества – Анна и Кати... Кстати, я думаю, стоит выразить почтение особам императорской фамилии, которые любезно пригласили нас сюда.

Зигфрид поднялся и протянул Рамине руку. Взяв доктора Грэма под локоть, она последовала за ним.

– Николас со своей женой Луизой должен быть где – то поблизости от зеленого куба... Мсье Делакура, мсье Делакура, – затараторил доктор, увидев, судя по всему, знакомого ему человека, который стоял и беседовал с какой-то миловидной женщиной.

Толстенький человек со смешным, как показалось Рамине, синим беретом на голове, оглянулся. Его лицо сразу выразило восторг и он, что-то шепнув на ухо женщине, которая почему-то покраснела, в одно мгновение оказался рядом с Грэмом, который держал Рамину под руку.

– Доктор Грэм, какая встреча! – произнес Делакура. – Позвольте...

С этими словами он достал из кармана пенсне и, подставив его к правому глазу, внимательно посмотрел на Рамину.

– Какая грация, какая форма! – бурно воскликнул Делакура. – Доктор, представьте меня вашей очаровательной спутнице!

– Это моя коллега, доктор Рамина Джоши, – представил Рамину Грэм. – Она иностранка, которая помогает нам в одном научном исследовании...

– Скажите, доктор, – понизив голос, Делакура обратился к Грэму, – а ваша коллега не желает мне уделить немного внимания? Так хотелось бы побеседовать о тенденциях в мировой культуре...

– Мсье Делакура, – лицо Грэма приняло серьёзный вид, – я думаю, что о тенденциях в мировой культуре вам наиболее доходчиво расскажут в Спектрате. Доктор Рамина Джоши является гостьей императорской семьи. Семьи, любезный Делакура, которой я и коллега хотели бы высказать своё почтение за столь любезный приём. Вы не видели Николаса Вайса?

– Он был в чёрном кубе, – ответил Делакура, сделав обиженный вид и гордо задрал подбородок.

Поклонившись Грэму, он улыбнулся Рамине и, поцеловав её ручку, молниеносно растворился в толпе. «Какой смешной человек», – подумала она, улыбнувшись ему вслед.

– Доктор Грэм, кто это?

– Один известный акритский художник. Он у меня в клинике делал... – доктор на секунду задумался... – делал пластическую операцию... Впрочем, нам нужно успеть к черному кубу, пока не началась суета с приездом Императора. Так, сейчас мы в оранжевом кубе, а, значит, нам нужно идти туда...

Показав куда-то рукой, Грэм повел свою спутницу мимо столиков и праздничной суеты. Вокруг бегали официанты, обслуживая многочисленных гостей. Гости смеялись и общались друг с другом, а музыка создавала им приятную праздничную атмосферу. Как заметила Рамина, на этом празднике было много военных. Китили разного цвета, расшитые эполетами и украшенные медалями, постоянно мелькали перед её глазами.

Когда Рамина увидела черный куб, в её мыслях сразу возникло воспоминание о той старой бумажной книге, которая лежала у её отца на столе, будучи бережно упакованной в специальную стеклянную коробочку, обитую с двух сторон деревом. Книга называлась «Дракула», за авторством Брэма Стокера...

* * *

Дом семейства Джоши располагался в секторе 3–5–8 подземного города Хуанди. Это был уникальный город, и у него была своя собственная история, которую изучали в школе...

Хуанди – город, лежащий под землёй, был полностью построен машинами, которые наполнили паукообразные механизмы. Первый раз Рамина увидела эту машину ещё будучи ребёнком, когда гуляла с отцом по ботаническому саду, огороженному сверху прозрачным стеклом. Разглядывая образцы растений, маленькая Рамина подняла голову и сквозь стекло увидела огромную машину, которая проворно пробиралась между труб и связок кабелей. Её больше

всего удивило то, как лапа этой машины внезапно развернулась, и из неё показался отбойный молоток. Просканировав красными лучами грунт, машина принялась вгрызаться в землю, раскалывая куски скальной породы. Рамина вдруг испугалась, что куски упадут на стеклянную оранжерею, в которой она вместе с отцом смотрела на происходящее.

– Папочка, – испуганно произнесла маленькая Рамина и схватила отца за рукав. – Я боюсь, папочка... Эти глыбы...

Отец присел на корточки, обнял дочь и промолвил:

– Рами, доченька, не бойся... Ни глыбы, ни даже маленькие камушки не упадут на этот стеклянный тоннель. Вот, смотри, что происходит дальше... – отец показал рукой на паукообразный механизм. – Смотри, геотриммер создаёт поле, которое удерживает породы и... вот, милая, смотри, видишь? Видишь, у него раскрылся грунтосборник на верш башни?

– Да, – произнесла Рамина, наблюдая за работой геотриммера.

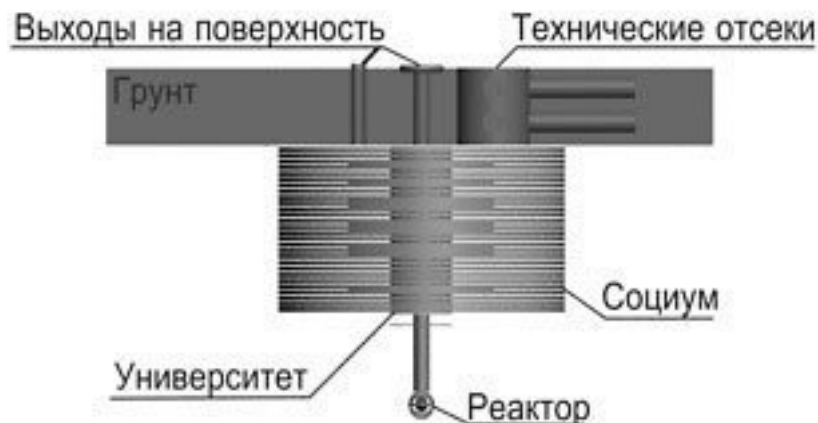
Она увидела, как куски породы, словно заколдованные, поднялись вверх, а потом, по очереди стали пропадать внутри паукообразного механизма. Крышка грунтосборника закрылась, а молоток геотриммера трансформировался обратно в захват. Механизм пошел по вертикальной стене, словно паук, ловко минуя препятствия в виде кабелей, труб и различных опор. Что ещё тогда впечатлило Рамину, так это то, как этот механизм ловко избегал встреч с проезжающими мимо него лифтами.

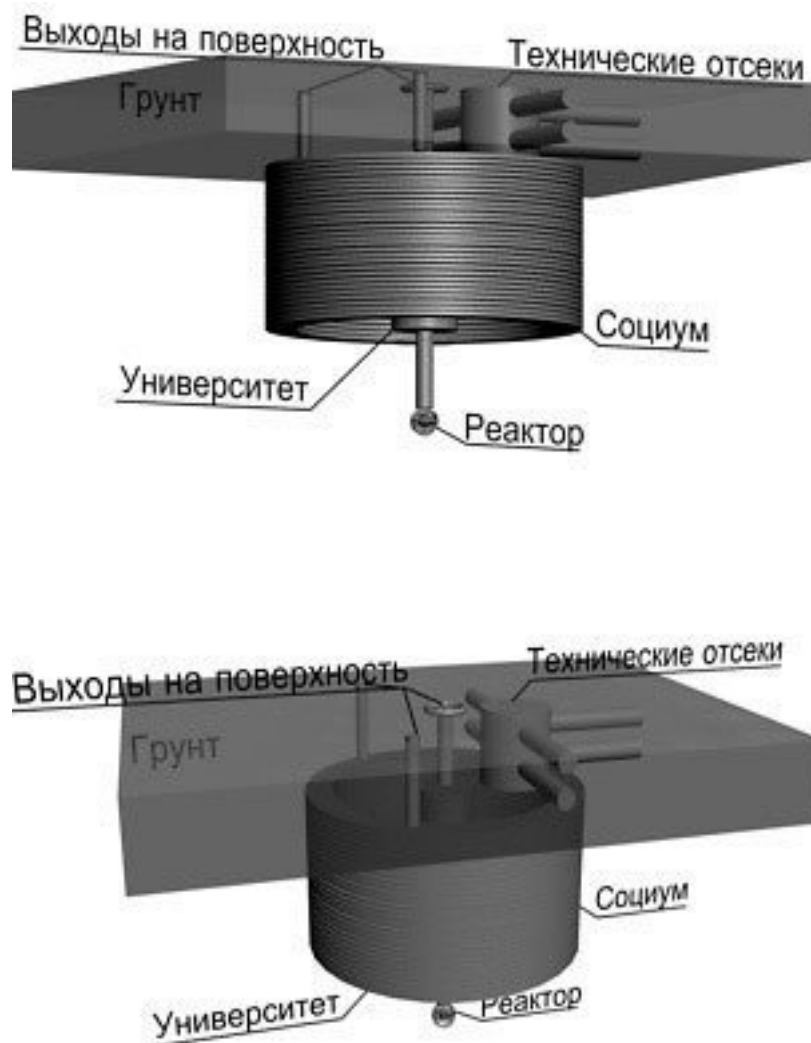
Позже, пойдя в первый класс общеобразовательной школы, Рамина узнает о том, что все механизмы в городе подчиняются единому центру – Университету Хуанди, вернее, суперкомпьютеру «Улей». Именно поэтому они так согласованно вели свою деятельность.

На одном из уроков учитель начальных классов рассказывал им историю возникновения города Хуанди...

– Теперь перейдём к изучению структуры нашего подземного мегаполиса. Возьмите в руки учебные планшеты, а я выведу на ваши экраны различные ракурсы города, – произнес андроид – учитель и замер в ожидании.

Пятилетняя Рамина нажала на сенсор, расположенный прямо на поверхности парты. Тонкий, гнущийся планшет выдвинулся из хитроумного устройства, расположенного сбоку школьного стола. Взяв планшет, Рамина включила его и увидела на экране три проекции города Хуанди:





– Университет – это центр города Хуанди, – начал свой рассказ андроид – учитель, когда заложенная в нём программа синхронизировала все включенные планшеты с сервером обучающего терминала. – Университет еще называют Малым кругом. Там расположены все высшие учебные заведения, лаборатории, центральные узлы всех коммуникаций, а также «Улей» – сверхмощный, созданный на базе искусственного интеллекта компьютер, который контролирует систему жизнеобеспечения города. Социум, он же Большой круг, постоянно расширяется вследствие роста человеческой популяции. Он представляет собой три сектора: промышленный, деловой и жилой сектора. Весь город состоит из двадцати семи уровней, хотя есть и двадцать восьмой уровень, самый нижний, но он отдан Университету и не имеет регистрационного знака.

Под городом расположен термоядерный реактор, который представляет собой рукотворное солнце. Происходящие в реакторе процессы дают энергию для нужд всего города. Технические отсеки представляют собой ангары и станции техобслуживания летательных аппаратов и различных автоматизированных механизмов. У города есть четыре выхода на поверхность: главный выход из Университета, два дополнительных из Социума, и ещё один, технический – выход для различной техники на поверхность. Между Университетом и Социумом есть огромное пустое пространство, называемое Горизонт. Это место является самым дальним рассто-

янием, доступным для человеческого глаза под поверхностью земли. Возможно, вы уже его видели...

Нет, тогда Рамина ещё не видела Горизонт. Но после уроков, когда мать забрала её домой, у них дома случился забавный инцидент. Открыв дверь, мать Рамины обнаружила на середине квартиры грязь и какие – то следы. Это её очень насторожило. Оставив Рамину в коридоре, она вошла внутрь и увидела сидящих на диване лохматых зверушек с маленькими красными глазками. Своими слюнявыми ртами они с наслаждением рвали подлокотник дивана. Увидев мать Рамины, зверушки зубами похватали куски ваты и молниеносно взобрались по занавескам, которые обрамляли виртуальные панорамные окна. Прыгнув в вентиляцию, незваные гости скрылись, прихватив кусочки маминого дивана.

Стелла, мать Рамины, заорала... Она заорала так, что сбежались все соседи.

– Стелла, голубушка, что случилось? – возбужденно проговорила пожилая дама.

– Я... Эти твари... Они... Диван, – судорожно дышала Стелла, пытаясь успокоиться.

– Как они выглядели? – с умным видом спросил дедушка в полосатой пижаме.

– Глазки красненькие и шерсть... такая... – мать Рамины попыталась подобрать слова и, увидев тапки дедушки, обшитые рыжеватым мехом, показала пальцем на них. – Как у вас...

– Полосатые мохнатки, – заключил эксперт в тапках. – А я, между прочим, писал о них управляющему...

– Да они безобидные, – вынесла вердикт пожилая дама. – Я их, вон, иногда с рук кормлю.

– Вот, – дедушка ткнул в сторону дивана пальцем, – вы их прикармливаете, а у людей потом проблемы...

Развернувшись, он ушел к себе домой. Пожилая женщина, повернувшись к Стелле, шепотом произнесла:

– Этот субъект буквально вчера предлагал мне приобрести шкурки полосатых мохнатиков. Я не взяла, но мне кажется, что этот тип их разводит. Скорее всего, Стелла, дыра в подлокотнике – это результат его незаконного бизнеса...

Стелла вышла из квартиры и, взяв Рамину за руку, повела её по тоннелю, ведущему к остановке метро. В широком, хорошо освещенном тоннеле гуляли какие – то весёлые люди, а яркие графеновые экраны, расположенные вдоль стен, поднимали настроение проходящим мимо них.

Рамина увидела, что графеновый экран как будто превратился в зеркало, отображая её и мать в натуральную величину. Только на экране, помимо идущей Стеллы и маленькой Рамины, держащей маму за руку, добавлялся мультяшный кот по кличке Мингли и его друг – мышонок Юки. Одной лапой кот держал за руку маленькую Рамину, а другой – мышонок, который, в свою очередь, тянул на веревочке игрушечную машинку. На голове мультяшного кота была большая желтая шляпа с пером, которую он всегда снимал и делал реверанс, когда Рамина поворачивала голову в сторону экрана на стене и улыбалась. Стелла не обращала никакого внимания на детскую визуализацию – все её мысли занимало наглое вторжение в квартиру, которое организовали полосатые мохнатки.

Помахав мультяшному коту на прощанье, Рамина, вслед за матерью, проследовала в вагон подземного поезда. Усадив дочь на мягкое сиденье, Стелла, воспользовавшись персональным интегратором, произвела оплату. Так как окон в вагоне не было, Рамина уставилась в потолок, а её мать, положив интегратор в сумочку, произнесла:

– Рамина, сейчас мы поедem на работу к твоему отцу и расскажем ему о том, как ты испугалась этих тварей...

– Но, мама, – перебила её Рамина, – я никого не видела...

Стелла нахмурилась, давая понять ребенку, что такой ответ ей совсем не нравится.

– А диван? Ты разве не видела, что они сделали с диваном?

– Ну, – задумалась Рамина, – наверно, им была нужна вата для домика...

Мать на неё внимательно посмотрела, с укором покачав головой.

– Рамина, ты вся в отца и всегда всему найдешь оправдание!

Над дверьми высветилась надпись – остановка «Горизонт», и Рамина вспомнила о сегодняшнем уроке в школе. Когда двери открылись и Рамина, держа мать за руку, оказалась на перроне, она... начала задыхаться... Ей показалось, что видимое пространство вокруг неё стало сжиматься, а потом вдруг запульсировало. Голова закружилась, и маленькая Рамина еле удержала равновесие. Мать, подхватив её за руку, довела дочь до скамейки и аккуратно усадила.

– Дыши, доченька, дыши... Такое иногда бывает с людьми, особенно с маленькими девочками, которые впервые увидели Горизонт... – заботливым тоном произнесла мать.

– Но почему, мама? – спросила Рамина, начав понемногу приходить в себя.

– Видишь ли... – попыталась объяснить Стелла. – С момента рождения ты ещё не выходила на поверхность, и твоё зрение формировалось в условиях ограниченной видимости. Твой фокус зрения всегда ограничивался стенами помещений и тоннелей. Но сейчас твоё зрение не нашло опоры, что вызвало временный дискомфорт сознания... Это пройдет, любимая, и твоё зрение адаптируется... Всё будет хорошо...

Мать чмокнула дочурку в лоб и крепко прижала к себе. «Ух ты!» – Рамина потихоньку огляделась. Аккуратно встав, она подошла к пластиковым прозрачным перилам и посмотрела вдаль. Там, вдалеке, сквозь дымку, она увидела какие – то слабые светящиеся точки. Расстояние настолько впечатлило маленькую Рамину, что она, забыв об осторожности, залезла на перила. Но когда она глянула вниз с перил, её охватил страх перед раскинувшейся бездной. Спрыгнув обратно, Рамина схватила мать за руку.

– А вот и наш подъёмник, пошли скорее, – произнесла мать, потянув ребенка за собой.

Подъёмник представлял собой прозрачный тоннель, вдоль которого был установлен эскалатор. Этот подвижный тоннель соединял Социум и Университет между собой. «Малый круг соединялся с Большим кругом, благодаря этим тоннелям, проложенным через Горизонт», – Рамина вспомнила слова андроида – учителя.

Двери тоннеля закрылись, и он начал медленно подниматься куда-то вверх. Эскалатор тоже пришел в движение, причем Рамина ощутила, что скорость эскалатора постоянно нарастала, отчего она крепче вцепилась в перила. Вдруг девочка увидела, что, буквально оседлав тоннель, навстречу к ним движется геотриммер. Огромная махина промчалась сверху, а Стелла, как ни в чём не бывало, продолжала рассматривать свои ногти, давно привыкнув к подобному зрелищу.

Добравшись до Университета, Стелла с дочерью пересели на лифт и, поднявшись на один этаж, оказались в хорошо освещенном коридоре. Коридор устилал дорогой ковер, а на потолке висели хрустальные люстры, которые загадочно переливались всеми цветами радуги. Найдя кабинет мужа, Стелла приоткрыла дверь и, запустив дочь, вошла за ней следом.

Кабинет представлял собой большое помещение, где, мягко сказать, был творческий беспорядок. Повсюду были разбросаны различные вещи: какие – то приборы, рюкзаки, кости животных, части скульптур, а также череп чудовища, который уставился на Рамину своими большими глазами, посреди которых торчал огромный рог. Стены были увешаны фотографиями, а недалеко от массивного стола, заваленного разным хламом, с потолка проецировалась голография какой-то местности. Чуть дальше от стола стояли выдвижные железные шкафы. В одном из них копался сутулый худощавый человек с большими залысинами. Этого человека, одетого в синий комбинезон, звали Арун Джоши. Он был одним из ведущих археологов Университета Хуанди.

– Папочка! – воскликнула Рамина и, пробежав мимо стола, прыгнула к присевшему отцу на шею. – А я видела Горизонт и почти не испугалась...

Улыбаясь, отец взял Рамину на руки, после чего подошел к стене с фотографиями, которые воспроизводились на электронной бумаге.

– Доченька, когда ты чуть подрастешь, то выйдешь на поверхность и увидишь настоящий горизонт собственными глазами! Вот, – отец показал рукой на одну из фотографий, – этот снимок я сделал на третьем уровне Пекина.

Фотография изображала заходящее на горизонте солнце. Сам снимок был сделан очень высоко над землёй и представлял собой отличную панораму поверхности Земли.

– А что такое Пекин? – спросила с любопытством Рамина.

Отец передвинулся к двум соседним, одинаковым по размерам фотографиям.

– Пекин, Рами, это огромный древний город, который существовал на территории Кайпианского союза до падения астероида на Землю. Вот, посмотри – это Пекин до падения «Анубиса», а это, – отец показал на соседний снимок, – уже моя фотография, которую я сделал с того же ракурса, будучи членом археологической экспедиции, направленной в развалины Пекина.

Точка съёмки была где – то на равнине, далеко за пределами города. На первом снимке были видны сотни высоких небоскрёбов, которые упирались в какую – то замысловатую конструкцию, которая, в свою очередь, служила фундаментом для второго уровня высоток. Третий уровень небоскрёбов ошетинился шпилями, уходящими в небо. Пекин был наполнен разноцветными огнями, а в воздухе парили рекламные конструкции, напоминающие дирижабли.

Второй снимок показывал то, что осталось от бывшего величия Пекина. На серо – зеленом фоне развалин можно было различить первый уровень, окольцованный сверху остатками гигантской конструкции. Второй уровень был практически разрушен и был лишь представлен одной высоткой, которая, видимо от времени, потихоньку заваливалась на бок, находясь на краю второго уровня.

– Видишь заваливающееся здание на втором уровне? Вот с крыши этого небоскрёба я и сделал снимок горизонта. Честно сказать, я чуть не погиб, наткнувшись там на гнездо плосколобого стервятника. Но не будем об этом, – Арун посмотрел на жену и улыбнулся. – Здесь же мама, которая не любит страшные истории и к тому же очень сердита...

– Ты издеваешься надо мной, Арун? – мать Рамины сурово посмотрела на отца. – Я уже минут десять здесь стою, а ты даже не обратил на меня внимание!

– Любопытство ребенка – прежде всего, – ответил Арун, улыбаясь, после чего поставил дочь на ноги. – Рассказывай, Стелла, что заставило тебя приехать ко мне на работу? Ты не могла мне позвонить?

Стелла скрестила руки на груди, всем своим видом показывая, что она крайне недовольна.

– А мы всё равно проездом. Я решила пожить с дочерью у родителей...

– Что значит «я решила»? – изумленно произнес Арун.

– А то и значит! Я тебе уже давно говорила про то, что нам нужно сменить жилплощадь, а тебе всё некогда. Теперь у нас завелись какие – то твари, которые испортили мебель и испугали Рамину...

– Мамочка, – произнесла Рамина. – Я...

– Всё, – перебила её мать, – в эту ужасную квартиру мы больше не вернёмся! Арун, ты ведь ведущий учёный, почему жилищный комитет не предоставит тебе улучшенную жилплощадь? Уже шесть лет как мы поженились, а всё продолжаем ютиться в твоей студенческой квартире. Ты облазил всю поверхность, постоянно рискуя жизнью ради науки, а что взамен? Вас что, никак не поощряют за заслуги перед городом?

Арун улыбнулся и, погладив Рамину по голове, промолвил:

– Ещё как поощряют, дорогая! В последней экспедиции мне удалось отыскать большую библиотеку бумажных книг из Старого мира, которые, к тому же, прекрасно сохранились.

Это просто удивительно! В знак уважения научный совет предложил мне в качестве награды выбрать либо шикарные апартаменты на пятом уровне, либо взять на память об экспедиции одну из найденных книг. Как ты думаешь, что выбрал я? – при этих словах он подмигнул дочке, будто та знала ответ.

– Нет, вы посмотрите, – возмутилась Стелла, – он ещё надо мной насмехается...

Рамина так и не узнала, шутил ли тогда отец, но через неделю на столе его домашнего кабинета появилась книга, бережно уложенная в специальную стеклянную коробочку, обитую с двух сторон деревом. На подставке была подпись: «Пекин. Экспедиция 2675 г.». Как рассказывал отец, в коробке поддерживался необходимый микроклимат, чтобы сохранить этот раритет, чудом переживший падение астероида.

– Это не просто книга, – любил повторять Рамине отец, склонившись над артефактом. – Это символ... Символ хрупкости человеческой цивилизации, которая, тем не менее, выжила благодаря человеческому интеллекту... Задумайся, Рамина, ведь когда – то, давно, такие же люди, как и мы, жившие на поверхности Земли, читали эту книгу...

Он не разрешал Рамине открывать коробку, поэтому она довольствовалась тем, что подолгу разглядывала обложку книги. На ней красными буквами было написано название «Дракула» и имя автора. Обложка была иллюстрирована изображением человека с длинными клыками, который сидел в центре комнаты на черном диване перед столиком, на котором горела свеча. В одном углу комнаты на потолке висели летучие мыши, а в другом углу сидел паук в сплетенной паутине. Причем, как заметила тогда Рамина, у паука были изображены два глаза, по строению напоминающие человеческие, и он почему-то жалостливо смотрел на летучих мышей...

* * *

Именно обложка той книги из кабинета отца всплыла в памяти Рамины, когда она увидела черный куб...

Черные тона куба перемешивались с багровыми штандартами Империи, дающими стороннему наблюдателю понимание того, что данное пространство имеет особый статус. В центре стоял невысокий квадратный обсидиановый стол, заставленный различными блюдами и графинами. Над столом возвышался причудливый кальян, обложенный со всех сторон фруктами и источающий из своего чрева ароматный дым. Между подушками, на трёх диванах, стоящих возле стола, расположились мужчины и женщины, внимательно слушающие Николаса Вайса, который в свойственной ему манере подкреплял сказанное артистичной жестикуляцией рук. Кроме этих людей в кубе присутствовали два официанта, обходительно обслуживающие гостей торжественного мероприятия.

Зигфрида Грэма, который попытался пройти к столу вместе с Раминой, остановил человек, одетый в штатское.

– Стойте, представьтесь... – верзила исподлобья посмотрел на Грэма, вернее на его шишку, расположенную на лбу.

Грэм, вытянувшись имахнув с плеча невидимые пылинки, гордо произнес:

– Я – доктор Зигфрид Грэм, а это, – он указал на спутницу, – моя коллега, Рамина Джоши.

Верзила недоверчиво осмотрел Грэма с ног до головы и приказал никуда не двигаться. Пройдя к столику, он наклонился к Николасу Вайсу и что-то шепнул ему на ухо. Тот, покрутив головой, наконец увидел посетителей. Улыбнувшись, Николас обратился к сидящим на диване и произнес прощальную речь, после которой практически все люди встали и разбрелись по остальным кубам. Рамина увидела, что за столом остались сам генерал, какой-то низенький мужчина в круглых очках и дородная дама, сидевшая подле Вайса, которая жадно уплетала большой кусок пирога.

Вайс подал пригласительный жест, после которого Грэм и Рамина подошли к столу и присели на один из трёх кожаных диванов.

– А вот и наши доблестные учёные, – проговорил нараспев Вайс, обнажая ровные искусственные зубы. – Ну, давайте знакомиться... Это глава Спектрата Алан Филипс, а эта чудесная женщина – моя любимая супруга Луиза... Луиза, Алан, это доктор Зигфрид Грэм и его коллега Рамина Джоши.

Пришедшие сделали милые лица и стали дарить улыбки представленным людям. Луиза без интереса обвела взглядом посетителей и принялась за второй кусок пирога, в то время как Алан щедро улыбнулся Рамине и пристально посмотрел на перевязанную кисть доктора, у которого когда – то был пациентом.

– Рабочие моменты? – Алан указал на повязку Грэма, на которой проступили капельки крови.

– Ах, ерунда, просто несчастный случай... – ответил Грэм, гримаса на лице которого говорила о том, что не нужно этому уделять много внимания.

– Несчастный случай с пациентом? – не унимался Филипс, с ухмылкой поглядывая в глаза Грэма.

Грэм перевёл взгляд на Луизу и плавно ушёл от ответа на вопрос, подарив комплимент этой полной женщине.

– Луиза, вы как всегда великолепны! – торжественно воскликнул он, протягивая руку к очередной порции алкоголя.

Луиза посмотрела на Грэма и, продолжая жевать, хотела сказать «спасибо», но вдруг подавилась и громко раскашлялась. Николас немедленно подскочил и, ухватив жену под руку, начал слегка поколачивать её по спине. Доктор при виде подавившейся Луизы остолбенел, а Рамина и вовсе почувствовала себя весьма неловко. Только один Филипс невозмутимо наблюдал эту картину, спокойно поедая вишнёвый десерт.

Вайсу вдруг показалось, что Луиза начала бледнеть и он, пребывая в отчаянии, начал её так колотить по спине, что та, пытаясь вздохнуть, захрипела. Мышление доктора Грэма, сдобренное изрядной порцией алкоголя, внезапно представило Луизу в образе раздувающейся жабы, которая выпученными глазами смотрит на него. Зигфрид, обладавший внутренней цензурой, быстро выбросил этот крамольный образ из головы, но, услышав, как хрипящая Луиза произносит: «Ква... Ква... Ква...», невольно улыбнулся.

– Ква... Ква... Кватит меня бить по спине, Николас! – задыхаясь, вскричала вскочившая с дивана Луиза, уронив при этом на пол столовые приборы.

Николас встал, расслабился и глубоко выдохнул. Он ощутил прилив адреналина, отчего его сердце бешено заколотилось. В один момент Вайсу показалось, что подавилась не его жена, а он – сам Вайс подавился «имперским пирогом», на который претендовал, обручившись с Луизой. Кровь прильнула к лицу Николаса и его начало немного лихорадить.

Дочь Императора взяла полотенце и стала вытирать испачканное лицо и платье. Когда она увидела на лице остолбеневшего Грэма идиотскую улыбку, она разозлилась ещё больше и кинула в него грязное полотенце.

– А ты чего улыбаешься, козёл? – грубо произнесла она.

– Миледи, я, я... – судорожно забормотал Грэм, – мне поистине очень неловко...

Луиза с презрением посмотрела на Грэма. Этот человек ей всегда не нравился, хотя её отец о нем всегда неплохо отзывался. Посмотрев на мужа, Луиза уже спокойным тоном промолвила:

– Пойду, проведаю детей. Скажу им, что бабушка скоро приедет.

Николас, молча, кивнул и, дождавшись, когда она уйдёт, медленно присел на диван. Филипс тем временем, доев десерт, нарушил неловкую паузу.

– Я думаю, стоит побеседовать с нашей прекрасной гостьей, – Филипс поднял бокал и, улыбнувшись, сделал глоток. – Доктор Джоши, извините нас за столь неловкую ситуацию. Скажите, вам здесь нравится?

– Да, конечно, у вас здесь очень красиво, – произнесла немного оторопевшая Рамина, оглядывая интерьер.

– Нет, под словом «здесь» я имею в виду нашу страну. Вам нравится в нашей стране? – доброжелательно переспросил Филипс.

Рамина на секунду задумалась. В Университете Хуанди, где она училась, рассказывали об Акритской метрополии немало интересного. Несмотря на отсутствие официальных отношений между метрополией и Кайпианским союзом, культурные косвенные контакты были далеко не редкостью. Рамина вспомнила, что однажды по телекому видела выступление акритского учёного – перебежчика. Элиот Грифин – Рамина вспомнила имя того учёного – рассказывал довольно страшные вещи про Акритскую метрополию. Больше всего её поразило то, что в основе государственной идеологии этого военизированного государства лежала фальсифицированная история, искажающая факты и события прошлого.

– К сожалению, – произнесла Рамина, – ваша страна ограничена для меня лабораторией и местом проживания. Поэтому я не могу объективно ответить на ваш вопрос.

Филипс снова улыбнулся и, посмотрев на Грэма, промолвил:

– Доктор Грэм, я думаю, вам просто необходимо расширить культурную программу для нашей гостьи, дабы она после прекращения нашего сотрудничества имела бы полное представление о нашем государстве.

Зигфрид посмотрел на Филипса, но ничего не ответил.

– Доктор Джоши, – Филипс переключился на Рамину, – хочу быть с вами откровенен. Я думаю, что ваше появление на Акрите является шансом для наших государств найти пути к мирному диалогу и перейти на взаимовыгодное сотрудничество. Давайте будем рассуждать логично. На Земле осталось не так много ресурсов. Было бы лучше для нас всех не сражаться, неся обоюдные потери, а пойти на экономическое сотрудничество в промышленной сфере.

В нашем министерстве финансов лежит проект создания всемирной промышленной корпорации. Акриту и Хуанди нужно лишь ратифицировать соглашение «о разделе продукции». Пятьдесят на пятьдесят. Поровну. Мы вкладываем равные доли в виде активов, а на выходе получаем равные доли в виде сырья. И нет никакой войны – нет крови, нет битв, нет плачущих жен и матерей. Реализация этого проекта послужит началом мирного диалога между нашими странами.

Знаете, когда – то я служил в акритской армии. Однажды на наш отряд напала многочисленная стая краснобоких зубаток. Выжил один лишь я. Именно тогда я понял, что человечеству нужно переходить от внутренних конфликтов к совместному противостоянию агрессии из внешней среды. Вы, доктор Джоши, будете послом доброй воли. У вас есть шанс стать личностью, которая сможет повлиять на весь ход мировой истории. Когда наше совместное сотрудничество закончится, мы торжественно вручим вам этот проект и отправим вас в Хуанди. Как вы на это смотрите?

Рамина внимательно слушала Филипса и даже немного прониклась его монологом. Она ничего не понимала в экономике, но речь, густо сдобренная такими словами как «мирный диалог», «справедливость» и «пятьдесят на пятьдесят» соответствовала её ценностям, основанным на гуманизме.

Вайс, услышав то, что сказал Филипс, не повёл бровью. Однако в мыслях он сам себе задавал вопрос: «Что он вообще несёт, этот Филипс?». Прозвище «Мясник» никак не согласовывалось с тем пацифизмом, который Алан ненавязчиво, но обильно использовал в своём монологе. Зная, насколько Филипс умён, Вайс решил поддержать этот спектакль. Только доктор Грэм, открыв рот, с большим удивлением смотрел на Филипса. Однако рот сразу же

закрылся, когда Алан, немного прищурившись, пристально посмотрел на Зигфрида сквозь круглые линзы стильных очков.

– Я, знаете ли, очень польщена. Но... – Рамина на секунду задумалась, – я ничего не понимаю в этом...

– А вам и не надо ничего понимать, доктор Джоши. Вы – символ... Символ наших добрых намерений, – Филипс с серьёзным видом снова посмотрел на Грэма. – Кроме того, вас будут сопровождать доктор Грэм, как представитель правительства, и некоторые члены Сената. Вы согласны?

– Простите, но почему это нельзя сделать без меня? – спросила Рамина. – Почему нельзя завтра же взять проект, сесть на корабль и отправиться на встречу с представителями Кайпианского союза?

– Вот, – воскликнул Филипс, – мы перешли к самой сути. Кайпианская пропагандистская машина рисует нас диким народом. Эткими варварами, обладающими технологиями плазмы, но отстающими в развитии социума. Как сказал ваш лидер – глава научного совета Лао Дэмин, «социум акритской метрополии не соответствует тому технологическому укладу, которым он обладает». Аллегорически это можно представить выражением «обезьянам дали гранату». Рамина, разве вы не считаете это проявлением шовинизма? Я и мои сограждане не понимаем, почему нас считают варварами. Мы такие же люди, как и вы. Обычные люди, которые тоже ищут место под солнцем нового мира... И вы, Рамина, прилетев домой, расскажете своим согражданам об этом. Расскажите им всю правду о том, что вы видели здесь. Мы не варвары и в целом очень схожи с вами. У нас, конечно, есть идеологические разногласия, но это вполне нормально и допустимо. Мы не предлагаем основывать мир на общих ценностях, мы предлагаем равный раздел добываемого сырья в Антарктике. Только в Антарктике. Наша общая корпорация будет инвестировать в разработку новых месторождений. Доктор Джоши, я лишь хочу побудить разумные круги вашей элиты на конструктивный диалог с нами...

Рамина обдумала сказанное Филипсом. Слова показались ей не лишёнными смысла, тем более что она была бы не против закончить кругосветный вояж возвращением домой. Дав утвердительный ответ, она улыбнулась Алану, который сделал довольный вид и откинулся на спинку дивана.

– Доктор Грэм, – внезапно нарушил молчание Николас, – я только что обратил внимание на то, что у вас на лбу шишка. Вы записались в секцию рукопашного боя?

Грэм потрогал ушибленный лоб и покачал головой.

– Нет, уважаемый Николас, это результат работы подчиненных полковника Орокина... Кстати, сам он разговаривал с Раминой, когда я вышел из уборной...

– Орокин? – Вайс хлопнул в ладоши и улыбнулся. – Рамина, как вам наш полковник Орокин?

Рамина вопросительно посмотрела на Вайса, дав ему понять, что не знает ответа на этот вопрос.

– Держу пари, что этот супершпион специально устроил встречу с вами, технично устранив доктора Грэма руками своих солдат, – Вайс рассмеялся. – Рамина, в каком амплуа сегодня выступил полковник? Наверно, разыграл козырную карту обаятельного и умного любовника – сердцеда?

Рамина чуть покраснела, но это покраснение не было заметно на её смуглой коже. К её удивлению, сказанное Вайсом точно соответствовало её собственным впечатлениям. Это навело её на мысль что, возможно, полковник действительно преследовал какие – то свои цели... «Ну, к примеру, решил добиться внимания красивой дамы...» Улыбнувшись от этой мысли, она произнесла:

– А вы считаете, что мужчина не должен быть галантен?

– Доктор Джоши, – вмешался в разговор Филипс, – уверяю вас, галантность Орокина можно поставить под большое сомнение. Я служил вместе с ним в одном гарнизоне под началом Императора и знаю, что армия вытворяла там с местным населением. Поверьте, он очень опасный человек. У него нет собственной личности – она давно растворилась за чередой тех масок, которые он на себя надевает.

– А чем он вообще занимается? – насторожившись, спросила Рамина.

– Так никто ничего не знает! – продолжал рассказывать Филипс. – Его, я бы сказал особые отношения с Императором, позволяют ему быть таким, знаете ли, неприкосновенным лицом для контролирующих органов. И он этим пользуется... К примеру, он без всяких объяснений заявил, что для его тайной операции требуется младенец... Да, именно младенец. Вдобавок он сообщил о том, что на его корабле «Черная звезда» необходимо создать отсек для новорождённого с соответствующим медицинским обслуживанием. Не знаю, как вы, Рамина, но я полагаю, что человек, который хочет сделать младенца членом своего экипажа и собирается рассеять с ним в разные уголки земного шара, заслуживает пристального внимания психиатров. Зигфрид, а что вы думаете по поводу диагноза?

– Шизофрения... Явные признаки... – утвердительно закивал Грэм, обрадовавшись тому, что, наконец, нашел общую тему со всемогущим Филипсом.

– Знаете, что полковник Орокин заявил в Сенате, выступив в качестве моего политического оппонента? – Филипс вновь обратился к Рамине. – Чтобы вам было понятнее, я немного расскажу преамбулу того выступления полковника. Дело в том, что я, по роду своей деятельности, постоянно подвергаюсь опасности со стороны всяких радикалов. Мне не раз приходилось раскрывать заговоры против себя и моей семьи. Однажды, когда власть государства была ещё слаба и не держала ситуацию под контролем, я потерял своего отца... Через некоторое время мы всё – таки поймали тех террористов, которые были причастны к этому. Террорист, который пустил пулю моему отцу в самое сердце, признался во всём и искренне раскаялся. По крайней мере, я так думаю. Ему дали двадцать пять лет трудовых лагерей. Лично я его простил, когда увидел слёзы на его глазах. Это действительно были слёзы раскаяния.

Через какое – то время террористы взорвали бомбу в моём особняке. Моя мать серьёзно пострадала от взрыва и стала прикованной к инвалидной коляске. Так вот, полковник Орокин, пламенно дебатировав против меня в Сенате, не найдя, видимо, доводов для аргументации своей точки зрения, заявил, что я, ради принятия поправок к закону о безопасности высших государственных служащих, взорвал мою мать в собственном особняке!

Филипс возмущенно покачал головой и, отпив из бокала, уставился на Рамину. Та, внимательно выслушав Филипса, неожиданно обратилась к нему с вопросом:

– А почему они вас так ненавидят, эти радикалы?

Филипс улыбнулся и посмотрел на Рамину сквозь очки, словно на несмышлёное дитя.

– Доктор Джоши, а мы с чего начали разговор? Проект Всемирной Антарктической корпорации положит конец боевым действиям и уменьшит прибыль оружейников, которые расплодятся вокруг бюджета, словно грибы – паразиты. Но не забывайте, что за ними стоят капиталы, которые превращают недалёких людей в террористов – смертников, начинённых шрапнелью. Инвестиции в террористические группировки оборачиваются увеличением оборонного бюджета метрополии, которая и так ведёт постоянные боевые действия по всему земному шару. Мирное соглашение с Кайпианским союзом – истинная причина покушений на меня и членов моей семьи.

Рамина вдруг почувствовала, что даже зауважала этого небольшого человека в круглых очках, ведущего неравный бой с экстремистами. «Сколько страданий он перенес за свои гуманистические идеи. В этом обществе мундиров Алан выглядел как одинокий рыцарь в шерстяном жакете...»

– Доктор Джоши, расскажите нам о вашей работе. Как она продвигается, и есть ли уже какие-нибудь результаты? – прервал размышления Рамина Николас Вайс.

– Сейчас мы, совместно с доктором Грэмом, проводим работу по выводу тел из криогенного состояния. Эта работа займет немало времени, так как нам необходимо избежать разрушения клеточной структуры тел. Конкретных результатов пока нет, но уже можно с уверенностью говорить о том, что этот процесс завершится через пару месяцев.

– Любопытно, – подытожил Вайс. – Есть ли у вас предположения относительно ответа на вопрос, что же произошло с этими людьми?

– Предположения, конечно, есть, но давайте всё – таки дождёмся результатов диагностики, – ответила Рамина и посмотрела на доктора Грэма.

Грэм одобрительно кивнул и хотел, было, что-то добавить, но воздержался, увидев, что к Вайсу подошел здоровяк в штатском и сказал ему что-то на ухо. Вайс, выслушав охранника, поднял брови и произнёс:

– Император уже выехал, господа! Дорогие гости, приятно было видеть вас на этом торжестве! Продолжайте веселиться и общаться с гостями, а мы пока с Аланом прервёмся – государственные дела обязывают...

Вайс и Филипс, поднявшись с дивана, церемониально попрощались с Раминой и Зигфридом. Когда те ушли, Вайс повернулся к Алану и с улыбкой промолвил:

– Алан, я принял вашу игру, но не понял смысл. Вы просто пацифист – идеалист, случайно затесавшийся среди варваров, или же...

– Николас, – перебил Филипс. – Если я что-то делаю, то, значит, так нужно делать... Интуиция, понимаете? Я не могу достоверно говорить о грядущем, ведь оно ещё даже не произошло, но с большой долей уверенности могу сказать одно – нам нужно быть друзьями с этой иноземкой. И, кстати, держите её в строгой изоляции. Это даст нам шанс запудрить союзникам мозги этим проектом по созданию Антарктической корпорации. Нам нужно сделать так, чтобы кайпианцы, заметив ослабление нашего наступательного вооружения, подумали об этом как о доброй воле метрополии, а не как об удачном моменте для решающего удара по Акриту. Это позволит сконцентрировать все ресурсы на проекте «Зевс». Кроме того, перед нами загадка двух захваченных в Уитморе тел. Что там? Может, вирус или бактерия... Или, может, мутировавший паразит? Ответа нет, но если одно из этих предположений станет достоверным, то оно тайно полетит вместе с доктором Джоши в подземный город Хуанди...

– Да, – уловил его мысль Вайс и улыбнулся, – было бы неплохо, если бы к ним присоединились главный судья Брэндон Льюис и викарий Сайбурга Джон Кук...

– Чем же вам не угодил последний? – изумлённо поинтересовался Филипс, поправляя очки.

– Хронический стукач... Нет, стучат все, но этот вообще никаких рамок не соблюдает. Кстати, он, часом ли, не стучал вам на самого Императора? – Вайс негромко рассмеялся.

– Не смейтесь, Николас, – деловым тоном произнёс Филипс, – на таких людях держится гражданское общество Империи. Они, как внутренние регуляторы социума, бдительно стоят на страже наших интересов. Так что билет викарию мы, пожалуй, аннулируем. Есть масса претендентов на роль миротворцев, так что вначале нужно посоветоваться со мной, прежде чем кого – то куда-то отправлять, хорошо?

Вайс внимательно посмотрел на Филипса и, сделав серьёзное выражение лица, промолвил:

– Конечно, Алан. Но я надеюсь, что мы равноправные партнёры в этом предприятии, не так ли?

– Совершенно верно. И именно поэтому вы должны со мной советоваться, – Алан протянул руку Николасу.

Вайс, одобрительно улыбнувшись, пожал протянутую ладонь, после чего последовал вслед за Филипсом, который быстрой походкой направился в сторону пассажирских лифтов...

* * *

Императорский кортеж, состоящий из вереницы наглухо бронированных автомобилей, окруженных юркими гвардейскими скутерами, передвигался по широким улицам Акрита. Улицы были пустые, так как по средствам массовой информации всегда предварительно сообщали о введении чрезвычайного положения в тех кварталах, по улицам которых мог бы поехать кортеж Императора. Зазевавшихся граждан, не покинувших в отведенное время улицу, ждал предупредительный выстрел в ногу из винтовки Спектратора. Если после этого гражданин не поднимет вверх большой палец, означающий, что он – гражданский, то последует выстрел в жизненно важные органы, а как следствие – смерть предполагаемого террориста. К началу зачистки кварталов от потенциальных радикалов бронированные автомобили с солдатами Спектрата, одетыми в городской камуфляж, наводняли улицы столицы. Геликоптеры высаживали на крышах снайперов, которые занимали ранее определенные командованием позиции.

Спектратор Вильям Грэй, по прозвищу «Большой Билл», подошёл к двери кабинета, расположенного на пятом этаже правительственного здания. Одетый в чёрную форму тайной полиции, Вильям держал в руке большой коричневый чемодан с рифлёной поверхностью.

На двери висела табличка:

Тимати Грэй

Начальник отдела планирования

«Вот так удача, – подумал Вильям, – мой первый день на этой работе, и я встречаю однофамильца». Его кузен, занимающий большой пост в Спектрате, трудоустроил Вильяма в тайную полицию без прохождения обязательных и долгих тестов.

Открыв дверь, Вильям увидел человека, сидящего за столом. Ожидая увидеть типичного клерка, он неприкрыто изумился исполинской фигуре обитателя кабинета, который, приподнявшись, произнёс:

– Заходите, Спектратор, и располагайтесь, как вам будет удобно. Мне сообщили о вашем прибытии, и я ждал вас. Меня зовут Тимати Грэй, возможно, вам понадобится моя помощь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.